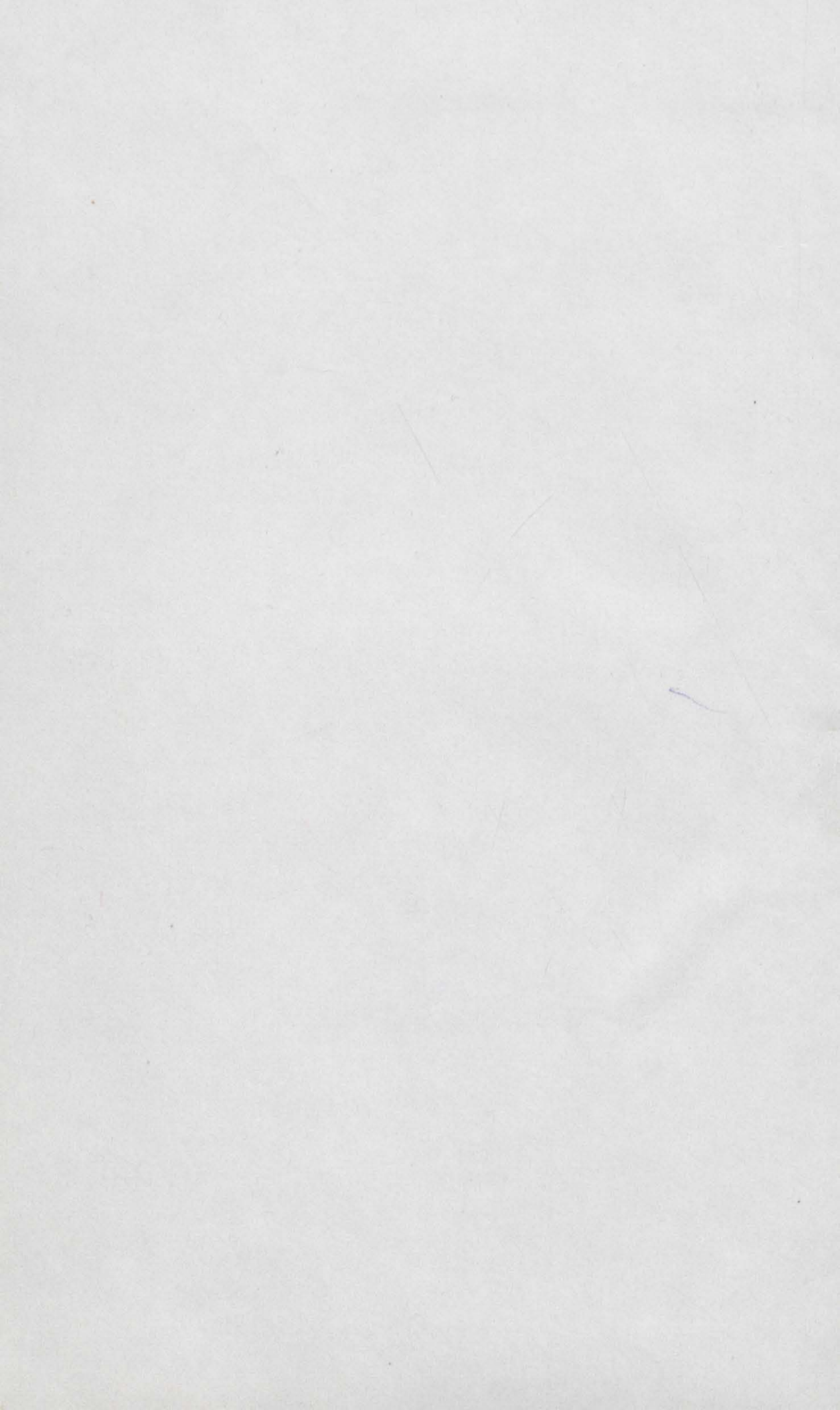

НЕ КОПИРОВАТЬ

Н. Новомбергскій.

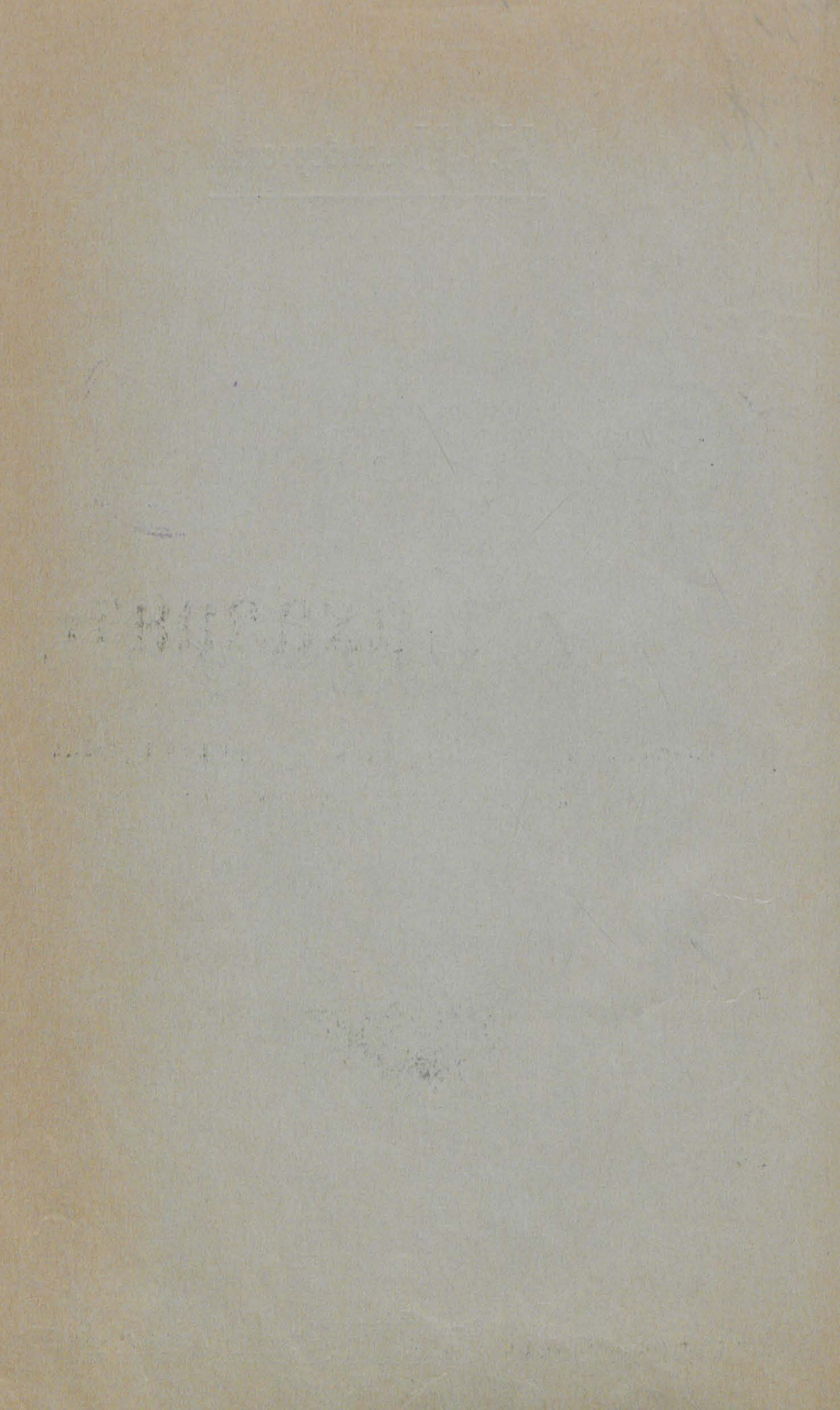
Островъ Сахалинъ.

съ приложеніемъ автобіографіи и портрета убійцы Федора Широколобова.

Ц. 1 р. 50 к.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Дома Призрѣнія Малолѣтнихъ Бѣдныхъ. Лиговская ул., № 26.
1903.

Н. Новомбергскій.

Островъ Сахалинъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Дома Призрѣнія Малолѣтнихъ Бѣдныхъ. Лиговская ул., № 26.
1903.

2014149853

> Природа хороша, но страшно пустоты
> Разсчетливыхъ людей и пошлой ихъ
> рутины!
>
> *А. П. Волковъ.*

Въ началѣ 1901 года въ прессу проникли извѣстія о назначеніи г. Министромъ Юстиціи особой коммиссіи для разработки вопроса о реорганизаціи административно-хозяйственнаго устройства острова Сахалина. Коммиссіи была поставлена широкая задача—упорядоченіе общественнаго, семейнаго и экономическаго быта населенія, изысканіе средствъ къ развитію горнаго промысла, усовершенствованію путей сообщенія, поднятію сельскаго хозяйства. Каждый изъ намѣченныхъ вопросовъ имѣетъ свою печальную исторію въ жизни острова, и, понятно, отъ болѣе или менѣе удачнаго разрѣшенія всѣхъ ихъ зависитъ будущее обширнѣйшей штрафной колоніи и богатѣйшей русской окраины. Какъ бы навстрѣчу петербургской коммиссіи, на Сахалинѣ образована другая, мѣстная коммиссія, имѣющая въ виду болѣе узкую программу—организацію общественнаго самоуправленія.

Вниманіе высшей администраціи къ отдаленному острову изгнанія вполнѣ понятно, такъ какъ нигдѣ наша пенитенціарная система не обнаруживала столько колебаній во взглядахъ на задачи своей дѣятельности и столько упорства въ продолженіи опытовъ для опытовъ, не смотря на огромныя затраты средствъ и полную безрезультатность. Ежегодно отчеты Главнаго Тюремнаго Управленія знакомятъ насъ на безстрастномъ оффиціальномъ языкѣ съ различными сторонами сахалинской жизни: съ преобладающимъ на островѣ количествомъ безхозяйныхъ поселенцевъ, подавляю-

щимъ процентомъ маломощныхъ пахарей, отсутствіемъ средствъ у начинающихъ свое домоустройство, неорганизованностью каторжнаго труда и вообще хозяйственной дѣятельности. Также ежегодно и тѣ-же самые отчеты заносятъ на свои страницы колоссальныя ассигнованія на доставку кругосвѣтнымъ путемъ ссыльныхъ и снабженіе ихъ черезъ Одессу мукой, крупой, зерновымъ хлѣбомъ, солониной и обмундированіемъ. Возникаютъ вопросы, зачѣмъ-же привозятся на Сахалинъ каторжные, когда тамъ нѣтъ каторжныхъ работъ, къ чему колонизуется невѣдомый островъ, когда онъ не въ состояніи прокормить своихъ невольныхъ обитателей и не даетъ имъ простора для трудового возрожденія?

Къ сожалѣнію, оффиціальные матеріалы не даютъ прямого отвѣта на поставленные вопросы. По заявленію бывшаго начальника Главнаго Тюремнаго Управленія г. Саломона, заселеніе острова было предпринято съ тѣмъ, «чтобы сочетать задачи уголовнаго правосудія съ государственною необходимостью заселить край, изъ котораго, по самому географическому его положенію, надлежало создать прочный русскій оплотъ въ нашей дальней восточной окраинѣ» [1]). Таково категорическое мнѣніе компетентнаго лица. Мы думаемъ однако, что цѣль эта не сразу выяснилась для руководящихъ сферъ, или даже никогда вполнѣ не имѣлась въ виду, и въ этомъ, быть можетъ, нужно искать объясненія тому хаотическому состоянію, въ какомъ находится островъ.

Прежде чѣмъ подтвердить высказанную нами мысль фактами изъ области дѣйствительнаго неустройства острова, въ связи съ неопредѣленностью задачъ пенитенціарной политики, позволимъ себѣ предпослать краткій естественно-историческій очеркъ природы Сахалина. Много пишутъ, еще больше говорятъ объ островѣ, но рѣдко можно подмѣтить, что съ островомъ соединяются правильныя историко-географическія по-

---

[1]) Саломонъ. Островъ Сахалинъ. „Тюремный Вѣстникъ“ 1901 г. № 1, стр. 20—21.

нятія; безъ нихъ же едва-ли можно судить о будущихъ успѣхахъ колонизаціи или направленіи ближайшихъ реформъ на Сахалинѣ. Приэтомъ мы себѣ ставимъ задачей общій *очеркъ* сахалинской жизни, а не изслѣдованіе.

Въ послѣдующемъ изложеніи мы постараемся держаться на почвѣ *оффиціальныхъ* матеріаловъ, позволяя себѣ дѣлиться съ читателемъ собственными мыслями о нескладицѣ сахалинской жизни послѣ цѣлаго ряда компетентныхъ заявленій «власть имущихъ». Когда читатель узнаетъ, что Сахалинъ безпощадно критикуется всѣми отъ начальника Главнаго Тюремнаго Управленія до начальника одного изъ округовъ острова включительно, и тѣмъ не менѣе ежегодно пароходы Добровольнаго флота привозятъ все новые и новые кадры насельщиковъ [1]), то ясно станетъ, что ссылка на Сахалинъ держится наперекоръ стихіямъ какою-то непостижимою системою «верхняго скрѣпленія».

Н. Новомбергскій.

С.-Петербургъ,
20 Іюля 1903 года.

[1]) Въ нынѣшнемъ году въ половинѣ апрѣля пароходъ Добровольнаго флота „Ярославль" доставилъ на Сахалинъ 458 каторжныхъ, 33 каторжницъ и добровольно слѣдующихъ: 1—мужчину, 39—женщинъ и 69 дѣтей, а также около 200,000 п. груза.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Историческія свѣдѣнія объ островѣ и занятіе его русскими; естественно-историческія изслѣдованія; орографическія, геологическія и почвообразовательныя условія; флора и климатъ.—Первыя извѣстія объ угольныхъ богатствахъ острова; ссылка и ея первоначальныя задачи; колонизація, ея пріемы и результаты.

Первыя свѣдѣнія о Сахалинѣ встрѣчаются въ японскихъ источникахъ. Въ 1613 году японцы посѣтили землю, извѣстную у нихъ подъ именемъ Крафто и составили ея первую географическую карту. Земля Крафто была ни что иное, какъ южная часть современнаго намъ Сахалина. Спустя 12 лѣтъ тамъ же побывалъ голландецъ Фризъ, добравшійся до рыбацкаго селенія Тамари-Анива. Въ 1646 году письменный голова Василій Поярковъ, путешествовавшій тогда по Амуру, побывалъ у низовьевъ этой рѣки и собралъ отъ гиляковъ свѣдѣнія о большомъ островѣ Шантаръ, какъ тѣ называли Сахалинъ, лежащемъ на востокъ отъ устья Амура. Какъ ни были скудны эти свѣдѣнія, тѣмъ не менѣе ихъ не удалось восполнить и лейтенанту Шельпингу, члену Беринговой экспедиціи, который 100 лѣтъ спустя прошелъ вдоль восточнаго берега Сахалина до Лаперузова пролива. Первыя болѣе основательныя свѣдѣнія по географіи острова были собраны въ 1787 году мореплавателемъ Лаперузомъ, а за нимъ въ 1803—1806 годахъ экспедиціей Крузенштерна. Послѣдующія экспедиціи лейтенанта Подушкина, капитана Литке, подпоручика Гаврилова не расширили представленія о Сахалинѣ и не дали точныхъ свѣдѣній для заключенія, что Сахалинъ островъ, а не полуостровъ, какъ изображалось на различныхъ европейскихъ картахъ. Только въ 1849 году капитанъ-

лейтенантъ Невельскій вмѣсто перешейка, предполагавшагося Лаперузомъ со словъ жителей береговъ Де-Кастри, Брайтономъ, Крузенштерномъ и другими, открылъ проливъ шириною около 7 верстъ, а также доказалъ проходимость для судовъ изъ Татарскаго пролива и Охотскаго моря въ рѣку Амуръ [1]).

Открытіе Невельскаго дало толчекъ нашей «политикѣ» на востокѣ. Не прошло послѣ того и трехъ лѣтъ, какъ былъ командированъ на западный берегъ Сахалина лейтенантъ Бошнякъ, которому было поручено выяснить размѣры угольныхъ богатствъ острова, разобраться въ отношеніяхъ между туземцами и японцами и отыскать на берегу Охотскаго моря удобную гавань [2]).

Въ 1853 году послѣдовалъ Высочайшій приказъ занять на Сахалинѣ три пункта, возможно южнѣе, но не входя въ какія-либо столкновенія съ японцами. Въ августѣ того-же года былъ основанъ Ильинскій постъ (Косунай), а въ слѣдующемъ мѣсяцѣ заложенъ постъ Муравьевскій [3]). По истеченіи трехъ лѣтъ возникъ третій постъ — Дуэ. По Симодскому трактату 1854 года Сахалинъ долженъ былъ оставаться въ общемъ владѣніи Россіи и Японіи. Болѣе подробно опредѣлились взаимныя отношенія двухъ державъ конвенціей 18 марта 1867 года [4]).

Тѣснота территоріи японскихъ острововъ и обиліе рыбныхъ богатствъ на Сахалинѣ поддерживали усиленный притокъ японскихъ рыбаковъ на островъ общаго владѣнія. Не трудно было замѣтить, что фактическое преобладаніе переходитъ на сторону японцевъ, водворявшихся на Сахалинѣ не посредствомъ малочи-

---

[1]) Невельскій. Обзоръ результатовъ дѣйствій русскихъ на сѣверо-восточныхъ предѣлахъ Россіи и участія офицеровъ нашего флота въ дѣлѣ восприсоединенія приамурскаго края къ Россіи. „Морской Сборникъ“ 1864 г. № 3, стр. 32, 33, 44 и слѣд. Кеппенъ. „Островъ Сахалинъ“, etc. стр. 1—9.

[2]) Бошнякъ. Экспедиція въ приамурскомъ краѣ. „Морской Сборникъ“ 1858 г. № 12, стр. 182.

[3]) Невельскій, ibid. „Морской сборникъ“ 1864 г. № 4, стр. 3—16 и слѣд.

[4]) Венюковъ. Опытъ военнаго обозрѣнія русскихъ границъ въ Азіи. Спб. 1873 г., стр. 44—45.

сленныхъ военныхъ командъ, а при помощи болѣе многочисленнаго и дѣйствительно стойкаго въ колонизаціонномъ отношеніи промышленника-рыболова. Въ виду этого по Петербургскому трактату 1875 г. Сахалинъ перешелъ въ безраздѣльное владѣніе русскихъ, за что Японіи были уступлены нами Курильскіе острова.

Съ 50-хъ годовъ истекшаго столѣтія началось, вмѣстѣ съ постепеннымъ занятіемъ Сахалина русскими, изслѣдованіе его въ различныхъ отношеніяхъ. Морскими офицерами гг. Невельскимъ, Римскимъ-Корсаковымъ, Рудановскимъ, Бошнякомъ, Чихачевымъ Линденомъ, Старицкимъ изслѣдовались берега и составлялась карта. Топографами Орловымъ, Бѣлкинымъ, Шебунинымъ, производились съемки. Въ естественно-историческомъ отношеніи островъ былъ изслѣдованъ пріѣзжими учеными и мѣстными дѣятелями: гг. Шренкомъ, Шмидтомъ, Гленомъ, Кеппеномъ, Мицулемъ, Лопатинымъ, Добротворскимъ. Экспедиція гг. Полякова и Никольскаго завершила труды вышеперечисленныхъ изслѣдователей. Въ настоящее время мы имѣемъ полную возможность представить себѣ островъ въ естественно-историческомъ отношеніи безъ тѣхъ грубыхъ погрѣшностей, которыми отличались общія представленія ученыхъ и большой публики до половины прошлаго столѣтія.

Островъ Сахалинъ лежитъ между 45°, 57' и 54°, 24' сѣверной широты и между 159° 10' и 162° 30' восточной долготы отъ о. Ферро, въ длину занимая пространство около 850 верстъ, съ максимальной шириной въ 183 и минимальной въ 24 версты. Ближайшее разстояніе острова отъ материка Азіи между мысами Лазарева и Погиби не превосходитъ 7 верстъ, тогда какъ южный конецъ острова удаляется отъ материка почти на 300 верстъ, считая по параллели. Сахалинъ отдѣляется отъ материка Сѣверо-Японскимъ моремъ, продолженіе котораго къ сѣверу составляютъ проливы Татарскій и Невельскаго. Глубина южной и средней части перваго пролива, даже вблизи острова, весьма значительна, доходитъ до 50 саженъ и только къ сѣверу отъ залива Де-Кастри глубина пролива бы-

стро падаетъ, что именно и заставило гг. Лаперуза, Брайтона и Крузенштерна предположить существованіе перешейка между материкомъ Азіи и островомъ [1]). Глубина такъ незначительна, что суда только съ осадкой до 23 фут. могутъ свободно проходить изъ Сѣверо-Японскаго моря въ Охотское. Это обстоятельство, въ связи съ данными, добытыми при сравнительномъ изученіи распространенія флоры и фауны съ одной стороны—острова, а съ другой—Азіатскаго материка и Японіи, привело А. М. Никольскаго къ убѣжденію, что перешеекъ, упоминающійся въ преданіяхъ туземцевъ Сахалина и отмѣченный на картахъ первыхъ изслѣдователей, дѣйствительно существовалъ, но только въ ближайшее геологическое время, послѣ ледниковаго періода.

Остатокъ когда-то бывшаго перешейка играетъ въ настоящее время роль барьера, задерживающаго сѣверныя холодныя теченія и тѣмъ самымъ ограждающаго Манчжурію, Корею и Западную Японію, между тѣмъ, какъ Сахалинъ съ сѣвера омывается холодными теченіями, направляющимися по западному и восточному его берегамъ. Отъ Гижигинской и Пенжинской губъ даже въ началѣ августа приносятся огромные льды. Само собой разумѣется, какое вліяніе на климатъ Сахалина оказываютъ эти теченія, разрушительная сила которыхъ лишь отчасти возмѣщается для природы острова теплою вѣтвью Куросиво, омывающею южную часть западнаго берега. Съ юга Сахалинъ отдѣляется отъ ближайшаго японскаго острова Іессо Лаперузовымъ проливомъ, минимальная ширина котораго достигаетъ 40 верстъ [2]).

Рельефъ поверхности Сахалина опредѣляется положеніемъ пяти хребтовъ, идущихъ параллельно другъ другу въ меридіальномъ направленіи, а именно: Западнаго съ пикомъ до 4000 фут. высоты, Восточнаго, Южно-центральнаго съ двумя мысами до 2500 ф. в., Тонинскаго и Сѣверо-центральнаго. Большая часть

---

[1]) Никольскій. „Островъ Сахалинъ“, стр. 59—61.

[2]) Семеновъ. Географически-статистическій словарь, т. IV, стр. 499—506. Никольскій, ibid. Стр. 63 и слѣд.

острова гориста и только между хребтами разбросаны низменности, по которымъ протекаютъ довольно значительныя рѣки: Тымь, длиною болѣе 300 верстъ, Поронай длиною болѣе 200 в. и др.

Самая масса горъ состоитъ изъ непрочнаго, легко разрушающагося глинистаго сланца. Путемъ вывѣтриванія первоначальныхъ породъ происходитъ образованіе новѣйшихъ почвъ. Процессъ вывѣтриванія идетъ медленно на вершинахъ горъ, покрытыхъ лѣсомъ. По оголеннымъ скатамъ почвообразованіе энергичнѣе вслѣдствіе того, что нижележащія части породъ обогащаются сползающими сверху. Такимъ образомъ получаются характерные суглинки съ различнымъ процентомъ примѣси песку и первоначально измельченной породы, а также растительнаго перегноя или рѣчного ила въ частяхъ, прилегающихъ къ рѣчкамъ. Въ различныхъ мѣстностяхъ мощность культурнаго пласта не одинакова: перегной доходитъ до двухъ вершковъ и болѣе, а подстилающій его смѣшанный слой до аршина; случается, что подстилающая галька болѣе или менѣе крупной величины большими островами пробивается наружу.

Въ небольшихъ бухтахъ западнаго берега преобладаютъ осадочныя породы съ органическими остатками; мысы состоятъ изъ кристаллическихъ породъ темнаго цвѣта, въ особенности изъ діорита и породы похожей на базальтъ. Самые древніе осадочные пласты выступаютъ на мысѣ Дуэ; они принадлежатъ къ мѣловой системѣ; сложены изъ сѣраго мергеля съ огромными аммонитами inoceramus и множествомъ разныхъ окаменѣлостей. Мѣловая система смѣняется пластами песчаника, сланцеватой глины и конгломерата съ остатками третичной флоры дуба, клена, березы и т. д. Въ отложеніяхъ этой системы залегаетъ каменный уголь. Выше этихъ отложеній проходитъ пластъ съ морскими раковинами третичной системы. Въ южной части острова преобладаютъ бѣлые мергели съ малочисленными раковинами и остатками рыбъ. Третичныя отложенія частью произошли на сушѣ, частью морского происхожденія. Первыя, по мнѣнію г. Шмидта,

принадлежатъ къ міоценовымъ, вторыя же къ пліоценовымъ отложеніямъ [1]). Такова геологическая картина острова и условія почвообразованія.

Все пространство Сахалина, за исключеніемъ его сѣверной части, покрыто густыми и мощными хвойными лѣсами. Лѣсныя породы принадлежатъ преимущественно къ сѣвернымъ хвойнымъ, причемъ въ мѣстностяхъ болѣе южныхъ, находящихся подъ вліяніемъ теплаго теченія, преобладаютъ ель и пихта; а на сѣверо-востокѣ доминируетъ болѣе выносливая лиственница. Широкоствольное чернолѣсье размѣщается главнымъ образомъ въ глубинѣ долинъ, наиболѣе защищенныхъ отъ неблагопріятныхъ вѣтровъ и представляющихъ болѣе выгодныя почвенныя условія. Сахалинское чернолѣсье состоитъ изъ ильма (горнаго и полевого), дуба, тополя, березы, ясеня, боярки, черемухи, клена, осины, нѣсколькихъ видовъ ивы, ольхи и пр. Топографическое размѣщеніе древесныхъ породъ находится въ тѣсной зависимости отъ орографическихъ условій, которыя нерѣдко сближаютъ растительность сѣвера съ флорою юга. Мощная древесная, кустарниковая и травянистая растительность развивается лишь подъ защитою горныхъ хребтовъ и гибнетъ въ мѣстностяхъ, открытыхъ для вѣтровъ и вліяній морскихъ тумановъ. Характернымъ подтвержденіемъ сказаннаго служатъ лиственничныя деревья, произрастающія вблизи морскихъ береговъ, гдѣ они пріобрѣтаютъ уродливую карликовую форму съ верхушками, щитообразно скошенными въ направленіи вѣтра [2]).

Сахалинскій лѣсъ — та-же угрюмая, непролазная сибирская тайга, съ разбросаннымъ повсюду валежникомъ, съ густымъ подлѣскомъ. По подсчету г-на А. Фонъ-Фрикенъ [3]), почти $^{2}/_{3}$ поверхности Сахалина, т. е. приблизительно $4^{1}/_{2}$ милліона десятинъ находятся подъ лѣсами, все же остальное пространство занято тун-

---

[1]) Никольскій. ibid., стр. 92—93; Кеппенъ. ibid. стр. 10—11.

[2]) Фонъ-Фрикенъ. Лѣса остр. Сахалина. Сахал. Календарь 1897 г., стр. 1—3, 22 и слѣд.

[3]) Фонъ-Фрикенъ. Ibid. стр. 28.

драми, песчаными наносами, дюнами, болотами, озерами, рѣками и въ самой незначительной части культурными площадями.

Въ климатическомъ отношенiи островъ Сахалинъ, не смотря на свое сравнительно южное положенiе имѣетъ большое сходство съ губернiями сѣверной полосы Европейской Россiи, а отчасти Сибири. Систематическiя наблюденiя по мѣстной метеорологiи не представляетъ богатаго матерiала. Первая метеорологическая станцiя въ посту Корсаковскомъ (на югѣ) была устроена въ 1880 году; спустя 5 лѣтъ открыта вторая въ селенiи Дербинскомъ; затѣмъ возникли станцiи въ посту Александровскомъ и въ селенiи Рыковскомъ.

На восточномъ берегу, омываемомъ холоднымъ Охотскимъ моремъ, зима и лѣто значительно холоднѣе, чѣмъ на западномъ, куда холодные восточные вѣтры не передаются благодаря меридiальному расположенiю горныхъ хребтовъ. Сѣверо-западная частьо строва, близко подходящая къ материку Сибири, находится подъ влiянiемъ послѣдняго и отличается суровымъ континентальнымъ климатомъ. Въ юго-западной климатъ смягчается подъ влiянiемъ Сѣверо-японскаго моря. Зима и лѣто сѣвернаго и средняго Сахалина по средней годовой температурѣ напоминаютъ европейскiя побережья Ледовитаго океана и Бѣлаго моря; зима и лѣто южной части соотвѣтствуютъ тѣмъ же временамъ года Архангельской и Олонецкой губернiй. Весна повсемѣстно холоднѣе осени. Для сѣверныхъ округовъ число весеннихъ дней—61, лѣтнихъ—62, осеннихъ—61 и зимнихъ—181. На Западѣ острова лѣтомъ температура доходитъ до 29,7°С, на востокѣ—до 32,9°С. Зимою на западѣ (—15°С), на востокѣ (—18°С). Вѣтренныхъ дней въ Александровскомъ окр.—322, въ Тымовскомъ—262. На осадки приходится до 52% дней въ годъ, причемъ на снѣжные осадки болѣе, чѣмъ на другiе. Средняя годовая на средней западной части (+0,2), на внутренней (—1,3) и южной +3,3).

***

Повсюду на островѣ разбросаны неистощимыя залежи каменнаго угля. Объ этихъ богатствахъ

острова извѣстно было со времени Лаперуза. Въ 1850 г. членъ Амурской экспедиціи г. Орловъ пообѣщалъ гилякамъ награду за указаніе на островѣ угля. Обѣщаніе подѣйствовало: вскорѣ были доставлены — пуговица изъ угля и образецъ самаго матеріала. Г. Невельскій распорядился снарядить г. Бошняка для изслѣдованій каменноугольныхъ залежей. Съ такимъ же порученіемъ въ 1853 г. былъ отправленъ на Сахалинъ капитанъ-лейтенантъ Римскій-Корсаковъ, а за нимъ лейтенантъ Чихачевъ съ шестью матросами, которыми до 1-го іюня 1854 г. было добыто около 7.000 пуд. угля. Въ 1856 г. разработкой каменнаго угля на Сахалинѣ для нагрузки парохода «Америка» и шкуны «Востокъ» занимался лейтенантъ Линденъ, имѣвшій въ своемъ распоряженіи 25 матросовъ [1]). Вообще, вслѣдствіе дороговизны иностраннаго угля, для насъ представлялось существенно важнымъ имѣть свою угольную станцію на востокѣ и собственныя копи. Сахалинъ въ этомъ отношеніи сулилъ широкое будущее, которое прозрѣвалъ г. Невельскій.

Интересно прослѣдить, какъ возникла мысль о ссылкѣ каторжныхъ на о. Сахалинъ. Мысль эта отчасти была подсказана изъ среды преступниковъ. Еще въ 1858 г. отцеубійца Иванъ Лапшинъ испросилъ разрѣшеніе сослать его на о. Сахалинъ для добыванія угля [2]). Послѣ этого для той же цѣли прибывали небольшія партіи ссыльно-каторжныхъ, причемъ условія и порядокъ ихъ работъ не даютъ представленія о существованіи какого-либо тюремнаго режима. Главной задачей ихъ водворенія на островѣ было не наказаніе, а добыча угля.

Отсутствіе работъ на казенныхъ заводахъ и рудникахъ, по основательному вполнѣ мнѣнію г. Тальберга, а также прогрессивное увеличеніе количества тяжкихъ уголовныхъ преступленій и рѣшительное ослабленіе репрессивной силы наказанія послужили основаніемъ къ образованію по Высочайшему повелѣнію

---

[1]) Кеппенъ. Ibidem, стр. 66—68.

[2]) Тальбергъ. Ссылка на Сахалинъ. „Вѣстн. Евр." 1879 г. № 3 стр. 221.

5-го декабря 1868 г. особаго комитета, на обязанность котораго было возложено изысканіе мѣръ для организаціи каторжныхъ работъ на болѣе правильныхъ началахъ [1]). Эта мысль подтверждается и оффиціальными данными.

Уже въ половинѣ 60-хъ годовъ, читаемъ въ Отчетѣ Главнаго Тюремнаго Управленія за 1886 г., вслѣдствіе постепеннаго закрытія казенныхъ заводовъ и прекращенія разработокъ рудниковъ, обнаружился крайній недостатокъ каторжныхъ работъ [2]). Еще ранѣе, въ отчетѣ за первый годъ дѣятельности того-же Управленія, упоминается, что, вслѣдствіе уменьшенія каторжныхъ работъ въ Сибири, приходится изыскивать таковыя повсемѣстно, и съ этою цѣлью было обращено вниманіе на существовавшее уже прежде предположеніе объ устройствѣ каторжныхъ работъ на обтескѣ гранита, на островѣ Саммаръ-Э въ Финскомъ заливѣ [3]).

Комитетъ пришелъ къ мысли о ссылкѣ на Сахалинъ, установивъ въ ея пользу слѣдующія положенія: 1) Географическое положеніе о. Сахалина, отдѣленнаго моремъ отъ крайнихъ предѣловъ Россіи, обезпечиваетъ материкъ со стороны побѣговъ, такъ какъ послѣдніе «крайне затруднены, почти невозможны». 2) Наказаніе получаетъ надлежащую репрессивную силу, такъ какъ ссылка на Сахалинъ можетъ быть признана безвозвратною. 3) О. Сахалинъ представляетъ мѣстность не заселенную, обширную пространствомъ, и дастъ просторъ дѣятельности каждаго изъ ссыльно-каторжныхъ, рѣшившагося начать новую трудовую жизнь. 4) Съ точки зрѣнія государственной пользы сосредоточеніе ссыльно-каторжныхъ на Сахалинѣ представляется залогомъ для упроченія нашего обладанія островомъ посредствомъ ссыльно-каторжной колонизаціи, тѣмъ болѣе, что на добровольное заселеніе острова, «при незначительныхъ размѣрахъ колонизаціоннаго

---

[1]) Тальбергъ. Ibidem. стр. 220.

[2]) Отчетъ Гл. Тюр. Упр. за 1886 г., стр. 24.

[3]) Отчетъ Гл. Тюр. Упр. за 1879—80 г., стр. 49.

движенія на Востокѣ», почти нельзя надѣяться. 5) Обширнѣйшія и богатѣйшія каменно-угольныя залежи могутъ быть съ выгодою эксплуатируемы, въ виду громадной потребности въ углѣ для портовъ китайскихъ и истощенія японскихъ рудниковъ. 6) Наконецъ, сосредоточеніе всего контингента ссыльно-каторжныхъ на островѣ обѣщало значительное сокращеніе расходовъ на ихъ содержаніе [1]).

Положенія Комитета были Высочайше утверждены 18 апрѣля 1868 г. [2]). Въ связи съ вопросомъ объ организаціи каторжныхъ работъ на Сахалинѣ въ 1869 г. была по Высочайшему повелѣнію учреждена въ приамурскомъ краѣ коммиссія подъ предсѣдательствомъ генералъ-адъютанта Сколкова, которая, между прочимъ высказалась: «Во всякомъ случаѣ, доколѣ ближайшее и точное изслѣдованіе сахалинскихъ каменноугольныхъ залежей не представитъ болѣе положительныхъ данныхъ о характерѣ ихъ, было-бы, по мнѣнію коммиссіи, весьма неосторожно основать на сахалинскомъ каменноугольномъ производствѣ цѣлую систему депортаціи преступниковъ изъ всѣхъ мѣстностей Имперіи». За не имѣніемъ производительныхъ работъ, на материкѣ каторжные, наприм., тобольской тюрьмы, занимались перенесеніемъ съ мѣста на мѣсто песку, кирпича, камней, дровъ и пр., на Сахалинъ-же въ виду осторожности приамурской коммиссіи было послано въ 1869 г. 800 человѣкъ, въ слѣдующемъ году въ п. Дуэ доставлено 250 чел., въ 1871—165 человѣкъ [2]).

Колонизація острова началась подъ впечатлѣніемъ почти сказочныхъ каменноугольныхъ залежей и съ цѣлью ихъ разработки. Объ организаціи *сельско-хозяйственной* колоніи на Сахалинѣ не было рѣчи да и не могло быть, при отсутствіи знакомства съ почвенными, климатическими и другими условіями мѣстности и какого-либо прежняго сельско-хозяйственнаго опыта на

[1]) Тальбергъ ibidem., стр. 220—221.

[2]) Кеппенъ ibidem. стр. 42—43.

островѣ. Имѣлись безспорныя свѣдѣнія о богатствѣ острова углемъ, въ которомъ нуждался нашъ флотъ и на который былъ спросъ на Востокѣ, и тѣмъ не менѣе по вопросу о каменноугольной промышленности была обнаружена большая осторожность. Тѣмъ болѣе нельзя было задаваться мыслію о насажденіи земледѣлія на Сахалинѣ, который еще представлялъ совершенно terra incognita. Нужно пожалѣть, что въ послѣдущее время драгоцѣнная осторожность перваго періода была забыта.

Первый *постоянный* постъ на островѣ былъ основанъ въ 1858 г. въ Дуэ, окрестности котораго изобиловали выступающими наружу пластами каменнаго угля, разрабатываемаго штольнями и понынѣ. Этотъ постъ оставался единственнымъ втеченіе 10 лѣтъ. Только въ 1869 году на южной части острова возникъ второй постоянный постъ, Корсаковскій, на мѣстѣ временной Муравьевской заимки. Въ послѣдующее десятилѣтіе возникло одно только поселеніе, Пашня (нынѣ Новомихайловское).

До 1879 года Сахалинъ служилъ главнымъ образомъ мѣстомъ добычи угля въ Дуйскихъ копяхъ. Работали здѣсь каторжные, доставлявшіеся съ материка небольшими партіями, изъ которыхъ первая въ количествѣ до 80 человѣкъ прибыла, въ 1861 году [1]. Болѣе широкая колонизація острова задерживалась отчасти неопредѣленностью нашихъ правъ на островъ, отчасти же неумѣньемъ сразу поставить, какъ слѣдуетъ, эксплуатацію каменноугольныхъ богатствъ. По Петербургскому трактату 1875 года наши права на островъ окончательно установились; а 4 года спустя начинается новая эра въ нашихъ отношеніяхъ къ Сахалину: въ Главномъ Тюремномъ Управленіи, только что образовавшемся, рѣшено было произвести опытъ отправки на Сахалинъ большой партіи каторжныхъ, до 600 человѣкъ морскимъ путемъ черезъ Одессу, съ поселеніемъ ихъ на островѣ навсегда. За первымъ опытомъ

---

[1]) Кеппенъ ibid. стр. 65, 68, 73.

послѣдовалъ дальнѣйшій транспортъ каторжныхъ тѣмъ же путемъ. Въ 1880 году на Сахалинѣ числилось 2400 человѣкъ каторжныхъ; изъ нихъ 156 находилось въ посту Корсаковскомъ, остальные были сосредоточены около Дуэ, центра каменноугольной промышленности.

Такое большое количество рабочихъ не могло быть занято въ копяхъ; кромѣ того, для всей этой массы людей не оказалось соотвѣтственныхъ помѣщеній. Само собою возникли задачи по устройству населенія: началось возведеніе помѣщеній для каторжныхъ, служащихъ, надзора; стали проводить дороги и углубляться внутрь острова. Такимъ образомъ было положено начало поселеніямъ по другую сторону горнаго хребта, въ долинѣ рѣки Тыми: за возникшимъ въ 1879 году селеніемъ Мало-Тымовскимъ, появились въ слѣдующемъ году селенія Рыковское и Дербинское. Выборъ мѣстъ подъ названныя поселенія производился безъ всякаго плана и безъ участія спеціалистовъ. Выбирали ихъ, какъ замѣчаетъ бывшій тюремный инспекторъ г. Коморскій, надзиратели, переименованные послѣ въ смотрители: унтеръ-офицеры Рыковъ, Дербинъ и другіе. Въ 1881 году возникъ постъ Александровскій, современная столица Сахалина и рядомъ селеніе Корсаковка, а также постъ Тихменевскій въ Корсаковскомъ округѣ. Спустя годъ въ томъ же округѣ были основаны Соловьевка, Мицулевка, Владимировка.

Съ 1882 года было окончательно рѣшено организовать на Сахалинѣ отбываніе каторги, съ цѣлью колонизаціи острова, вслѣдствіе чего началось усиленное образованіе поселеній. Ростъ послѣднихъ по трехлѣтіямъ съ 1883 г. по 1897 г. включительно выражается въ слѣдующемъ видѣ: въ 1-е трехлѣтіе—13 поселеній, во 2-е—18, въ 3-е—23, въ 4-е—35 и въ 5-е—24 поселенья. Въ 1898 году было образовано всего лишь три поселенья и на этомъ закончились колонизаціонные опыты. Изъ приведенныхъ данныхъ видно, что колонизаціонная энергія достигла высшаго своего напряженія въ трехлѣтіе съ 1892 г. по 1894 г., съ тѣмъ, чтобы спустя одно трехлѣтіе совсѣмъ прекратиться.

Не безынтересно обратить вниманіе на плоды колонизаціи.

По компетентному заявленію инспектора сельскаго хозяйства на Сахалинѣ, г-на А. фонъ-Фрикенъ, совершенно не удались очень многія поселенія: такъ, напр., Верхній Поронай затопляется, на Далдаганѣ нѣтъ удобной для хлѣбопашества земли, Тауланъ открытъ на огромномъ торфяникѣ; не имѣютъ сельско-хозяйственныхъ угодій поселенія, разбитыя по западному берегу острова, къ сѣверу отъ селенія Мгачи, а именно: Танги, Хоэ, Знаменка, Трамбаусъ, Вяхты, Ванги и Рыбацкое. По климатическимъ условіямъ не имѣютъ будущности поселенія—п. Тихменевскій, Найэро, Селютора, Могункотанъ, Чха-Поронай, Сирароко и др. поселенія, расположенныя по восточному берегу отъ залива Терпѣнія до Найбучи. Заслуживаетъ вниманія, что въ оффиціальныхъ сферахъ къ этимъ колонизаціоннымъ открытіямъ относились совершенно иначе. Въ отчетѣ за 1890 годъ Главнаго Тюремнаго Управленія, гдѣ передаются, между прочимъ, подробности работъ экспедиціи, отыскивавшей при помощи «карманной астролябіи» годныя для заселенія мѣстности, отмѣчается: «Успѣхъ упомянутой экспедиціи превзошелъ ожиданія: въ долинахъ правыхъ притоковъ Пороная, на значительномъ разстояніи отъ тундристыхъ его береговъ, найдено было много мѣстностей для устройства поселеній» [1]). Очевидно, не много требовалось для констатированія успѣшности, и не удивительно поэтому, что на основаніи голаго факта трехкратной доставки черезъ Одессу ссыльно-каторжныхъ. Главное Тюремное Управленіе пришло къ заключенію, что устройство каторги на Сахалинѣ «обѣщаетъ удовлетворительные результаты» [2]).

Къ характеристикѣ образованныхъ администраціей поселеній нужно добавить, что самые пункты намѣчались безъ всякаго соображенія со средствами сообщенія. Селенія Пилево, Листвянка, Успенское, Наяси

[1]) Отчетъ Главн. Тюр. Упр. 1890 г. стр. 318.

[2]) Отчетъ Главн. Тюр. Упр. 1886 г. стр. 127.

и Рыбацкое — въ Александровскомъ округѣ и селенія Маука-Аракуай, Тея, Поротомари—въ Корсаковскомъ округѣ втеченіе продолжительнаго времени года отдѣлены отъ прочихъ населенныхъ мѣстъ острова. Только лѣтомъ открывается возможность пароходнаго сообщенія; притомъ срочныхъ рейсовъ нѣтъ, а разъ или два приходящіе тюремные катеры, съ цѣлью снабженія населенія предметами первой необходимости, привозятъ иногда ситцы, ленты, бездѣлушки въ то время, какъ населеніе нуждается въ гвоздяхъ, обуви и хлѣбѣ. Жизнь отрѣзаннаго отъ остальнаго міра населенія и заброшеннаго въ угрюмыя пади, сжатыя со всѣхъ сторонъ суровой природой, текла, вѣроятно, нездоровымъ теченіемъ, если возможно было въ одномъ мѣстѣ повальное религіозное помѣшательство, проявившееся подъ вліяніемъ одного магометанина Шахобуддинова въ формѣ буйствующаго воинства святого Ваисія.

Для соединенія болѣе или менѣе удобныхъ поселеній между собою и съ главными дорогами, по заключенію г. фонъ-Фрикенъ, потребовалось бы провести въ Александровскомъ округѣ до 195 верстъ, въ Тымовскомъ до 83, въ Корсаковскомъ до 350. Въ настоящее время сколько-нибудь удобныхъ дорогъ на всемъ островѣ, между 62 поселеніями изъ 132 общаго числа, имѣется не болѣе 425 верстъ, да и тѣ были проложены до начала колонизаціонной горячки. До проведенія новыхъ дорогъ и капитальнаго ремонта существующихъ всякая колонизаціонная дѣятельность, по справедливому замѣчанію г-на Соломона, если бы только это было возможно, должна бы пріостановиться.

Съ конца 1898 года новыхъ поселеній на Сахалинѣ не возникаетъ, увлеченіе колонизаціей, повидимому, прошло; контингентъ поселенцевъ ежегодно растетъ, на островѣ они искусственно не задерживаются, и едва только стаетъ снѣгъ и покажутся первоцвѣты, къ постамъ Александровскому и Корсаковскому и по хорошимъ и по плохимъ дорогамъ тянутся поселенцы со всѣмъ скарбомъ и семействами, чтобы съ первыми отходящими пароходами навсегда покинуть Сахалинъ.

Раскарчеванныя пашни, раздѣланныя усадьбы,

жилыя и хозяйственныя постройки — все передается новымъ выходцамъ изъ каторжныхъ тюремъ, а иногда просто, за неимѣніемъ покупателя, бросается безъ призору, и нѣтъ поэтому фактической надобности въ образованіи новыхъ поселеній. Сахалинъ сталъ мѣстомъ временнаго принудительнаго пребыванія; бѣгутъ отсюда ссыльно-крестьяне, ссыльно-поселенцы, стремятся на материкъ даже каторжные, пренебрегая всѣми опасностями, съ этимъ связанными.

Тяжелую картину представляютъ десятки домовъ, брошенныхъ ихъ хозяевами, съ вырванными окнами и дверями, съ разобранной изгородью, раскрытыми крышами. Стоятъ они среди жилыхъ домовъ, какъ нѣмой призывъ на ту сторону. Случается видѣть цѣлыя поселенія покинутыя, какъ наприм. Арково (среднее), Далдаганъ или Хандаса (вторая), гдѣ стоитъ около 40 домовъ изъ хорошихъ широкоствольныхъ срубовъ. Все это памятники неосмысленной колонизаціи и слѣды тяжкаго сверхъ-каторжнаго труда.

Поселенія возникали по общему правилу вокругъ тюремнаго центра; сначала строилась тюрьма, вокругъ нея естественно возникалъ поселокъ, гдѣ жили служащіе и семейства содержавшихся въ тюрьмахъ арестантовъ. Съ притокомъ въ тюрьму новыхъ арестантовъ часть прежняго тюремнаго населенія выходила на волю и селилась подлѣ естественнаго административнаго центра; частью же переводилась на ближайшія, намѣченныя администраціей, поселенія. Уже въ 1883 году, въ силу Высочайшаго Манифеста 15 мая того же года о сокращеніи срока каторжныхъ работъ на $^1/_3$, на островѣ образовалось до тысячи человѣкъ ссыльно-поселенцевъ. Эта группа и составила первоначальный контингентъ колонизаторовъ дальнихъ поселеній, гдѣ оперировала администрація. Число поселенцевъ возростало ежегодно, приблизительно на 750 человѣкъ; а за четырехлѣтіе съ 1890 г. по 1893 г. включительно ростъ поселенческаго населенія выражается въ слѣдующихъ цифрахъ: 731, 2154, 722 и 668.

Неожиданно образовавшійся, вслѣдствіе примѣненія

послѣдовавшихъ манифестовъ, контингентъ поселенцевъ вызвалъ напряженіе организаторской дѣятельности администраціи, тѣмъ болѣе, что было принято за правило оканчивающихъ срокъ каторжныхъ работъ поселять на островѣ навсегда; самый же островъ представлялъ угрюмую, пустынную, еще не тронутую человѣкомъ природу: сплошные лѣса, чередовавшіеся съ огромными тундрами, множество горныхъ хребтовъ съ разносторонними развѣтвленіями, узкія рѣчныя долины, покрытыя гигантской густой порослью и прорѣзанныя болотами и глубокими торфяниками.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Первоначальныя предположенія относительно состава ссылаемыхъ на Сахалинъ и результаты; движеніе водворяемыхъ по пятилѣтіямъ. Домообзаводство поселенцевъ и трудности; заработки, казенное довольствіе и его недостатки; общая нищета и доморализація; казенное пособіе на обсѣмененіе и инвентарь; Фондъ, его операціи и деморализующее вліяніе; хищническое винокуреніе; ссуды на пріобрѣтеніе скота и будущее скотоводства.

Когда стали обозначаться задачи колонизаціи Сахалина, то предполагались сосредоточить на немъ до 5000 ссыльно-каторжныхъ [1]). Въ навигацію 1881 года было намѣчено отправить до 850 человѣкъ; изъ нихъ 500 мужчинъ думали поселить въ сѣверной части острова и 350 въ южной. Южная часть острова, отличающаяся сравнительной мягкостью климата, проектировалась подъ устройство первыхъ земледѣльческихъ колоній около поста Корсаковскаго. Съ этою цѣлью имѣли намѣреніе направить сюда до 180 семейныхъ ссыльно-каторжныхъ. При сформированіи указаннаго транспорта не были также забыты ремесленники и спеціалисты, необходимые въ быту зарождающейся сельской жизни. Однако проекты не удались Въ Одессу были доставлены партіи далеко не соотвѣтствовавшія имѣвшимся

[1]) Отч. Главн. Управ. 1884 г. стр. 127 и слѣд.

планамъ. Пришлось ограничиться лишь медицинскимъ осмотромъ и направить на Сахалинъ 476 человѣкъ безъ семействъ. Только спустя два года на островъ направились 11 семействъ, добровольно слѣдующихъ за преступниками, и съ 1884 года начались высылки туда преступницъ, приговоренныхъ къ каторжнымъ работамъ, а спустя 10 лѣтъ—женщинъ, приговоренныхъ къ ссылкѣ на поселеніе.

Сосредоточеніе на Сахалинѣ ссыльныхъ женщинъ съ цѣлью способствовать семейному устройству каторжныхъ — давно извѣстный пріемъ въ исторіи нашей ссылки. Еще въ XVII вѣкѣ московское правительство ссылало въ Сибирь «съ женою и дѣтьми», далѣе предлагалось пашеннымъ крестьянамъ, чтобы они своихъ дочерей и племянницъ выдавали замужъ за ссыльныхъ «чтобы тѣхъ ссыльныхъ холостыхъ людей отъ побѣгу унять и укрыть» [1]). Указомъ, напримѣръ, 11 Февраля 1825 года предписывалось пріобрѣтать съ этой же цѣлью покупкой или вымѣномъ отъ сопредѣльныхъ инородцевъ дѣтей женскаго пола [2]). Въ результатѣ этой политикѣ, по свѣдѣніямъ г. Кузовникова, съ 1823 г. по 10 сентября 1897 г. на счетъ казны за 97224 чел. ссыльныхъ было отправлено въ Сибирь 215,843 души ихъ семействъ [3]).

Заботясь о подборѣ населенія, соотвѣтственнаго колонизаціоннымъ задачамъ, Главное Тюремное Управленіе обратило вниманіе на то, чтобы высылкѣ на Сахалинъ подлежали исключительно каторжные отряда испытуемыхъ, и не должны были вовсе высылаться: а) ссыльно-каторжные, которые подлежатъ высылкѣ въ Восточную Сибирь на основаніи примѣчанія къ 577 ст. Уст. о ссыльныхъ, (по продолж. 1876 г.,) за прибытіемъ установленныхъ сроковъ въ разрядѣ исправляющихся, б) ссыльно-каторжные, которые подверглись какому-либо осужденію за вновь совершенныя ими преступ-

---

[1]) Акты ист. т. IV № 27, стр. 60.

[2]) П. С. З. т. XL № 30224, стр. 62.

[3]) Кузовниковъ. Къ исторіи ссылки въ Сибирь. «Тюремный Вѣстникъ» 1898 г. № 2, стр. 74.

ленія, а равно и изъ приговоренныхъ за такія же преступленія въ каторжныя работы ссыльно-поселенцы, и в) ссыльно-каторжные изъ магометанъ [1]).

Къ сожалѣнію, не имѣется данныхъ, какъ скоро было нарушено указанное правило; можно только думать, что практическаго значенія оно не имѣло съ первыхъ же лѣтъ его установленія. По свѣдѣніямъ напр. за 1897 г. число ссыльно-каторжныхъ изъ магометанъ превышаетъ 14% общаго количества ссыльно-каторжныхъ, особенно много ихъ появилось послѣ Андижанскихъ безпорядковъ; все же господствующую группу составляютъ магометане-кавказцы, осужденные за разбои у себя на родинѣ или же во время поселенчества въ предѣлахъ Сибири. Часты также случаи ссылки на Сахалинъ ссыльно-каторжныхъ, которымъ оставалось всего нѣсколько мѣсяцевъ работъ. За послѣднее десятилѣтія Восточная Сибирь поставляла на островъ самыхъ тяжкихъ преступниковъ: безсрочныхъ, вслѣдствіе замѣны смертной казни, или осужденныхъ безъ срока по Улож. о наказаніяхъ и Уст. о ссыльныхъ за тяжкія или повторяемыя преступленія. Къ сожалѣнію. въ этотъ потокъ, выносящій изъ Россіи наиболѣе стойкіе элементы, попадаютъ несовершеннолѣтніе по первой судимости и воинскіе чины, осуждаемые за различныя нарушенія военныхъ законовъ.

Подобная амальгама элементовъ. объединенныхъ однимъ формальнымъ признакомъ преступленія, не можетъ не вызывать осужденія ни съ точки зрѣнія чисто пенитенціарной, ни тѣмъ болѣе колонизаціонной. Тюрьма живетъ своими законами, которые создаются каторжниками по призванію; эти послѣдніе, не будучи въ состояніи сами исправиться, вліяютъ своимъ примѣромъ деморализующимъ образомъ на остальную массу, мало или совсѣмъ не испорченныхъ. Такимъ образомъ въ каторжной тюрьмѣ происходитъ естественное объединеніе обитателей и теряются для колонизаціи самыя цѣнныя силы. Нечего уже говорить, что магометане, и независимо отъ развращающаго вліянія тюремной

[1]) Отч. Главн. Упр. 1880—81 г. стр. 81.

жизни, не могутъ колонизовать острова, такъ какъ на своей далекой родинѣ одни изъ нихъ были скотоводами, лихими джигитами, не знавшими земледѣлія, другіе—въ лучшемъ случаѣ знакомы лишь съ культурой риса или хлопка.

О размѣрахъ прироста населенія за счетъ ежегоднаго морского импорта каторжныхъ и ихъ семействъ можно судить по нижеслѣдующей таблицѣ, въ которой имѣются свѣдѣнія за четыре послѣдовательныхъ пятилѣтія [1]).

Годы.	Ссыльныхъ.			Добровольно-слѣдующихъ.		
	мужчинъ.	женщинъ.	дѣтей.	мужчинъ.	женщинъ.	дѣтей.
съ 1880 по 85 .	3526	59	10	2	60	100
1885—90 . .	5244	520	81		468	679
1890-95 . .	6862	644	96	1	496	920
1895—1900 .	7010	615	63	3	524	677
Итого . . .	22642	1838	250	6	1548	2376

Кромѣ арестантовъ, доставляемыхъ черезъ Одессу, Сахалинъ пополняется небольшими партіями съ материка непосредственно. Такъ съ 1890 г. по 1893 г. включительно изъ Европейской Россіи прибыло 4697 мужчинъ и 570 женщинъ; изъ губерній и областей Сибири—2773 мужч. и 103 женщины.

И такъ, на Сахалинѣ сосредоточились ссыльно-каторжные разныхъ категорій, возрастовъ и національ-

[1]) Съ 1879 г по 1883 г. включительно на Сахалинъ привозились ссыльные одинъ разъ въ теченіе лѣта. Въ 1884 г. былъ сдѣланъ первый опытъ перевозки людей съ весеннимъ и осеннимъ рейсами. Этотъ порядокъ сохранился до настоящаго времени, причемъ ежегодное количество доставляемыхъ ссыльныхъ въ предѣлахъ каждаго послѣдующаго пятилѣтія стало увеличиваться.

ностей; для «вящшаго упроченія быта» ихъ были приняты мѣры къ высылкѣ туда женщинъ. Посмотримъ, при какихъ условіяхъ начинали свое домоустройство эти невольные колонизаторы. Относительно женщинъ вопросъ упрощается: онѣ назначались въ помощь при домообзаводствѣ и входили въ готовый уже дворъ, минуя его тяжелую исторію. Вся тяжесть труда вызвать дворъ изъ небытья, поставить твердой рукой избу и другія постройки среди тайги выпадала на долю мужчины.

Послѣдній при выходѣ изъ тюрьмы получалъ отъ казны: топоръ дроворубный, мотыгу, лопату и 2 фунта веревки. Очень незатѣйливый, хозяйственный фондъ и ему позавидовать могъ бы развѣ только Робинзонъ Крузо! Кромѣ указанныхъ инструментовъ по Высочайшему Повелѣнію 30 іюня 1883 года «впредь до установленія окончательныхъ правилъ по устройству поселенцевъ на Сахалинѣ» было разрѣшено содержать на казенномъ довольствіи тѣхъ изъ сыльно-поселенцевъ, которые, по заключенію мѣстыхъ властей, не имѣютъ собственныхъ средствъ къ существованію и не могутъ найти необходимыхъ заработковъ, или же по болѣзненному состоянію работать не въ силахъ. Заработки найти на пустынномъ островѣ невозможно. На всемъ островѣ существуетъ спросъ на рабочую силу только на каменноугольныхъ копяхъ Маковскаго и К° и рыбныхъ промыслахъ различныхъ предпринимателей. Работа на первыхъ поставлена такъ, что спросъ на рабочія руки открывается спорадически, во время спѣшныхъ нагрузокъ углемъ пароходовъ; въ обычное же время рудникъ обслуживается каторжными Дуйской тюрьмы, спеціально въ интересахъ компаніи открытой. Что касается рыбнаго промысла, то здѣсь полными хозяевами являются японцы: они работаютъ на японскій рынокъ, пріѣзжаютъ на своихъ судахъ, со своими снастями и рабочими. Не представляютъ въ этомъ отношеніи исключенія и русскія рыбалки, даже субсидируемыя правительствомъ. Ссыльно-поселенцу остается разсчитывать только на мелкихъ промышленниковъ изъ ссыльныхъ, но послѣдніе ограничиваются

весьма незначительнымъ количествомъ наемныхъ рабочихъ.

Пріисканіе работъ немыслимо безъ отлучки, разрѣшеніе же на выходъ изъ поселья, къ которому причисленъ сс.-поселенецъ, получается съ большими затрудненіями. Такъ было особенно въ первое время, когда энергично устраивались и застраивались поселья. Впрочемъ и позднѣе, какъ напримѣръ, лѣтомъ 1902 года, по распоряжнію начальника Александровскаго округа была прекращена выдача сс.-поселенцамъ билетовъ на рыбалки и только голодный бунтъ нѣсколько поколебалъ безусловность состоявшагося ограниченія. Вообще нужно замѣтить, что въ глазахъ сахалинской администраціи искать заработковъ, шататься, совершать преступленія — это понятія синонимическія, въ чемъ, къ сожалѣнію, есть доля правды. При такихъ-то условіяхъ естественной и неизбѣжной кормилицей сс.-поселенца становится земля, собственный участокъ, собственное хозяйство. Къ тому же побуждаетъ еще и то, что, на основаніи 377 ст. Уст. о ссыльныхъ, перечисленіе ссыльно-поселенцевъ въ сс.-крестьяне по сокращенному сроку, т. е. черезъ шесть лѣтъ, допускается лишь въ томъ случаѣ, если они «вели себя совершенно одобрительно, занимались полезнымъ трудомъ и пріобрѣли осѣдлость». Послѣднее условіе, именно пріобрѣтеніе осѣдлости до самаго ближайшаго времени съ точки зрѣнія сахалинской администраціи составляло conditio sine qua non привиллегіи на перечисленіе въ крестьянство по сокращенному сроку.

Такимъ образомъ поселенецъ по необходимости начиналъ свое новое поприще на Сахалинѣ съ казенными инструментами въ рукахъ и съ надеждой на пайковое довольствіе, состоящее по расчету на день изъ слѣдующихъ элементовъ: муки ржаной — 2 фун. 22 з. 50 д., крупы гречневой — 15 з. 75 д., мяса соленаго — 40 зол. при 157 варкахъ въ годъ, рыбы соленой — 1 ф. при 208 варкахъ. Это довольствіе разрѣшалось выдавать приступившимъ къ домообзаводству въ ближайшихъ посельяхъ въ теченіе двухъ лѣтъ и осѣвшимъ въ болѣе отдаленныхъ — въ теченіе трехъ.

Мы говоримъ выше «съ надеждой» на пайковое довольствіе въ виду того, что de jure не было признано за всякимъ сс.-поселенцемъ права на паекъ: это право пріобрѣталось одобреніемъ начальства, его нужно было заслужить еще: или въ тюрьмѣ, противъ арестантскихъ правилъ подхалимствуя передъ начальствомъ, или на волѣ—путемъ фактическаго первоначальнаго домоустрйства. За подхалимство каторга жестоко бьетъ и немногіе этимъ путемъ рѣшатся обезпечить себѣ привиллегію. На волѣ же мотыка, топоръ и лопата оказываются менѣе дѣйствительными средствами къ выходу изъ безвыходнаго положенія, чѣмъ веревка, которая, по крайней мѣрѣ, въ смыслѣ удавки, всегда по мѣстнымъ условіямъ приводитъ къ цѣли...

Но положимъ, что паекъ назначенъ. За нимъ нужно прійти изъ поселья туда къ смотрителю. Зимою это возможно, но смотритель часто не бываетъ въ назначенное время на мѣстѣ выдачи и приходится, потерявъ два—три дня, вернуться домой и ждать еще мѣсяцъ или продать свое право съ хорошимъ процентомъ въ пользу покупателя—благодѣтеля. Въ нѣкоторыхъ участкахъ вошло въ обычай раздавать пайки въ два—три мѣсяца разъ, что создало особую биржу, гдѣ котируется право на пайковую получку, конечно, съ потерями для состоящихъ на довольствіи [1]). Послѣдніе теряютъ на своемъ жалкомъ пайкѣ еще и по другому распространенному обычаю: именно вслѣдствіе грубаго взвѣшиванія и, вѣроятно, по расчету на усушку, усыпку и мышеястіе—эту тріаду интендантскаго благополучія—поселенцамъ выдаютъ $1^1/_2$ пуда муки, а остальные почти 8 фун. поступаютъ «въ экономію» завѣдывающаго складомъ. Въ широкихъ размѣрахъ также практикуется замѣна привозной дорого стоющей солонины мѣстной малоцѣнной рыбой.

Всѣ эти привходящія обстоятельства остаются безъ

---

[1]) Также котируются грузопровозныя удостовѣренія. Поселенцы доставляютъ въ тюрьмы разнаго рода грузы, а деньги получаютъ спустя значительное время послѣ доставки, вслѣдствіе чего и практикуется переуступка правъ на получку.

обжалованія и протеста, такъ какъ отъ того-же смотрителя, завѣдующаго складомъ, зависитъ представленіе къ довольствію и лишеніе его навсегда. Понятно, добившійся пайка не тужитъ о нѣкоторой контрибуціи, съ міру же по ниткѣ—голому рубаха. Въ этой грязной ткани есть однако и другія нити. На Сахалинѣ и до сихъ поръ извѣстны такіе завѣдующіе поселенческимъ довольствіемъ, что женщины *не рискуютъ* къ нимъ приходитъ самолично и переуступаютъ свои права на паекъ или дачку (одежда по положенію) мужчинамъ, а многіе изъ послѣднихъ, не рѣшаясь вмѣстѣ съ пайкомъ ежемѣсячно получать побои и подвергаться надругательствамъ, затягиваютъ получку на много мѣсяцевъ или отказываются вовсе.

Трудно получать паекъ въ силу условій, невидимо господствующихъ въ складѣ, немало также трудностей преодолѣть приходится по пути за нимъ и обратно. Выше было уже сказано о бездорожьѣ между многими посельями; добавимъ теперь, что при осенней и весенней распутицѣ нечего и думать о путешествіи за довольствіемъ, а въ другое время, лѣтомъ за нимъ или съ нимъ на плечахъ нужно пробираться съ опасностью для жизни по горнымъ тропинкамъ, по болотамъ съ кочки на кочку, вбродъ по многочисленнымъ рѣчкамъ или вмѣсто мостовъ переправляться по скользкимъ жердямъ, съ которыхъ свалиться въ воду легко каждую минуту, а спастись потомъ нѣтъ никакихъ шансовъ.

Самъ по себѣ взятый, во всю свою законную мѣру, паекъ не можетъ считаться достаточнымъ. Тотъ же самый сс.-поселенецъ, будучи каторжнымъ и работая на тюремныхъ горныхъ или дорожныхъ работахъ по правилу: «день да ночь—сутки прочь», получаетъ усиленное довольствіе: муки - 42 зол., крупы—8 зол., соленаго мяса—56 зол., и, конечно, при болѣе тяжелой работѣ на себя не можетъ довольствоваться меньшимъ. Тѣмъ не менѣе паекъ даетъ возможность не умереть съ голоду и въ этомъ отношеніи онъ необходимое безусловно и очень цѣнное пособіе, но только въ этомъ узкомъ и ужасномъ смыслѣ. Тоже нужно сказать объ

одежномъ довольствіи, которое назначается сс.-поселенцамъ по положенію и котораго также совершенно недостаточно, особенно при работѣ въ тайгѣ.

Какъ бы то ни было сс.-поселенецъ направляется въ назначенное ему поселье, гдѣ долженъ онъ раскорчевать участокъ подъ домъ, свалить въ тайгѣ необходимое число бревенъ, вытащить ихъ на себѣ къ мѣсту постройки, срубить затѣмъ избу, покрыть ее тесомъ, пріобрѣсти кирпичъ и сложить печь. Если на все это не хватитъ здоровья или умѣнья, то нужно нанять кого-либо. Наконецъ, поставлена изба, есть *осѣдлость* на случай перечисленія въ крестьяне. Далѣе, одни бросаютъ поселье и шатаются по другимъ болѣе населеннымъ пунктамъ, не брезгуя никакими средствами существованія; другіе, болѣе стойкіе и по существу не испорченные, входятъ въ собственный домъ и начинаютъ *настоящія* каторжныя работы, отрываясь отъ домоустройства къ случайному заработку, отъ послѣдняго къ домоустройству, и такъ безъ срока переходя «изъ огня да въ полымя». Своя изба—словно волшебный клубокъ, изъ котораго непрерывной нитью тянутся одна за другой нужды: требуется раздѣлать участокъ подъ посѣвъ; завести лошадь или корову (голова около 80 руб.); наладить телѣгу, сани; купить сбрую; достать плугъ, соху, борону; подумать о хозяйкѣ, безъ которой хозяйство немыслимо. Размотать этотъ клубокъ рѣдко кому удается, большинство же запутывается и бѣжитъ изъ поселья, бѣжитъ, какъ отъ врага страшнаго, отъ этихъ скорбныхъ дней труда безъ просвѣта, работы безъ плодовъ.

Въ нѣсколько лучшихъ условіяхъ находятся семейные поселенцы, но и они падаютъ подъ тяжестью не борьбы съ природою, а вліяній среды и общаго неустройства. Вотъ въ какихъ ужасныхъ, хотя и правдивыхъ краскахъ, описываетъ ихъ бытъ въ оффиціальной бумагѣ бывшій начальникъ Тымовскаго округа г. Савримовичъ: «Пріобрѣтая все исподволь и съ большимъ трудомъ, онъ (семейный ссыльно-поселенецъ) ежеминутно можетъ разсчитывать быть обворованнымъ или грубо эксплуатируемымъ наглымъ праздношатаю-

щимся сотоварищемъ, ради страха къ которому онъ попускается всѣми проказами послѣдняго. Далѣе, помощница и вѣрная жена его до ссылки, выразившая желаніе раздѣлить съ нимъ горькую участь, сначала ради нужды, затѣмъ ради развлеченія, поддаваясь мало-по-малу окружающей атмосферѣ, уходитъ отъ дома, отъ дѣтей и тяжелыхъ заботъ по безнадежному хозяйству. Погоревавъ, и самъ хозяинъ не прочь отдохнуть на сторонѣ, и видя, что все распадается, начинаетъ легче и беззаботнѣе относиться къ нуждамъ семьи. Несчастныя, безпризорныя, голодныя дѣти становятся непосильной обузою. Въ довершеніе —дочери, еще не достигшія половой зрѣлости, совершенныя дѣти, уже въ корень развращены. Никакихъ мѣръ и средствъ предотвратить это отецъ не имѣетъ. Кругомъ и громадное большинство—беззаботные бобыли, праздные, безстыдные, порочные до мозга костей, ищущіе приключеній ради чисто-физіологическихъ побужденій и не останавливающіеся ни передъ какими соображеніями. Кругомъ бѣдность, развратъ и обманъ» [1]). Нужно еще замѣтить, что описанное положеніе значительно ухудшается, когда отецъ семейства, а потомъ и члены его, теряютъ право на казенное довольствіе. Для многосемейныхъ казенное довольствіе представляется весьма существенной поддержкой: дѣти получаютъ кормовыхъ денегъ въ мѣсяцъ 1 руб. 50 коп. на душу, а въ исключительныхъ случаяхъ (калѣки) 3 рубля; выдача продолжается дѣтямъ до 14-лѣтняго возраста, женамъ поселенцевъ до 2-хъ лѣтъ послѣ увольненія отъ работъ ихъ мужей.

Съ прекращеніемъ пособія отъ казны на долю старшихъ въ семействѣ, вниманіе родителей направляется на эксплуатацію дѣтей женскаго пола. Сплошь и рядомъ дѣвочки школьнаго возраста служатъ источникомъ семейнаго дохода, и, неся такую тяжелую роль, въ школѣ подвергаются со стороны сверстниковъ насмѣшкамъ, характернымъ для нравственной физіономіи

[1]) Савримовичъ. Къ вопросамъ по устройству ссыльныхъ на о. Сахалинѣ. 1896 г. № 4721, стр. 8.

обѣихъ сторонъ. Живущимъ на Сахалинѣ извѣстны случаи сожительства съ мужчинами 8 и 10 лѣтн. дѣвочекъ. Что же касается подростковъ въ 12 и 13 лѣтъ, то онѣ открыто живутъ на содержаніи у тюремныхъ надзирателей, писцовъ и различныхъ чиновъ администраціи. На это явленіе можно отвѣтить только многозначительнымъ сахалинскимъ: «Здѣсь Сахалинъ». Бороться съ этими ужасными явленіями разврата однихъ и глубокаго несчастія другихъ нѣтъ возможности на почвѣ однихъ уголовныхъ законовъ, и всякія попытки въ этомъ направленіи приводятъ къ неожиданнымъ, почти противуположнымъ результатамъ.

Съ тяжелымъ чувствомъ мы вспоминаемъ одну изъ попытокъ въ этомъ отношеніи. Передъ Рождествомъ истекшаго года ссыльно-поселенцемъ Ипатіемъ Васильевымъ мировому судьѣ 3-го участка было подано прошеніе о взысканіи суммы въ нѣсколько десятковъ рублей съ дѣвицы свободнаго состоянія Василисы Илютиной. Въ назначенный день для разбирательства очередныхъ дѣлъ слушалось и дѣло по вышеуказанному прошенію. На вызовъ сторонъ изъ толпы, находившейся въ камерѣ, вышелъ высокаго роста, рыжій, коренастый мужчина, лѣтъ сорока, оказавшійся истцомъ, и выдѣлилась маленькая, худенькая дѣвочка, съ безкровнымъ лицомъ и лихорадочно блестящими глазами. Это и была отвѣтчица, Василиса Илютина, «дѣвица свободнаго состоянія», тринадцати лѣтъ. Изъ разбирательства дѣла выяснилось, что истецъ съ родителями отвѣтчицы заключилъ условіе, по которому онъ обязался доставить родителямъ корову, а тѣ ему отдать въ сожительство Василису, впервые, и также по условію, еще три года тому назадъ отданную одному мелкому лавочнику изъ селенія Рыковскаго. Съ Васильевымъ отвѣтчица пожила нѣкоторое время и ушла къ родителямъ, забравъ всѣ подарки истца, а отъ нихъ черезъ два-три дня перебралась въ сожительницы къ поселенцу Плотникову. Отвѣтчица не разошлась съ истцомъ относительно сущности дѣла; подарки признала «отжитыми», а свой уходъ отъ Васильева мотивировала короткимъ замѣчаніемъ: «напимъ обсѣяться

надо, а у Ипатія овса нѣтъ, вотъ я и пошла за 20 рублей къ Плотникову».

Позднѣе, возникло новое гражданское дѣло, гдѣ мѣсто Васильева занялъ Плотниковъ. Возникло также слѣдственное дѣло по обвиненію родителей Илютиной «за умышленное развращеніе нравственности, а равно и за потворство, также съ намѣреніемъ, разврату». Привлеченіе родителей къ уголовной отвѣтственности не опечалило ихъ, но вызвало большую досаду, когда имъ было разъяснено, что пайковое довольствіе имъ не можетъ быть назначено одновременно съ возбужденіемъ слѣдствія, что паекъ будетъ выдаваться лишь въ случаѣ осужденія ихъ. Взглядъ на наказаніе за торговлю дѣтьми, какъ на премію, выразился съ такой же ясностью и по дѣлу ссыльно-каторжнаго Онорской тюрьмы, Франца Подлесъ и жены его, свободнаго состоянія, Франциски Подлесъ, торговавшихъ своей 10-лѣтней дочерью Маріей, которая, обучаясь въ школѣ, сожительствовала съ ссыльно-каторжнымъ, Иваномъ Варнаковымъ. Впрочемъ, послѣднее дѣло отличалось своей исключительно грустной подробностью. Прибывши даже на слѣдствіе, Подлесъ-отецъ, въ одной изъ чайныхъ с. Рыковскаго торговалъ женой и дочерью, собирая съ охотниковъ по пятачку.

Наши законы о сводничествѣ и злоупотребленіи родительской властью давно уже вызываютъ справедливыя нареканія; на Сахалинѣ же ихъ примѣненіе ведетъ къ результатамъ наименѣе желательнымъ: здѣсь не только остается безнаказаннымъ покупатель, который притомъ не всегда каторжникъ, но и родители, по мѣстнымъ условіямъ, вмѣсто наказанія получаютъ премію, чувствительное поощреніе. Нельзя поэтому не присоединиться къ глубоко правдивой характеристикѣ жизни поселенцевъ, сдѣланной г. Савримовичемъ, который пишетъ: «Въ общемъ, жизнь поселенцевъ какой-то тяжелый кошмаръ, смѣсь разгула, безшабашнаго разврата, наглости, безстыдства и разнузданности съ самымъ истиннымъ горемъ и невообразимыми лишеніями, — жизнь во всѣхъ проявленіяхъ своихъ из-

вращенная самыми уродливыми и ужасающими оттѣнками» [1]).

У подавляющаго большинства поселенцевъ, при выходѣ изъ тюрьмы, ничего другого не имѣется, кромѣ уже указанныхъ жалкихъ казенныхъ инструментовъ. Наиболѣе счастливые черезъ нѣкоторое время добиваются казеннаго довольствія, едва-едва обезпечивающаго существованіе, въ буквальномъ смыслѣ, а между тѣмъ нужно внести жизнь въ тайгу, раскорчевать поляны, оживить ихъ посѣвами, расчистить сѣнокосы, завести скотъ. Конечно, при обиліи лѣса, домъ можно построить, для этого требуется только личный трудъ. Но безъ помощи извнѣ нельзя добыть ни сѣмянъ, ни скота. Заработковъ нѣтъ, — слѣдовательно, этой помощью извнѣ должна быть администрація, колонизаціонный механизмъ. Посмотримъ, что сдѣлала въ этомъ отношеніи администрація.

Еще въ 1879 году на Сахалинъ были направлены, вмѣстѣ съ транспортомъ людей и груза, земледѣльческіе инструменты и машины: вѣялки, мукомольные снаряды, ручныя мельницы, молотилки, соломорѣзки, плуги, бороны, лугорѣзы—всего 46 штукъ. Очевидно, что указанныя машины и инструменты не предназначались для поселенцевъ-колонизаторовъ, которыхъ тогда еще не было, но должны были обслуживать нужды тюремнаго хозяйства, возникшаго естественно въ силу скопленія массы каторжныхъ на отдаленной, пустынной территоріи. Въ 1882 г. для тѣхъ же цѣлей были доставлены на островъ 4 плуга, 1 борона, 50 штукъ косъ и столько же серповъ. Въ слѣдующемъ году—3 вѣялки. Еще годъ спустя тюремный инвентарь обогатился 250 шт. лопатъ, 50 шт. косъ и 150 шт. мотыгъ. Согласно Высочайше утвержденнаго мнѣнія Государственнаго Совѣта отъ 29 декабря 1886 г. былъ отпущенъ кредитъ въ 10.000 рублей по 6% для ссудъ поселенцамъ на обсѣмененіе. Въ 1890 г. администраціей были пріобрѣтены на 34 руб. 5 коп. сѣмена пшеницы—гирки, озимой—красной и ячменя и въ 1893—

---

[1]) Савримовичъ. ibidem. стр. 9.

1894 гг. еще куплено сѣмянъ на 180 рублей. Этимъ послѣднимъ закончилась вся исторія мелioрацій. Впрочемъ, нельзя обойти молчаніемъ двухъ учрежденій, дѣятельность которыхъ, по крайней мѣрѣ, внѣшнимъ образомъ обычно связывается съ вопросомъ о колонизаціонныхъ меліораціяхъ. Эти учрежденія—Экономическій фондъ и Александровскія тюремныя мастерскія

Сахалинскій экономическій фондъ возникъ изъ частнаго склада продуктовъ для служащихъ въ тюремномъ вѣдомствѣ и для тюремныхъ артелей ссыльно-каторжныхъ на о. Сахалинѣ, устроеннаго по иниціативѣ князя Шаховского. Въ 1880—81 гг. князь Шаховскій, бывшій завѣдующимъ ссыльно-каторжными на островѣ, вслѣдствіе дороговизны продуктовъ первой необходимости, организовалъ выписку различныхъ товаровъ изъ Одессы. Послѣ его отъѣзда сношенія съ Одессой прекратились, но необходимость въ нихъ сказалась еще съ большей силой въ виду послѣдовавшаго запрещенія выпускать ссыльно-поселенцевъ на материкъ. Тогда по почину агронома г. Мицуля возобновился складъ, и притомъ на болѣе широкихъ началахъ подъ названіемъ Колонизаціоннаго фонда. Основнымъ капиталомъ для операцій фонда послужили 5.000 руб., оставшіеся отъ ликвидаціи дѣлъ бывшаго при князѣ Шаховскомъ запаснаго склада. Часть товаровъ пріобрѣталась въ кредитъ, другая за счетъ временныхъ позаимствованій изъ авансовыхъ суммъ, отпускавшихся на содержаніе каторги. Товары продавались на Сахалинѣ съ надбавкою до 30%. По отчету къ 1 мая 1889 года денежныя операціи фонда достигли 72.006 р. 71½ коп. Колонизаціонный фондъ въ скромныхъ размѣрахъ оказывалъ поддержку приступающимъ къ домоустройству, ссужалъ ихъ инструментами, желѣзомъ, гвоздями, изрѣдка домашнимъ скотомъ.

Обнаруженные ревизіей недостатки въ веденіи дѣлъ фонда послужили толчкомъ къ пересмотру основаній его дѣятельности и выработкѣ новыхъ правилъ. Приказомъ г. Приамурскаго Генералъ-Губернатора 6-го ноября 1896 года Колонизаціонный фондъ былъ замѣненъ Экономическимъ фондомъ. По первому пункту

положенія о немъ «Сахалинскій экономическій фондъ имѣетъ главною цѣлью снабженіе населенія острова всѣми предметами первой жизненной необходимости». Между тѣмъ фондъ торгуетъ и торговалъ съ надбавкою на заготовительную стоимость товаровъ въ 35%; большую часть товаровъ получалъ и получаетъ не изъ первыхъ рукъ, а при посредничествѣ крупныхъ торговыхъ фирмъ Чурина и Кунста и Альберса. Не смотря на то, что Сахалинъ портъ-франко, фондъ покупалъ до послѣдняго года сахаръ, спички, керосинъ съ оплатой акциза. Вопреки 3 пункту устава «не вызывать какихъ-либо стѣсненій для частной торговли», фондъ не разъ обнаруживалъ прискорбную энергію въ этомъ направленіи. На основаніи пункта 9 предоставлено расходовать «изъ прибылей фонда до 4.000 руб. въ годъ по непосредственному усмотрѣнію губернатора», и, вѣроятно, въ виду этого за 1896—1897 операціонный годъ изъ средствъ фонда выдано 11.471 р. 88 коп. «на разныя потребности тюремной администраціи», въ томъ числѣ и на «музыкантовъ» [1]). Иногда изъ суммъ фонда выдаются чиновникамъ награды «для уплаты долговъ», въ видѣ правила раздаются большія суммы «за ревизію».

Въ настоящее время операціи Экономическаго фонда превышаютъ ежегодно 200.000 рублей. По отчету съ 1 мая 1896 г. по 1 мая 1897 г. фондомъ продано разныхъ товаровъ на 196.351 р. 5 к. и крѣпкихъ напитковъ на 67.652 р. 10 к. [2]). Какъ видно, торговля крѣпкими напитками занимаетъ доминирующее положеніе въ дѣятельности фонда. Въ этомъ отношеніи фондъ стоитъ внѣ конкуренціи, такъ какъ частная виноторговля запрещена на островѣ. При покупной цѣнѣ съ уплатою акциза 13 р. 15 к. за ведро спирта въ 95 градусовъ, ведро водки продается населенію по 10 рублей. А такъ какъ изъ ведра спирта получается 2½ ведра водки сорокоградусной крѣпости, то, слѣдо-

---

[1]) „Приамурскія Вѣдом." 1896 г. № 152 и Сахалинскій календарь за 1899 годъ.

[2]) Сахалинскій календарь 1897 г. стр. 138—146.

вательно, на водку набрасывается до 80%. За 1895 г. водочная прибыль составляла половину всей прибыли фонда.

Такое же положеніе въ отношеніи виноторговли занималъ впрочемъ и Колонизаціонный фондъ. Нужно замѣтить только въ защиту оригинальности Экономическаго фонда, что онъ не всегда довольствуется 80% прибыли и часто продаетъ ведро спирта по 30 руб. Въ приказѣ г. губернатора о. Сахалина отъ 25 августа 1898 года за № 178 находимъ слѣдующее любопытное мѣсто: «изъ книгъ фонда усматривается, что выручка одного дня по винной лавкѣ иногда превышаетъ 4.000 руб., что отпускъ спирта прогрессивно возрастаетъ и параллельно съ нимъ возрастаетъ и задолженность населенія и количество преступленій». Чѣмъ-то свѣжимъ и многообѣщающимъ вѣетъ отъ этого приказа, но это было въ 1898 году. Въ октябрѣ же 1901 г. при томъ же губернаторѣ, съ послѣдняго парохода «Нингута» было снято 1.600 вед. спирта и 10.000 штукъ бутылокъ водки, не считая разныхъ винъ, наливокъ и пива. Къ Рождеству вся водка была продана за 54.600 рублей или дороже 27 рублей за ведро спирта. Завѣдующій фондомъ спѣшно былъ снаряженъ въ Николаевскъ, гдѣ пріобрѣлъ еще 2.800 ведеръ спирта, который былъ доставленъ на Сахалинъ *по нартовому пути*. Итакъ за одинъ только зимній сезонъ 1901—1902 гг. въ продажу поступило болѣе, чѣмъ на 100.000 рублей водки! [1]).

Приведенной суммой не исчерпываются потери населенія на водкѣ. Въ массѣ широко развита безпатентная продажа вина, причемъ бутылка водки доходитъ до $1^{1}/_{2}$ рублей и выше. Водкой торгуютъ буквально всѣ, не исключая чиновниковъ. Казенная водка вливаетъ въ преступный міръ ту отраву, которая поддерживаетъ и развиваетъ въ организмѣ болѣзненную потребность въ новыхъ и новыхъ дозахъ, словомъ, неутолимую жажду. Эта послѣдняя удовлетворяется болѣе дешевымъ ядомъ—самосадкой.

---

[1]) «Сибирская Жизнь» 1902 г. № 78.

Въ обширномъ Тымовскомъ округѣ, въ каждомъ селеніи, можно найти нѣсколько хищническихъ винокуренныхъ заводовъ, въ каждомъ домѣ пріобрѣсти ихъ продуктъ. Мечта сахалинца—пріобрѣсти подобный заводъ. Его оборудованіе обходится не дороже 20 руб. Гдѣ-нибудь въ брошенной избѣ на краю селенія, или въ тайгѣ около рѣчки ставится самодѣльный самоваръ изъ жести, изъ-подъ керосинныхъ банокъ, нѣсколько клёпокъ и заводъ въ ходу. Въ качествѣ рабочихъ на заводѣ дѣйствуютъ бѣглокаторжные, собирающіеся на материкъ, и бродяги. Хозяинъ завода собираетъ по 45 коп. съ бутылки самосадки, ничѣмъ не рискуя, кромѣ суммы, затраченной на сооруженіе. Подъ пулю солдатъ и въ тюрьму попадаютъ рабочіе, никогда не выдающіе дѣйствительнаго собственника. Вокругъ казенныхъ хозяйственныхъ предпріятій, какъ-то: мельницъ, кирпичныхъ заводовъ, угольныхъ ямъ, дроворѣзокъ — возникаютъ винокуренные заводы на счетъ одного или нѣсколькихъ каторжныхъ, работающихъ въ этихъ мѣстахъ по наряду. Объ этомъ знаетъ и надзиратель, но онъ молчитъ, такъ какъ кругомъ тайга, онъ одинъ, а каторжныхъ десятки.

Начало хищническому винокуренію положилъ на Сахалинѣ, кажется, каторжный изъ уроженцевъ Остзейскаго края. За нимъ обучились другіе, причемъ нѣкоторые достигли большого искусства и далеко позади себя оставили своего учителя. Въ Тымовскомъ округѣ, напримѣръ, лучшей маркой пользовалась самосадка Гусятникова, нажившаго на этомъ производствѣ хорошее состояніе. Однако рѣдки при этомъ случаи благополучной ликвидаціи: у большинства не хватаетъ выдержки во время пріостановиться, бросить промыселъ даже тогда, когда уже кое-что сколочено, и они становятся жертвами своихъ-же кліентовъ; другіе въ самомъ началѣ своей карьеры подвергаются той-же участи, что и первые; третьимъ не удается заводъ поставить такъ искусно, чтобы онъ не былъ открытъ солдатами: заводъ разрушается за заводомъ, а вмѣстѣ съ этимъ теряется не только послѣднее добро, но еще пріобрѣтается неоплатный долгъ. Такъ или иначе, но въ боль-

шинствѣ случаевъ хищническій заводъ— кровавое дѣло.

Переходя къ Александровскимъ тюремнымъ мастерскимъ, мы должны замѣтить, что они не играютъ въ жизни населенія даже той отрицательной роли, какая выпала на долю Экономическаго фонда. Въ посту Александровскомъ, кромѣ паровой мельницы, имѣются мастерскія съ отдѣленіями сталелитейнымъ, слесарнымъ, кузнечнымъ, столярнымъ и бондарнымъ. Работаютъ здѣсь каторжные и главнымъ образомъ для нуждъ тюремнаго хозяйства, иногда исполняютъ заказы чиновниковъ и никогда ничего не готовятъ для цѣлей колонизаціонныхъ, что было отмѣчено еще бывшимъ начальникомъ Главнаго Тюремнаго Управленія г. Саломономъ. Между тѣмъ, какъ мастерскія могли-бы и должны были-бы служить отчасти мѣстнымъ центромъ производства принадлежностей телѣгъ, плуговъ, боронъ и простыхъ сельско-хозяйственныхъ машинъ. Нельзя считать нормальнымъ, что на Сахалинѣ и топоръ и лопата привознаго происхожденія, а плуговъ совсѣмъ нѣтъ. При губернаторѣ г. Мерказинѣ были слабыя попытки готовить въ казенныхъ мастерскихъ сельскохозяйственныя орудія для поселенцевъ, но дальнѣйшаго развитія эти благія начинанія не получили. Единственная связь между населеніемъ и казенными мастерскими, пожалуй, та, что въ нихъ именно дѣлаются самовары для цѣлей хищническаго винокуренія.

Заботы администраціи по снабженію населенія острова скотомъ, по крайней мѣрѣ въ первомъ періодѣ колонизаціи, заслуживаютъ вниманія. Еще въ 1880 г. Генералъ-Губернаторомъ Восточной Сибири изъ смѣтныхъ суммъ на содержаніе острова, было пріобрѣтено въ Забайкальѣ для отправки на Сахалинъ 322 головы скота, стоимостью въ 22.100 р. Въ слѣдующемъ году за счетъ Колонизаціоннаго фонда тамъ-же было куплено еще 257 штукъ за 21.323 руб. Всего указаннаго количества оказалось недостаточно послѣ примѣненія манифеста 15 мая 1883 г., когда число поселенцевъ сразу увеличилось на 1.000 человѣкъ. Генералъ-Губернаторъ г. Анучинъ возбудилъ ходатайство объ отпускѣ особаго кредита на пріобрѣтеніе скота. Высочайшимъ повелѣ-

ніемъ 6 января 1886 г. было отпущено 60.000 р. съ тѣмъ, чтобы деньги, вырученныя отъ продажи населенію скота до 1889 г. включительно употреблять на новыя покупки. Начиная-же съ 1890 г., возвращавшіяся суммы должны были поступать въ государственное казначейство [1]). Изъ ассигнованныхъ суммъ предполагалось пріобрѣсти 750 головъ рогатаго скота и лошадей и выдавать скотъ населенію съ разсрочкой платежа на шесть лѣтъ, съ ежегоднымъ погашеніемъ со второго года послѣ покупки. Обременительность столь краткосрочной ссуды не замедлила обнаружиться, а вмѣстѣ съ этимъ и ничтожность ассигнованнаго кредита. Въ виду этого, по Высочайше утвержденному мнѣнію Государственнаго Совѣта 14 іюня 1890 года, было отпущено еще 5.000 руб. и срокъ дѣйствія правилъ о продажѣ скота 6 января 1886 г. былъ продленъ еще на пять лѣтъ.

Такимъ образомъ казенное воспособленіе для пріобрѣтенія скота, не смотря на послѣдующія поправки, не имѣло характера установленія постояннаго операціоннаго фонда, единственно цѣлесообразной формы при общемъ безденежьи населенія, дороговизнѣ скота (средняя цѣна головы 80 руб.) и чрезвычайной затруднительности его пріобрѣтенія внѣ предѣловъ острова. Ссудный характеръ этого воспособленія, разсчитаннаго на короткій срокъ, повелъ за собою особую бухгалтерію: были заведены спеціальныя книги ссудъ и погашенія, назначены особыя лица для веденія ихъ. Въ результатѣ книги оказались въ фактическомъ завѣдываніи писцовъ изъ каторжныхъ, которые за небольшое приношеніе вносили въ книги отмѣтки о погашеніяхъ якобы произведенныхъ одними и для вѣрности итога соотвѣтственныя суммы приписывали другимъ. Возникъ цѣлый рядъ уголовныхъ преслѣдованій за допущенные въ книгахъ подлоги, но тѣмъ не менѣе книги остались запутанными на столько, что едва-ли есть возможность ихъ привести когда-нибудь въ порядокъ. При ревизіи книгъ въ 1898 г., г. губернаторъ острова

[1]) Отч. Главн. Тюр. Упр. 1885 г., стр. 104 и слѣд.

замѣтилъ, что «правильность веденія книгъ съ давнихъ поръ никѣмъ не контролировалась».

Къ 1 января 1900 года на 5.080 хозяйствъ въ 118 селеніяхъ на островѣ приходилось 2.284 лошади и 1.624 жеребенка, 3.960 коровъ, 987 быковъ и 5.779 телятъ. Слѣдовательно, въ среднемъ на хозяйство приходится не живая, напримѣръ, лошадь, а статистическая, именно та ужасная дробь, которая съ неподражаемымъ трагизмомъ была выведена незабвеннымъ Г. И. Успенскимъ въ его разсказѣ: «Четверть лошади» [1]).

Изъ приведенныхъ свѣдѣній о количествѣ скота на островѣ видно, что скотоводство не имѣетъ значенія самостоятельной хозяйственной отрасли и далеко еще не удовлетворяетъ потребности населенія въ рабочей силѣ. Мы думаемъ, что и въ будущемъ скотоводству не предстоитъ широкой перспективы, такъ какъ скотъ можетъ держаться на подножномъ корму не болѣе пяти мѣсяцевъ; сплошныхъ сѣнокосныхъ пространствъ нѣтъ, а сѣнокосы небольшими полянками разбросаны среди болотъ и лѣса; травы принадлежатъ къ числу малопитательныхъ, а буйный ростъ ихъ сопровождается быстрымъ отложеніемъ въ скелетѣ древесины. При продолжительной и очень холодной зимѣ запасы малопитательныхъ травъ, къ тому же собранные съ многочисленныхъ участочковъ, не могутъ быть велики. Предположенія нѣкоторыхъ о возможности на Сахалинѣ маслодѣлія—плодъ грубаго заблужденія.

---

[1]) Обиліе подростковъ рогатаго скота нисколько не вліяетъ на количество *хозяйственнаго* скота, такъ какъ продажа приплода на убой представляетъ единственный болѣе или менѣе крупный источникъ денежнаго дохода. Подобныя торговыя операціи не мѣшаютъ, правда, обновленію скота, но задерживаютъ его ростъ.

ГЛАВА III.

Мнѣніе г. Галкина-Врасскаго о колонизаціи острова и ея успѣхахъ; его аргументація и дѣйствительность; мнѣнія о томъ-же гг. Саломона и фонъ-Фрикенъ; общія условія земледѣлія и ихъ значеніе; урожайность и ея отношеніе къ обезпеченности населенія; доставка на островъ грузовъ и семействъ ссылаемыхъ; обратные переселенцы; каменный уголь и его достоинства; исторія разработки и современное состояніе; нефть, рыбопромышленность, лѣсопользованіе.

Въ запискѣ бывшаго начальника Главнаго Тюремнаго Управленія г. Галкина-Врасскаго по обозрѣнію о-ва Сахалина въ 1894 г. находимъ слѣдующее любопытное мѣсто: «Земледѣльческое хозяйство на Сахалинѣ, какъ вообще основное въ дѣлѣ благосостоянія сельчанъ, давно занимаетъ собою общественное мнѣніе и за послѣдніе 15 лѣтъ было не рѣдко предметомъ спора, но теперь вопросъ о возможности веденія такого хозяйства на Сахалинѣ врядъ-ли не представляется вопросомъ празднымъ» [1]). Такое категорическое мнѣніе аргументируется съ различныхъ точекъ зрѣнія. Вопросъ о недостаточности колонизаціонной площади разрѣшается указаніемъ на новыя долины по рѣкамъ Сусуѣ, Лютогѣ и Найбѣ, гдѣ будто-бы достаточно мѣста «для вполнѣ обезпеченнаго существованія многихъ тысячъ людей». Объ этихъ и другихъ мѣстностяхъ достаточно припомнить уже приведенный нами отзывъ инспектора сельскаго хозяйства на Сахалинѣ, г. А. фонъ-Фрикенъ. Указывается на то, что за послѣднее 15-ти лѣтіе возникло 79 новыхъ поселеній «изъ коихъ многія поселенія вполнѣ уже благоустроены, напоминаютъ собою наши русскія деревни». Мы знаемъ также, при какихъ условіяхъ поселенія возникали, чтобы потомъ исчезнуть, и какъ ни бѣдны наши русскія деревни, но едва-ли есть основаніе съ ними сравнивать сахалинскія поселенія, состоящія изъ наскоро сколоченныхъ среди тайги избушекъ, изъ которыхъ многія притомъ брошены ихъ собственниками.

---

[1]) „Тюремный Вѣстникъ“ 1895 г. № 5, стр. 237—238.

Болѣе правильный взглядъ на эти поселенія мы находимъ въ отчетѣ Главнаго Тюремнаго Управленія за 1899 г., гдѣ между прочимъ о зданіяхъ поселенцевъ говорится: «большая часть этихъ построекъ едва-ли по своимъ размѣрамъ и употребленному на нихъ матеріалу можетъ заслуживать названія построекъ, въ томъ смыслѣ, какъ его слѣдуетъ понимать, и такія сооруженія также легко сносятся, какъ и воздвигаются» [1]). Это замѣчаніе особенно цѣнно, тѣмъ болѣе, что на Сахалинѣ сплошь и рядомъ приходится видѣть жилыя постройки *изъ накатника* рядомъ съ гніющими широкоствольными гигантами, обреченными временными хозяевами на добычу паловъ. Далѣе, указывается на успѣхи хлѣбопашества и сбытъ хлѣба до 12.000 пуд. ежегодно въ тюрьму, что, наконецъ, «поселенецъ сытъ, имѣетъ здоровый, бодрый видъ». Отвѣтомъ на это можетъ служить, съ одной стороны, что во время пребыванія г-на Галкина-Врасскаго на островѣ хозяйства, имѣющія менѣе одной десятины пашни въ Александровскомъ округѣ составляли 78,5%, въ Тымовскомъ—745,%, въ Корсаковскомъ—73,5% и на кормовое и другое пособіе населенію было выдано 135.275 р. 95 к.; съ другой стороны, въ слѣдующемъ за обозрѣніемъ 1895 году при урожаѣ въ Корсаковскомъ окр.—5,9, Тымовскомъ – 5,8 и Александровскомъ—4,7, на кормовое, одежное и денежное довольствіе 2.251 муж., 708 женщ. и 1606 дѣтей было выдано 190.228 р. 85 к. и на тоже въ 1896 году было отпущено 112.214 р. 81 к. [2]), а это значитъ, что послѣ пятнадцатилѣтней колонизаціи, какъ, напримѣръ, въ 1895 г., на казенныхъ хлѣбахъ состояло почти 34% муж. населенія, свыше 54% женскаго и свыше 74% дѣтскаго.

Г-нъ Галкинъ-Врасскій обращаетъ также вниманіе на внушительные примѣры осѣданія поселенцевъ на Сахалинѣ, нежеланіе ихъ выбиратся на материкъ или даже возвращеніе на Сахалинъ ранѣе выѣхавшихъ. По этому поводу нужно замѣтить, что выѣздъ поселенцевъ на

---

[1]) Отч. Тюрем. Управл. 1899 г., стр. 190.

[2]) Отчетъ Гл. Тюр. Упр. 1895 г., стр. 188—189.

материкъ по распоряженію Гл. Тюр. Управленія ограничивался всѣми способами, и какъ только запрещеніе снималось, сейчасъ же количество стремившихся на материкъ увеличивалось. Такъ, въ 1894 году на материкъ Сибири выбыло 221 чел., въ 1895 г.—193 ч.; въ 1896 г.—439 ч., въ 1897 г.—476 ч. и въ 1898 г.—1993 ч. Кромѣ того, однихъ сс.-крестьянъ выѣхало въ 1897 г.—1414 чел. и въ 1898 г.—814 чел. [1]). По свѣдѣніямъ Гл. Тюр. Управленія, въ теченіе 1899 г. число самостоятельныхъ хозяйствъ на Сахалинѣ уменьшилось на 758 и «одной изъ главныхъ причинъ уменьшенія числа самостоятельныхъ хозяйствъ было *массовое* (курсивъ нашъ) переселеніе поселенцевъ и крестьянъ изъ ссыльныхъ на материкъ Сибири» [2]). О повальномъ бѣгствѣ съ острова, которое началось въ послѣдующіе годы, мы скажемъ ниже.

Къ вопросу о возможности процвѣтанія земледѣлія на Сахалинѣ отнесся болѣе осторожно другой, бывшій начальникъ Главнаго Тюремнаго Управленія г. Саломонъ. Не рѣшая самолично вопроса по существу, Г. Саломонъ ограничился заключеніемъ по этому поводу мѣстнаго спеціалиста, А. фонъ-Фрикенъ, который въ своей запискѣ отъ 27 сент. 1898 г. высказался слѣдующимъ образомъ: «1). Въ земледѣльческомъ отношеніи весь сѣверъ острова Сахалина отъ параллели 51° 30′ слѣдуетъ признать не пригоднымъ; точное опредѣленіе запасовъ удобныхъ площадей средней и южной частей острова невозможно, по неимѣнію подробныхъ топографическихъ съемокъ его. 2) Во всякомъ случаѣ запасъ удобныхъ для хлѣбопашества пространствъ не можетъ быть великъ на островѣ, поверхность котораго обильно покрыта горами, на которыхъ по топографическимъ (крутые склоны), почвеннымъ и климатическимъ условіямъ земледѣліе невозможно; пригодными же можно считать почти исключительно только долины. 3) Но и долины далеко не во всѣхъ

---

[1]) Сахалинскій календарь, 1899 г. стр. 79 и 81.

[2]) Отчетъ Главн. Тюр. Управл. 1899 г., стр. 190; общее число хозяйствъ было 5.838 въ 118 селеніяхъ.

своихъ частяхъ оказываются пригодными: мѣстами онѣ болотисты и покрыты глубокими торфяниками, мѣстами почва ихъ слишкомъ мелка, мѣстами онѣ заняты хвойными лѣсами; ближе къ устьямъ онѣ обыкновенно слишкомъ сыры и даже болотисты и открыты вліянію морскихъ тумановъ; ближе къ верховьямъ—слишкомъ высоко подняты подъ уровнемъ моря»[1]).

Въ другой запискѣ: «Размѣры хозяйства для безбѣднаго существованія на о-вѣ Сахалинѣ» А. фонъ-Фрикенъ выдвинулъ слѣдующія руководящія положенія, доказывая необходимость трехдесятиннаго надѣла. «1) Общій недостатокъ удобныхъ земель, при отсутствіи дорогъ и наплывѣ поселенцевъ, дѣлаетъ невозможнымъ разсчитывать на большіе участки. 2) При короткой сахалинской веснѣ одинъ работникъ при одной лошади или парѣ быковъ не въ состояніи будетъ справиться съ большимъ пространствомъ пашни. 3) Этого пространства пашни будетъ достаточно при среднихъ мѣстныхъ урожаяхъ (самъ 4—5 зерновыхъ хлѣбовъ и самъ 6—7 картофеля) для прокормленія семьи, состоящей изъ двухъ взрослыхъ и трехъ малолѣтнихъ, и это же пространство дастъ нѣкоторый избытокъ продуктовъ для продажи»[2]).

Въ приведенныхъ выдержкахъ спеціалиста по сельскому хозяйству также не рѣшается категорически вопросъ о будущности земледѣлія, процвѣтаніе котораго какъ видно, зависитъ на Сахалинѣ отъ сложнаго вліянія условій почвенныхъ, орографическихъ и климатическихъ. Во всякомъ случаѣ заслуживаетъ вниманія, выдвигаемое г-мъ А. фонъ-Фрикенъ территоріальное ограниченіе земледѣльческаго промысла, отъ какихъ бы причинъ оно ни зависѣло.

Не вся площадь огромнаго острова, но только *нѣкоторыя* изъ долинъ пригодны для земледѣлія и въ этомъ ограниченномъ районѣ однихъ техническихъ бла-

---

[1]) Фонъ-Фрикенъ. О запасахъ удобныхъ для хлѣбопашества пространствъ на Сахалинѣ, стр. 13.

[2]) Фонъ-Фрикенъ. Размѣры хозяйствъ, стр. 9.

гопріятныхъ условій недостаточно, нужна сила экономическаго достатка населенія, какъ лошадь, быки, мертвый инвентарь и пр.

«Если исключить,—пишетъ профессоръ А. Скворцовъ, — то неизмѣнное въ почвѣ и климатѣ, что по праву должно быть поставлено на счетъ перечисленныхъ выше (географическое положеніе и строеніе земной коры) элементовъ природы, то можно, пожалуй, утверждать, что не только почвы, но и климатъ, при современномъ уровнѣ знаній, въ нѣкоторой мѣрѣ могутъ быть измѣнены (а отчасти намѣренно и ненамѣренно всегда измѣняются) при помощи извѣстныхъ культурныхъ мѣръ, хотя, конечно, большею частью въ довольно узкихъ предѣлахъ» [1]). Правда, всѣ факторы производства—силы природы, трудъ и капиталъ—допускаютъ взаимную замѣну. Конечно, не *естественныя* почвенныя условія создаютъ поразительную разницу въ размѣрахъ сборовъ хлѣбовъ въ различныхъ странахъ; напр. съ одной десятины среднiй сборъ всѣхъ важнѣйшихъ хлѣбовъ даетъ: Бельгія—128,5 п., Соединенныя Королевства—123,4 п., Японія—115,7 п., Норвегія—120 п., Соединенные Штаты—83,2 п., Британская Индія—74, Германія -77, Сербія—50,2, Алжиръ—50,1, а Европейская Россія при огромной черноземной площади — 38,8. Къ этому ряду цифръ прибавляетъ г. П. Лохтинъ: «Нѣтъ ни одного государства въ свѣтѣ, въ которомъ сборъ хлѣба съ единицы площади былъ бы меньше, чѣмъ въ Россіи, или, другими словами, въ которомъ земледѣліе велось бы хуже, чѣмъ въ Россіи» [2]). Если современное знаніе давно уже по произволу создаетъ нужную почву, то до нѣкоторой степени и климатъ находится во власти человѣка. Въ Америкѣ, наприм. въ Чикаго и Бостонѣ, латукъ въ огромныхъ оранжереяхъ выращивается при помощи электрическаго свѣта. Изъ Роскова, крупнаго центра въ Бретани, вывозятся въ Лондонъ и Парижъ позднія овощи, произростаніе которыхъ обезпечивается цѣлымъ

[1]) А. Скворцовъ. Основы экономики земледѣлія, стр. 309.
[2]) П. Лохтинъ. Состояніе сельскаго хозяйства etc. стр. 159—160.

рядомъ искусственныхъ приспособленій. По этому поводу Дюмаце замѣчаетъ, что климатъ тамъ улучшенъ наравнѣ съ почвой [1]).

Мы знаемъ, что въ отдаленной, неоттаивающей Якутской области не безъ успѣха производятся сельско-хозяйственные опыты. Да и въ любомъ городѣ холодной Европейской Россіи въ зимнее время можно достать и живые цвѣты и овощи. Все это, однако, искусство или только «опыты», но не явленія изъ сферы *естественныхъ господствующихъ* занятій населенія.

Естественнымъ господствующимъ занятіемъ невольныхъ сахалинскихъ обитателей признано тюремной администраціей земледѣліе. Очевидно, были констатированы всѣ для этого промысла благопріятныя условія— и климатъ, и почвы, и все прочее. Но tempora mutantur, и послѣ цѣлаго ряда лѣтъ безапеляціонныхъ заявленій о пригодности острова для земледѣльческихъ занятій населенія, вдругъ возникло сомнѣніе и вскорѣ вытѣснило прежнюю вѣру. Такъ о вліяніи климата Сахалина на сельское хозяйство въ отчетѣ Главнаго Тюремнаго Управленія читаемъ, между прочимъ: «Поздняя холодная и дождливая весна, съ поздними утренниками, продолжающимися иногда до первыхъ чиселъ іюня; короткое, не слишкомъ теплое лѣто, начало котораго часто страдаетъ засухами, а конецъ почти всегда изобилуетъ осадками; холодная, дождливая осень, особенно начало ея, совпадающее съ временемъ уборки хлѣбовъ, причемъ первые заморозки весьма обыкновенны уже въ августѣ и нерѣдко встрѣчаемое пониженіе температуры воздуха до 0° и нѣсколько ниже даже въ 20-хъ числахъ іюля — все это условія, наглядно указывающія, что климатъ Сахалина нельзя считать вполнѣ соотвѣтствующимъ требованіямъ хлѣбопашества и благопріятнымъ для развитія и процвѣтанія земледѣльческой колоніи, а слѣдовательно и самый островъ — страною земледѣльческою» [2]). Связь

[1]) Земледѣліе, фабрично-заводская и кустарная промышленность. Пер. Коншина, стр. 71—89.

[2]) Отч. Главн. Тюремн. Упр. 1899 г. стр. 105.

приведенной цитаты съ измѣненіемъ взглядовъ въ Центральномъ Управленіи на Сахалинъ какъ земледѣльческую колонію, внѣ всякаго сомнѣнія.

Мы привели самую рѣзкую характеристику, какую только могли найти въ отчетахъ за 20 лѣтъ, а между тѣмъ ранніе заморозки, холодные утренники, засухи и неравномѣрное распредѣленіе влаги, вредные туманы, короткое и холодное лѣто, даже больше того—мелкія почвы, подстилаемыя иногда галькой, волнистый рельефъ мѣстности, вредныя насѣкомыя и болѣзни хлѣба, вымоканіе посѣвовъ и выдуваніе — всѣ эти и многіе другіе неблагопріятные спутники земледѣлія встрѣчаются въ той или другой комбинаціи повсюду на пространствѣ Сибири и Забайкалья до Приморской области включительно.

И въ самомъ дѣлѣ, на основаніи данныхъ за 32 года вотъ, напримѣръ, какую картину земледѣлія въ Енисейской губерніи рисуетъ изслѣдователь М. Дубенскій: «То засухи, смѣняющіяся непрерывными дождями, то продолжительное ненастье, смѣняющееся упорной засухой; затѣмъ—весенніе холода, вѣтра, громадные рѣчные разливы, инеи чуть-ли не въ серединѣ лѣта, медовыя росы, обильное появленіе сорныхъ травъ, осенніе вѣтра и ранніе морозы; наконецъ—сурки, мыши, кобылка, бухарка, червь, головня—все это повторяется почти ежегодно въ болѣе или менѣе значительныхъ размѣрахъ, и въ теченіе всего періода созрѣванія хлѣбовъ держатъ земледѣльца въ постоянномъ страхѣ за участь урожая... Посѣвы, избѣгнувшіе весеннихъ наводненій, легко могутъ быть смыты лѣтними; избѣгнувшіе, затѣмъ, кобылки, сурка, блохи и пр., прекрасно развившіеся при совокупномъ дѣйствіи самыхъ благопріятныхъ метеорологическихъ условій, они нерѣдко сразу погибаютъ отъ градобитія или одного изъ опаснѣйшихъ своихъ враговъ — медовой росы. Наконецъ, избѣгнувшіе и этого, сложенные уже въ клади, они могутъ быть съѣдены мышами. При всемъ этомъ, рѣдкій годъ уборка обходится вполнѣ благополучно; рѣдкій годъ, то въ томъ, то въ другомъ мѣстѣ, хлѣба не прорастаютъ въ суслонахъ или часть ихъ не

остается несжатой вслѣдствіе рано наступившихъ холодовъ; на вредное же вліяніе раннихъ заморозковъ, прихватывающихъ хлѣба въ періодъ ихъ налива, уже указывалось не разъ» [1]). Сравнивая эту выдержку съ характеристикой условій сельскаго хозяйства на Сахалинѣ, мы не можемъ сдѣлать вывода объ его исключительно неблагопріятномъ положеніи. Дѣйствительно, во многихъ отношеніяхъ онъ стоитъ выше материка.

Мы останавливаемся на *естественныхъ* условіяхъ сельскаго хозяйства въ Сибири потому, что Сахалинъ въ этомъ отношеніи имѣетъ много общаго, и, конечно, чтобы понять правильно возможную систему сельскаго хозяйства на островѣ, нужно знать положеніе земледѣлія на материкѣ. *Учебники* здѣсь не помогутъ, такъ какъ въ этой сферѣ все глубоко оригинально и все заново создано сильнымъ умомъ сибирскаго крестьянина, этого «сѣраго барина». Сибирское многоземелье часто останавливаетъ на себѣ вниманіе, но стоитъ вникнуть ближе въ ежегодный земельный оборотъ и *дѣйствительные* размѣры производительной части земельнаго фонда, чтобы понять, что сибирскій сельскій хозяинъ можетъ питаться отъ земли, лишь неустанно борясь съ природой по всѣмъ направленіямъ и притомъ каждый годъ заранѣе зная, что большая часть поля битвы будетъ проиграна. Пока есть, гдѣ разбросаться, сибирякъ сытъ... Сахалинъ, думаемъ, не представляетъ сибирскаго простора, а въ силу этого армія будущихъ завоевателей роковымъ образомъ ограничивается.

Изученіе сельско-хозяйственнаго производства на всемъ пространствѣ Сибири показываетъ удивительное приспособленіе крестьянъ къ природѣ, выражающееся въ выборѣ рода злака и системы обработки поля въ зависимости отъ рельефа мѣстности, качества почвы, большей или меньшей облѣсенности, высоты положенія относительно уровня весеннихъ и лѣтнихъ водъ въ рѣкахъ, степени защищенности мѣстности отъ вѣт-

---

[1]) Матеріалы по изслѣд. землепользованія и сельско-хозяйственнаго быта сельскаго населенія Иркутской и Енисейской губ., т. IV, вып. 4-й.

ровъ, степени нагрѣванія солнцемъ и т. д. Останавливаясь на всей совокупности условій сельскаго хозяйства, изслѣдователь Иркутской губ. Н. Козловъ замѣчаетъ: «Въ самомъ разнообразіи условій, а также и въ умѣніи приспособляться къ этимъ условіямъ, лежитъ объясненіе, какъ факта значительной высоты здѣшнихъ среднихъ урожаевъ, такъ и самой возможности развитія мѣстнаго земледѣлія» [1]). Но, понятно, сила приспособленія зависитъ отъ матеріальнаго достатка приспособляющагося. Бѣднякъ, по справедливому замѣчанію одного изслѣдователя, принужденъ подчиниться массѣ чисто случайныхъ обстоятельствъ, идущихъ нерѣдко въ разрѣзъ съ его личными воззрѣніями на хозяйство; все зависитъ отъ количества наличной «конной силы», имѣющихся въ запасѣ или добытыхъ сѣмянъ для посѣва, отъ количества свободнаго времени, оставшагося отъ работъ по найму, и проч. [2]).

Лучшимъ подтвержденіемъ сказаннаго служитъ переселенческое хозяйство: денежный переселенецъ быстро усвоиваетъ технику старожилаго населенія и прочно осѣдаетъ на новыхъ мѣстахъ; бѣдняга-же, двинувшійся въ Сибирь въ разсчетѣ на казенное пособіе, влачитъ въ Зауральѣ то самое жалкое существованіе, какое влачилъ ранѣе у себя на родинѣ, и послѣ нѣсколькихъ страдныхъ лѣтъ безплодной борьбы съ природой совершеннымъ нищимъ возвращается обратно. Тоже самое въ частности подтвердилось попыткой вольной колонизаціи Сахалина. Въ 1869 г. возникла мысль вызвать на Сахалинъ вольныхъ переселенцевъ. Охотники не замедлили явиться: 11 семей въ числѣ 75 душъ выходцевъ изъ земледѣльческаго балаганскаго уѣзда Иркутской губерніи и 10 семей въ числѣ 44 душъ тоболяковъ таежнаго тарскаго уѣзда. Имъ обѣщали широкія льготы, а именно: 1) заготовить и доставить на островъ на казенный счетъ по 4 штуки скота на семью; 2) по прибытии на мѣсто два года

---

[1]) Матеріалы etc. т. II, вып. IV, стр. 84.

[2]) А. А. Кауфманъ. Крестьянское землепользованіе etc. стр. 98—133.

довольствовать мукой и крупой безвозмездно; 3) снабдить каждую семью заимообразно земледѣльческими орудіями на 40 руб. и на экстренные расходы отпустить на семью по столько же, съ возвратомъ по частямъ черезъ 5 лѣтъ; 4) заготовить для продажи имъ необходимыхъ въ хозяйствѣ предметовъ на 1000 руб.; 5) освободить на 20 лѣтъ отъ податей и рекрутской повинности [1]). Когда переселенцы прибыли на островъ, то оказалось, что администрація ничего къ ихъ пріѣзду не заготовила. Скота пришлось по одной четверти на душу, сѣмена были отпущены невсхожія и притомъ смѣсь изъ озимыхъ съ яровыми. Послѣ длиннаго ряда испытаній, переселенцы едва выбрались въ Приамурскую область.

Если дремлющія силы природы оживаютъ въ соприкосновеніи съ трудомъ и капиталомъ, если суровая скупость ея смягчается дыханіемъ знанія, то все же мы далеки отъ того, чтобы мечтать о культурѣ на Сахалинѣ «родословныхъ злаковъ» *Геллерта*, *разведеніи* «хлѣбныхъ огородовъ» или выращиваніи латука подъ стекляннымъ колпакомъ. На Сахалинѣ нуженъ хлѣбъ, но имѣются-ли естественно-экономическія условія для земледѣльческихъ занятій, т. е. соотвѣтственные почва, и климатъ, и достаточныя матеріальныя средства?

Что касается характеристики и оцѣнки почвъ, то эта серьезная работа была произведена отцомъ русскаго почвовѣдѣнія В. В. Докучаевымъ. Въ лабораторію при с.-петербургскомъ университетѣ докторомъ медицины г. Супруненко были доставлены 24 пробы, взятыя въ различныхъ мѣстностяхъ Сахалина. Лаборантъ г. Шешуковъ, производившій анализъ пробъ, охарактеризовалъ ихъ слѣдующимъ образомъ: супеси можно причислить къ нормальнымъ супесямъ, а именно шестому классу Нижегородскихъ почвъ; что-же касается суглинковъ, то одни изъ нихъ относятся къ типу среднихъ суглинковъ, или къ третьему классу Нижегородскихъ почвъ, а другіе къ черноземнымъ почвамъ Ни-

[1]) Мицуль. Очеркъ остр. Сахалина въ сельско-хозяйственномъ отношеніи. Спб. 1878, стр. 77—78.

жегородской губерніи. Согласно заключенію В. В. Докучаева, всѣ изслѣдованныя почвы Сахалина: 1) принадлежатъ къ типу *наносныхъ*, намывныхъ, образовавшихся частью на счетъ сноса мелкихъ частицъ съ сосѣднимъ высотъ, а частью благодаря разливамъ сосѣднихъ рѣкъ: это такъ называемый *рѣчной и дождевой аллювій*. 2) Въ настоящее время тотъ и другой процессъ, очевидно, остановился, по крайней мѣрѣ для большинства почвъ, такъ какъ *наносы* успѣли уже значительно вывѣтриться. 3) Благодаря своему происхожденію, а частью и условіямъ залеганія *въ долинахъ* и покрытію ихъ еще въ недавнее время лѣсомъ, сахалинскія почвы страдаютъ, однѣ избыткомъ желѣзныхъ окисловъ, другія кислотнымъ характеромъ, третьи массой неразложившихся органическихъ остатковъ, гнилушекъ и пр. 4) Огромное большинство сахалинскихъ почвъ и по химическому составу и по физическимъ свойствамъ принадлежетъ къ такъ называемымъ *среднимъ* и *тяжелымъ суглинкамъ*, богатымъ питательными веществами, въ сущности къ тѣмъ же самымъ, которые занимаютъ огромныя площади въ Европейской Россіи, къ сѣверу отъ черноземной границы. Лишь двѣ почвы Сахалина—типичныя *супеси*. 5) На *супеси* навѣрное окажутъ весьма полезное дѣйствіе фосфоритныя и иныя удобренія; для *суглинистыхъ* же почвъ, особенно *тяжелыхъ* суглинковъ можно рекомендовать покамѣстъ лучшую механическую обработку и болѣе сильное провѣтриваніе ихъ [1]).

Такимъ образомъ видно, что почвы Сахалина не хуже другихъ, а изъ послѣдняго пункта заключенія В. В. Докучаева слѣдуетъ, что и подпочвы представляютъ источникъ обогащенія культурнаго слоя. Впрочемъ еще г. Мицулемъ было отмѣчено, что подпочвы состоятъ изъ глинистыхъ, песчанистыхъ и известковыхъ сланцовъ, которые «будучи выворочены скоро вывѣтриваются» и обращаются въ хорошія почвы [2]).

По заключенію В. В. Докучаева нужна «лучшая

---

[1]) Отч. Главн. Тюр. Управ. 1890 г. стр. 341 и слѣд.

[2]) Мицуль. ibid. стр. 26.

механическая обработка». При помощи чего же она производится на Сахалинѣ?

Поселенцы, писалъ въ 1879 г. г. Августиновичъ, не имѣютъ никакихъ земледѣльческихъ орудій кромѣ лопатъ, которыми вспахиваютъ вмѣсто сохи поле подъ засѣвы хлѣбовъ и обрабатываютъ свой огородъ [1]). Спустя десять лѣтъ, въ отчетѣ Главнаго Тюремнаго Управленія находимъ слѣдующія по интересующему насъ вопросу свѣдѣнія: «При обработкѣ полей мотыгами разрыхляютъ почву крайне недостаточно, оставляя многія мѣста вовсе нетронутыми... Обработка почвы подъ посѣвы, за рѣдкими исключеніями, производится весною непосредственно передъ самымъ посѣвомъ, которымъ и заканчивается весь уходъ за полями до наступленія времени жатвы... Занимаемые посѣвами зерновыхъ хлѣбовъ полевые участки удобряются рѣдко, немногими хозяевами» [2]). Кажется, едва-ли можно подыскать болѣе сильную характеристику первобытности земледѣльческой техники, а между тѣмъ вѣдь это происходитъ не въ тропическихъ странахъ...

Тѣмъ не менѣе, несмотря на мотычную технику при полномъ отсутствіи намековъ на соотвѣтственную китайскую или японскую заботливость о полѣ, урожаи поражаютъ своей величиной.

Въ 1872 г., пишетъ Августиновичъ, посѣяно 24 золотника «голаго» ячменя, полученнаго отъ г. Мицуля. До 1879 г. образовалось изъ него 75 пудовъ, поступившихъ въ казну, и до 20 пудовъ, розданныхъ въ частныя руки... Въ 1878 г. у одного поселенца изъ посѣянныхъ 18 фунтовъ озимой ржи получилось сбора 8 пудовъ, у другого изъ 4 пуд. 20 фунт. посѣва яровой пшеницы получилось 63 пудовъ [3]). Г. Мицулемъ сдѣлана сводка урожаевъ съ 1865 г. по 1872 г. и средній урожай за это время выразился для ячменя самъ 8, озимой ржи—самъ 8,57 и картофеля—самъ 13,74 [4]).

---

[1]) Августиновичъ. Извлеченіе изъ путевыхъ замѣтокъ. „Правит. Вѣстникъ“ 1879 г. № 276.

[2]) Отч. Глав. Тюр. Упр. 1890 г. стр. 345, 346.

[3]) Августиновичъ. ibid.

[4]) Мицуль. ibid. стр. 93.

По свѣдѣніямъ другого агронома г. фонъ-Фрикенъ за пятилѣтіе съ 1890 г. по 1894 г. озимая рожь въ поселенческихъ хозяйствахъ давала самъ 4,7 и въ тюремномъ—самъ 8,8. Для характеристики урожаевъ яровыхъ хлѣбовъ имъ приводится слѣдующая табличка:

	У населенія.	Въ тюремномъ хозяйствѣ.
Ярица	4,5	5,7
Пшеница.	5,0	6,6
Овесъ	5,1	7,6
Ячмень.	4,7	6,4

По поводу приведенныхъ среднихъ г. фонъ-Фрикенъ замѣчаетъ, что эти цифры «представляютъ *средній* урожай за *пять* лѣтъ между которыми были года урожайные и неурожайные, и для всѣхъ вообще хозяйствъ округа (тымовскаго), среди которыхъ *больше нерадивыхъ*, чѣмъ старательныхъ» [1]). Заслуживаетъ вниманія, что приводимые г. фонъ-Фрикенъ свѣдѣнія объ урожайности за пятилѣтіе относятся къ тымовскому округу, отличающемуся наибольшей суровостью климата. Что же касается южнаго корсаковскаго округа, то, напримѣръ, за 1897 г. тамъ урожай озимой ржи составлялъ самъ 11, 37, яровой пшеницы—8, 62, ячменя - 8, 40, овса - 8. Кромѣ того по отдѣльнымъ мѣстностямъ были урожаи самъ 13; 14; 16 [2]).

Приходится поэтому вспомнить г. Мицуля, который писалъ: «невольно возникаетъ вопросъ, какимъ образомъ при отсутствіи инвентаря, рабочаго скота и даже необходимыхъ земледѣльческихъ орудій, возможно веденіе хозяйства. Очевидно, что это можетъ случиться при особенно благопріятныхъ условіяхъ климатическихъ и почвенныхъ» [3]).

О качествѣ сахалинскихъ почвъ у насъ имѣется компетентное заключеніе В. В. Докучаева, Что ка-

---

[1]) Фонъ-Фрикенъ. Записка о сельскомъ хозяйствѣ въ Тымовскомъ округѣ № 16. стр. 4—5.

[2]) Сахалинскій календарь за 1899 г. стр. 106—109.

[3]) Мицуль. ibid. стр. 93.

сается климата, то въ этой области сужденія многочисленны и разнорѣчивы. Одни находятъ климатъ Сахалина неудовлетворительнымъ потому, что «овцеводство непримѣнимо», другіе—потому, что «не вызрѣваютъ даже огурцы». Не находилось, кажется, только такихъ писателей, которые считали-бы климатъ Сахалина неудовлетворительнымъ въ виду того, что тамъ не произрастаютъ апельсины, гранаты, бананы и т. д. Всѣ неблагопріятныя сужденія о климатическихъ условіяхъ острова основаны на совершенно случайныхъ личныхъ впечатлѣніяхъ или отрывочныхъ наблюденіяхъ, и тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія мнѣніе по этому поводу, высказанное г. Н. Кирилловымъ, авторомъ самой крупной сводной метеорологической работы. Судить о климатѣ въ агрономическомъ отношеніи, пишетъ г. Н. Кирилловъ, задача, во всякомъ случаѣ, трудная, требующая прямыхъ обширныхъ наблюденій, многочисленныхъ точныхъ записей.

Количество теплыхъ дней въ различныхъ мѣстахъ острова различно. Такъ въ п. Корсаковскомъ—127 дней, Галкинъ-Врасскомъ—94, Серароко—105, Маукѣ—112, Воскресенкомъ—98. Но для оцѣнки сельско-хозяйственнаго значенія приведенныхъ цыфръ вспомнимъ, что въ Забайкальѣ, житницѣ Приамурской области, теплыхъ дней не бываетъ болѣе сорока [1]). Къ общей характеристикѣ климатическихъ условій острова нужно отнести, что въ южной части его произрастаютъ такія нѣжныя растенія, составляющіе субтропическую флору Японіи, какъ бамбукъ, грецкій орѣхъ, дикій виноградъ.

Болѣе прямыхъ основаній для сужденія о климатѣ острова въ сельско-хозяйственномъ отношеніи нѣтъ. Замѣтимъ только, что къ пашнѣ на Сахалинѣ стремится всякій, у кого имѣется хотя-бы сколько-нибудь средствъ; сѣютъ по 2—3 пуда въ надеждѣ на урожай, и не обманываются, не смотря на всю примитивность техники, постоянную невсхожесть сѣмянъ.

[1]) Н. Кирилловъ. О климатѣ южн. Сахалина. Сахалинскій календарь 1899 г. стр. 6—22-25; см. сводную работу за 9 лѣтъ наблюд. въ сел. Рыковскомъ г. Ювачева. Приамур. отд. Р. Им. Г. Общ. т. I, выпускъ. IV.

Отсутствіе посѣвнаго хорошаго зерна это одно изъ самыхъ крупныхъ золъ мѣстнаго земледѣлія. Объ этомъ ежегодно пишется въ отчетахъ полицейскихъ управленій, г. губернатора острова и Главн. Тюр. Управленія, но поселенческое хозяйство остается при неизмѣнномъ сѣменномъ голоданіи. При повальномъ и совершенномъ отсутствіи сѣмянъ администрація приходитъ на помощь, но то-же никуда негоднымъ, лежалымъ сорнымъ зерномъ, къ тому же иногда доставляетъ его населенію въ половинѣ іюня, по окончаніи времени сѣва [1]).

Относительно огородничества нужно сказать, что картофель родится на островѣ обильно, самъ 9—14; овощи же какъ капуста, напримѣръ, достигаютъ чудовищныхъ размѣровъ. Въ 1901 г. въ Тымовскомъ округѣ было, напримѣръ, произведено взвѣшиваніе гигантской капусты, которая вѣсила по 27—28 фунтовъ въ одномъ кочнѣ. Среди мѣстной интеллигенціи возникла даже мысль фотографировать кочни и фотографіи послать въ сельско-хозяйственные печатные органы.

Изъ собственныхъ наблюденій надъ мѣстнымъ сельскимъ хозяйствомъ мы дѣлаемъ выводъ, что имѣющаяся статистика урожаевъ представляетъ весьма приблизительную картину воспроизводительной силы почвы, которая въ дѣйствительности можетъ дать огромные урожаи, но, повторяемъ, при такой массѣ условій, что остается весьма мало шансовъ за земледѣліе, какъ главный промыселъ всего населенія. При этомъ считаемъ необходимымъ оговориться, что въ отношеніи «условій» мы не настаиваемъ на всемогуществѣ какихъ-либо отдѣльныхъ факторовъ, имѣя въ виду, что плодотворность помѣщенія капитала въ сельско-хозяйственное производство на верху своего напряженія сталкивается съ закономъ «убывающаго плодородія почвы» и вопросъ вступаетъ въ область академическихъ споровъ. Какъ увидитъ читатель ниже, мы ограничиваемся безспор-

---

[1]) Фонъ-Фрикенъ. Записка № 16. стр. 5; Савримовичъ. Къ вопросамъ etc. стр. 5 - 6.

ными практическими требованіями и вся наша критика сахалинской колонизаціонной системы не идетъ дальше тѣхъ экономическихъ явленій и мѣропріятій, которыя признавались благопріятными для колонизаціи Сибири, *современной* заселенію Сахалина. Съ этой точки зрѣнія, оглядываясь на всю дѣятельность тюремной администраціи, мы должны констатировать, что въ теченіе тридцатилѣтняго періода на Сахалинѣ, къ сожалѣнію, не было ни опытной станціи, ни показательныхъ полей, ни склада сѣмянъ и сельско-хозяйственныхъ орудій: не изслѣдованы даже пространства, годныя для земледѣлія, словомъ, въ жизни острова нельзя отыскать ничего вообще, что указывало-бы на *дѣйствительную* колонизаціонную дѣятельность администраціи.

Мы не принадлежимъ къ числу сторонниковъ господствующей у насъ организаціи переселенческаго дѣла и не считаемъ ее ни самой лучшей, ни даже только удовлетворительной [1]). Тѣмъ не менѣе должны замѣтить, что на основаніи Высочайше утвержденныхъ 15 марта 1896 г. временныхъ правилъ, переселенцы, двигавшіеся въ Сибирь, получали въ ссуду до 50 руб. въ пути, до 100 руб. на хозяйственное устройство и до 25 руб. на посѣвъ и продовольствіе. Направлявшіеся въ Приамурскій край могли получить до 300 р. на семейство. Наличность болѣе или менѣе крупной суммы, считалась до такой степени важнымъ условіемъ прочнаго осѣданія переселенцевъ, что, когда обсуждался въ Государственномъ Совѣтѣ проектъ заселенія Уссурійскаго края съ воспособленіемъ отъ казны до 1.300 руб. на семью, было признано необходимымъ проектированное пособіе, чтобы сразу-же хозяйство переселенцевъ поставить прочно. Въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ каждая изъ 250 семей, переселявшихся въ Уссурійскій край, обходилась казнѣ въ 1.293 руб. 80 коп. По Высочайше утвержденному 18 апрѣля 1886 г. мнѣнію Государственнаго Совѣта

---

[1]) См. наши. „Матеріалы для изученія быта переселенцевъ, водворенныхъ въ Тобольской губерніи“ введеніе стр. XLVII и Сборникъ статей „По Сибири“ стр. 14—30.

правительство отказалось отъ заселенія края на собственный счетъ, но ссуды всетаки часто доходили до 600 рублей на семью. На переселеніе казаковъ въ Южно-Уссурійскій край въ теченіе трехлѣтія съ 1895 г. отпущено 429.331 руб. 32 коп. и на эту сумму устроено только 528 семей [1]). Неудивительно поэтому, что ни наводненія, ни пьяный хлѣбъ, ни эпизоотіи и многія другія неблагопріятныя явленія не помѣшали переселенцамъ устроиться, повести широкую запашку, усовершенствовать инвентарь.

Съ 1886 г. по 1891 г. въ Приамурской области фирма Эмерсъ ежегодно продавала переселенцамъ земледѣльческихъ орудій и машинъ въ среднемъ на 5.741 р.; въ 1892 г. продано 60 машинъ на 13.160 р.; въ 1893 г.—90 машинъ на 11.680 р., въ 1894 г.—106 машинъ на 14.810 р. Кромѣ того торговый домъ Кунстъ и Альберсъ въ 1893 г. сбылъ сельско-хозяйственнаго инвентаря на 13.845 р. и въ 1894 г.—на 22.805 руб.). Переселенцы не ограничиваются покупными машинами, но довольно удачно приступили къ собственной ихъ выдѣлкѣ. Такъ въ сел. Спасскомъ Приморской обл. есть спеціальная мастерская, выдѣлывающая ежегодно свыше 100 вѣялокъ и сортировокъ; въ селеніяхъ — Владиміровкѣ, Романовкѣ, Рѣчицѣ и Петровкѣ, по словамъ А. Раттихъ, мѣстными кузнецами выдѣлываются плуги—копіи плуга одесской фирмы И. Гена [3]). Съ 1896 г. въ Верхнеудинскѣ устроенъ казенный складъ сельско-хозяйственныхъ орудій и сѣмянъ; съ 1895 г. около Хабаровска разбито опытное поле. Въ Амурской области замѣчается тоже самое стремленіе переселенцевъ къ усовершенствованію техники. Въ одномъ, напримѣръ, 1901 г. ими было выписано, на 30.000 руб. земледѣльческихъ орудій со взносомъ впередъ задатковъ. Фирма Чурина доставила до 1000 плуговъ

---

[1]) А. Сельницкій. Культурное вліяніе Уссурійской дороги на Южно-Уссурійскій край. „Приамурскія Вѣдомости“ №№ 377—389 и отдѣльно 1900 годъ.

Буссе. Переселеніе крестьянъ моремъ въ Южно-Уссурійскій край въ 1882—1893 гг.

[2]) „Приамурскія Вѣдомости“ 1895 г. №56.

[3]) Ibid. № 372, стр. 17.

самой новой конструкціи и до 100 жней-сноповязалокъ.

По линіи Сибирской дороги къ услугамъ переселенцевъ во многихъ мѣстахъ были открыты казенные склады сельско-хозяйственныхъ орудій и машинъ, а именно: въ Омскѣ, Каинскѣ, Томскѣ, Маріинскѣ, Боготолѣ и Тарѣ, а также при волостныхъ правленіяхъ многихъ крупныхъ селеній.

Мы не можемъ вообразить себѣ сибирскаго земледѣльца безъ живого и мертваго инвентаря. Сравнительный земельный просторъ и цѣлый рядъ неблагопріятныхъ для сельскаго хозяйства условій вызываетъ необходимость, при невысокой системѣ земледѣлія, въ большомъ инвентарѣ, при помощи котораго пашня перепахивается по три и даже четыре раза, уничтожаются сорныя травы, словомъ, какъ говорятъ въ Сибири «гоится поле». Только для сахалинскаго населенія земледѣльческій инвентарь признавался, повидимому, излишнимъ, а между тѣмъ именно это населеніе нуждается для упроченія своего быта въ самой широкой помощи.

Какъ бы ни былъ бѣденъ россійскій переселенецъ, но онъ ликвидируетъ на родинѣ свое хозяйство и несетъ кое-что въ Сибирь. Самое же главное его богатство—привычка къ тяжелому земледѣльческому труду, непреодолимая потребность въ немъ. Другое совсѣмъ—колонизаторъ сахалинецъ. Одни изъ каторжныхъ съизмальства не знали земледѣльческихъ занятій, другіе въ теченіе тюремной жизни потеряли къ нимъ всякую охоту. Къ тому же долгіе годы тюремной жизни и подневольнаго труда не способствуютъ сбереженіямъ.

Большинство каторжныхъ выходитъ на поселеніе, какъ было раньше замѣчено, съ казенными инструментами и надеждой на паекъ. Нужда въ матеріальныхъ средствахъ сразу-же даетъ себя чувствовать. Частный кредитъ обѣщаетъ новую безсрочную кабалу, другого-же кредита нѣтъ.

Частными кредиторами на Сахалинѣ являются инородцы-магометане и нѣкоторые русскіе, служившіе

техническими надзирателями или прибывшіе на островъ съ женами, умѣющими беречь копѣйку. Въ 1901 г. въ Тымовскомъ округѣ было заключено, напримѣръ, 245 кредитныхъ засвидѣтельствованныхъ сдѣлокъ на сумму 13.445 р. 81 коп.; приэтомъ однѣ и тѣже расписки переписывались нѣсколько разъ. Минимальный процентъ по ссудамъ 10—12 руб. въ мѣсяцъ. Понятно, что подобнаго обложенія ни одно сельское хозяйство не въ состояніи выдержать.

Оборотныя средства для маломощнаго земледѣльца—вопросъ не промысла, не занятія, а самаго существованія, и такая насущная потребность населенія не получила на Сахалинѣ удовлетворенія. На островѣ нѣтъ даже ссудной кассы, не говоримъ уже объ организаціи мелкаго *сельско-хозяйственнаго* кредита. По свѣдѣніямъ г. губернатора острова въ 1900 году за населеніемъ числилось всѣхъ казенныхъ долговъ 221.487 р. 75 к. или 43 р. 59 к. на одно хозяйство [1]). По истинѣ ничтожная сумма! Но «задолженность населенія, какъ замѣчаетъ Главное Тюремное Управленіе, съ каждымъ годомъ увеличивается... и можно съ полной увѣренностью сказать, что *значительная* (курсивъ нашъ) часть населенія обречена на вѣчную задолженность казнѣ» [2]).

Итакъ въ какихъ реальныхъ послѣдствіяхъ выразились итоги колонизаціи острова, общія затраты на которую съ 1880 г., по исчисленію г. Саломона, превысили 23 милл. рублей? [3]). Чего стоятъ сахалинскія постройки, можно себѣ составить понятіе на основаніи предыдущаго. Что же касается культурной площади, то пашни и усадебные участки составляютъ приблизительно 5.500 десятинъ. Нужели на обработку этой жалкой площади понадобилось 23 милл. рублей?

Нигдѣ на земномъ шарѣ не вложено въ землю такого колоссальнаго капитала и нигдѣ при этомъ не довольствуются такимъ ничтожнымъ процентомъ, какъ

---

[1]) Отчетъ губернатора о. Сахалина за 1900 г., стр. 31.

[2]) Отч. Главн. Тюр. Управл. 1899 г., стр. 189.

[3]) „Тюремный Вѣстникъ" 1901 г. № 1, стр. 20—21.

на Сахалинѣ. Въ 1899 г. среднiй душевой надѣлъ равнялся 2.515 кв. саж. и доставилъ 11,3 пуда продовольственнаго зерна на душу при средней урожайности колосовыхъ хлѣбовъ, въ 5,81 [1]). Такое количество слѣдуетъ считать, по замѣчанiю Гл. Тюр. Управл., далеко недостаточнымъ для пропитанiя населенiя, въ особенности принявъ во вниманiе неудовлетворительность зерна [2]). Ближайшее будущее не сулитъ утѣшительныхъ перспективъ: земли выпаханы, для новыхъ заимокъ нѣтъ мѣста, сѣмена выродились...

Сахалинскому пахарю нужна неотложная помощь!

«Отсутствiе первоначальныхъ оборотныхъ средствъ и непривычка къ тяжелому труду, писали мы ранѣе [3]), непреоборимымъ строемъ охватываютъ поселенца и выбиваютъ его на знакомую дорогу случайнаго заработка, неожиданнаго успѣха, легкаго фарта. Изуродованное дѣтство, обученiе въ тюрьмѣ, скитальчество по этапамъ, жизнь въ порокѣ, отдыхъ въ преступленiи, праздникъ въ кандалахъ и подъ плетьми — расточили волю, измочалили настойчивость, вытравили добрые порывы. Что же остается для колонизацiи острова? Земледѣльческiй трудъ требуетъ традицiи, сноровки, опыта и огромной нравственной выдержки. Кто не родился на пашнѣ, кому невѣдома власть земли, кто съ нею не связанъ стихiйнымъ чувствомъ, тому нечего садиться на землю. Инвентаремъ еще можно снабдить, искусству владѣть имъ можно обучиться, но трудоспособность пахаря одной срочной выучкой не дается, ее нужно *воспитывать* въ человѣкѣ и вмѣстѣ съ нимъ... Легкимъ раломъ на тощей лошаденкѣ россiйскiй крестьянинъ поднимаетъ свою пашню, обсѣменяетъ онъ ее слабосильной рукой изголодавшагося сѣятеля, а къ исконному сроку выходитъ на жатву. Мало средствъ, мало заботы, еще меньше сбора, но и этихъ жалкихъ крупицъ на островѣ не получится при замашкахъ отечественнаго пахаря, примитивности его техники, запредѣльной его нищетѣ...» Къ этому добавимъ те-

---

[1]) Отч. Главн. Тюр. Упр. 1899 г., стр. 191—192.
[2]) Ibid., стр. 193.
[3]) „Вост. Об.“ 1901 г. № 81.

перь, что самые лучшіе элементы сахалинскихъ поселенцевъ, не потерявшіе еще способности къ земледѣльческому труду, были поставлены администраціей въ гораздо худшія условія, чѣмъ россійскій крестьянинъ и сибирскій переселенецъ.

Едва-ли можно, не погрѣшая противъ истины, говорить о колонизаціи острова съ цѣлью образовать земледѣльческую колонію. Было бы правильнѣе сознаться, что насъ прельстили сахалинскіе каменноугольныя богатства, о которыхъ стало извѣстно еще со временъ Лаперуза. Не справившись съ добычей угля, мы втянулись въ заселеніе острова. На послѣднемъ пути никакихъ оригинальныхъ пріемовъ обнаружено не было; не имѣлось также плана, согласованнаго съ мѣстными особенностями; все свелось къ простому *водворенію*. Справедливый приговоръ этой политики водворенія мы находимъ въ отчетахъ Главнаго Тюр. Управленія, гдѣ, между прочимъ, писалось: «Попытки прежняго времени основать селенія исключительно для ссыльно-поселенцевъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ скопческихъ въ Якутской области, какъ извѣстно, не удались. Слава о нихъ самая дурная сохраняется и по сю пору. Тою же славою пользуются колоніи, образованныя въ послѣднее время въ Томской губерніи, исключительно изъ лютеранъ; почему колоніи эти рѣшено нынѣ болѣе не поддерживать» [1]). Дѣйствительно, всѣ прежнія колоніи не удались; обширные земельные участки, отмежеванные для нихъ, были впослѣдствіи перечислены въ запасный переселенческій земельный фондъ. Новѣйшей характеристикой земледѣльческихъ занятій населенія одной изъ сохранившихся поселенческихъ колоній можетъ служить извѣстное дѣло объ избіеніи татаръ Бербейской волости, Енисейской губерніи. Замѣчательно только, что Центральное Управленіе, признавъ сельско-хозяйственныя колоніи ссыльно-поселенцевъ неудавшимися на материкѣ, начало устраивать тѣ же самыя колоніи и въ болѣе широкихъ размѣрахъ, потребовавшихъ огромныхъ затратъ, на Сахалинѣ.

[1]) Отчетъ Гл. Тюр. Упр. 1882 г., стр. 118.

Итакъ, принимая во вниманіе личныя качества колонизаторовъ и мѣстныя особенности острова, нужно сдѣлать выводъ, что *на Сахалинѣ возможно было бы земледѣльческое хозяйство на небольшихъ площадяхъ и для небольшаго числа лицъ, нравственно и матерьяльно къ тому подходящихъ*. Надежды администраціи на *всеобщій* земледѣльческій промыселъ не осуществились, огромныя затраты не оправдались.

---

* * *

По пятилѣтіямъ съ 1880 г. по 1899 г. включительно стоимость морского провоза каторжныхъ черезъ Одессу выразилась въ слѣдующихъ цифрахъ: 1-е пятилѣтіе—820.675 р., 2-е—1.349.911 р., 3-е—1.762.792 р. и 4-е—1.772.251 руб. или въ общемъ свыше $5^1/_2$ милліоновъ рублей. Расходы приведенной суммой не исчерпываются. Въ будущую сельско-хозяйственную колонію вмѣстѣ съ невольными насельщиками ежегодно отправляются огромные запасы одежды, обуви, муки, крупы, ржи, солонины и пр. По нижеприведенной табличкѣ можно судить о количествѣ питательныхъ продуктовъ, доставленныхъ на Сахалинъ *черезъ Одессу*, и стоимости ихъ для казны [1]).

ГОДЫ.	РЖИ.		МУКИ.		КРУПЫ.		СОЛОНИНЫ.	
	пудъ.	рублей.	пудъ.	рублей.	пудъ.	рублей.	пудъ.	рублей.
1880—1885	460.041	*) 212.648	58.000	69.440	31.225	32.796	28.207	*) 92.595
1885 - 1890 .	301.381	241.121	178.798	167.195	49.041	68.093	69.005	265.-54
1890—1895 .	338.743	324.749	179.300	*) 82,089	8.577	12.956	41.156	168.711
1895—1899 .	622.809	494.623	313.25'	*) 230,026	54.700	86.761	14.300	78.650
ИТОГО .	1722974	(* 1273141	729348	*) 548,760	143543	200606	15266	605810

[1]) Доставка на Сахалинъ указанныхъ въ таблицѣ предметовъ стоила болѣе $1^1/_2$ милл. рублей. И подобныя доплаты за колонизаціонную идею ложатся на каждую мелочь. До 1901 г. изъ Одессы было доставлено, напримѣръ, почти на 25,000 руб. мыла, за провозъ котораго уплочено около 6000

Расходы, какъ видно, не уменьшались, а росли ежегодно; процвѣтаніе колоніи нисколько не вліяло на уменьшеніе казенныхъ затратъ. Это краснорѣчивѣе всего разоблачаетъ истинный смыслъ «процвѣтанія» колоніи, дававшей убѣжище, вмѣсто производительныхъ работниковъ, нахлѣбникамъ голоднаго россійскаго пахаря.

«Для вящшаго укрѣпленія быта ссыльныхъ» правительство несетъ немалыя затраты на доставку и содержаніе семействъ ссыльно-каторжныхъ. За одни пароходные билеты въ теченіе 20 лѣтъ заплачено около 350 тыс. рублей. Въ литературѣ неоднократно указывалось на вредъ перемѣщенія на счетъ казны семействъ, добровольно слѣдующихъ за ссылаемыми. Съ одной стороны, казенный провозъ служитъ нѣкотораго рода поощреніемъ для колеблющихся и рѣшительнымъ толчкомъ для неимущихъ. Съ другой стороны, семейства ссыльныхъ, смѣшиваясь въ пути съ преступнымъ міромъ, впадаютъ въ невольную нравственную расточительность, развращаются взрослыя женщины, втягиваются въ развратъ дѣвочки съ самаго нѣжнаго возраста. Къ мѣсту назначенія сплошь и рядомъ прибываетъ не *та* уже семья, которая послѣдовала за ссылаемымъ. Это пониженіе нравственнаго уровня часто эксплуатируется отцомъ или мужемъ, словомъ, виновникомъ добровольнаго переселенія семьи. На мѣстахъ ссылки и особенно на Сахалинѣ приходится наблюдать въ этомъ отношеніи вопіющія картины. Еще лучше, пожалуй, когда жертвы родственнаго чувства или супружеской привязанности опускаются нравственно и не даютъ себѣ въ этомъ отчета. Но превосходитъ всѣ описанія ужасъ того положенія, когда сознаніе собственнаго паденія отчет-

---

рублей. Только съ 1890 г. рядомъ съ привозомъ продуктовъ стали практиковаться заготовки въ Пріамурскомъ краѣ и Владивостокѣ Такъ въ 1890 г. ржи, муки, крупы, солонины было куплено на 369,663 руб., въ 1892 г.—на 278,411 руб., въ 1893 г.—на 277,300 руб. Но мѣстныя заготовки не получили широкаго развитія, а между тѣмъ Манчьжурія представляетъ рынокъ, гдѣ круглый хлѣбъ расцѣнивается ниже 30 коп. за пудъ; мы не говоримъ уже о сбереженіи на транспортѣ.

Звѣздочкой обозначены цыфры, которыя, вслѣдствіе неполноты данныхъ, менѣе дѣйствительныхъ.

ливое, а выхода нѣтъ другого, кромѣ неизбѣжной перспективы еще къ болѣе глубокому паденію.

Возврата на казенныя средства нѣтъ, за исключеніемъ случаевъ смерти того, за кѣмъ послѣдовала семья. И при этомъ условіи бываетъ очень трудно выхлопотать помощь на обратный проѣздъ. Пособіе, если и приходитъ, то не скоро, а трясина жизни засасываетъ все сильнѣе... Поэтому мы не можемъ признать ни цѣлесообразнымъ, ни тѣмъ болѣе законнымъ распоряженіе г. губернатора острова не выдавать женамъ ссыльно-каторжныхъ билетовъ на выѣздъ съ острова безъ согласія ихъ мужей [1]). Если теперь «согласіе» полноправныхъ мужей не связываетъ администраціи въ вопросахъ выдачи женамъ отдѣльныхъ паспортовъ, то тѣмъ болѣе слѣдовало бы игнорировать согласіе со стороны лишенныхъ всѣхъ правъ состоянія, въ видѣ промысла торгующихъ своими женами. Подобное распоряженіе сахалинской администраціи, конечно, сдѣлано въ интересахъ *колонизаціи*, которая, повидимому, совсѣмъ иначе понимается въ Центральномъ Управленіи, по крайней мѣрѣ, за послѣднее время. «Высоки и святы, пишетъ по этому поводу г. Саломонъ, чувства, побуждающія женъ раздѣлять судьбу своихъ осужденныхъ на тяжкое наказаніе мужей, страдать вмѣстѣ съ дѣтьми, лишь бы не разорвать семейныхъ узъ, освященныхъ Богомъ; но когда познакомишься съ бытомъ этихъ семействъ на каторгѣ, то невольно возникаетъ вопросъ, благоразумно, человѣчно, нравственно-ли допускать эти жертвы?» [2]). «Особенно слѣдовало-бы задуматься надъ будущимъ подростковъ, такъ какъ въ лицѣ значительной части молодого поколѣнія, по справедливому замѣчанію г. Левенстима, ростетъ новая каторга» [3]).

Для колонизаціонной системы на Сахалинѣ характерны также *обратные* переселенцы. На послѣднихъ

---

[1]) Приказъ губернатора остр. Сахалина 1895 г. отъ 28 іюня за № 121.

[2]) Саломонъ. Изъ отчета б. Нач. Главн. Тюр. Упр. о Нерчин. каторгѣ, „Тюремн. Вѣстн.“ 1900 г. № 10, стр. 477.

[3]) Левенстимъ. Семья и ссылка. „Право“ 1898 г. № 3, стр. 24—29.

казной затрачено въ первое пятилѣтіе—543 р., во второе—5.855 рублей, въ третье—11.620 руб., въ четвертое—11.474 руб.

Около 22-хъ лѣтъ тому назадъ въ зданіи Главнаго Тюремнаго Управленія докторомъ г. Августиновичемъ была устроена выставка сельско-хозяйственныхъ произведеній острова Сахалина; тутъ были «весьма хорошая озимая и яровая рожь, ячмень, пшеница, овесъ, гречиха, просо, ленъ, горохъ, конопля, макъ, картофель, капуста, салатъ, укропъ, лукъ и другія растенія, наглядно свидѣтельствующія о самыхъ благопріятныхъ качествахъ сахалинской почвы [1]). Такая же выставка въ Петербургѣ устраивалась агрономомъ г. Мицулемъ, спеціально занимавшимся изученіемъ сельскаго хозяйства на Сахалинѣ. Топографическія условія осмотрѣнной мѣстности, писалъ въ своемъ заключеніи изслѣдователь, позволяютъ разсчитывать на возможность заселенія южной части Сахалина въ широкихъ размѣрахъ [2]). Мы знаемъ, что колонизація не остановилась передъ заселеніемъ не только средней части, но даже перешла на сѣверную. Ограничивая будущность земледѣлія территоріально, г. Мицуль не придавалъ послѣднему значенія исключительнаго и единственнаго занятія населенія. «Земледѣліе, писалъ онъ, въ связи съ разведеніемъ скота, рыбнымъ промысломъ и охотою на звѣрей и птицъ, представляетъ благопріятное сочетаніе, при которомъ совершенно обезпечивается существованіе будущаго населенія» [3]). И въ этомъ заключеніи, по нашему мнѣнію, только часть истины.

Мы не можемъ присоединиться къ мнѣнію тѣхъ, которые смотрятъ на Сахалинъ, во всякомъ случаѣ, какъ на сельско-хозяйственную колонію. На обширныхъ пространствахъ сѣвера Сибири нѣтъ земледѣлія, но тамъ люди живутъ и кормятся сами, еще лучше кормятъ многочисленныхъ промышленниковъ - при-

[1]) „Голосъ“ 1880 г. № 345.
[2]) Мицуль. Остр. Сахалинъ, etc., стр. 137.
[3]) ibidem, стр. 139.

шельцевъ. Гибкость человѣческаго ума вскрываетъ сокровищницу природы съ той именно стороны, гдѣ при меньшихъ усиліяхъ человѣкъ можетъ воспользоваться ея дарами. На Сахалинѣ, какъ и на сѣверѣ Сибири, жили туземцы-инородцы; не сѣяли, не жали и не имѣли житницъ. Низкая степень умственнаго развитія и примитивныя потребности обрекали инородцевъ на рыболовство и звѣроловство. Еще до прибытія чужеземцевъ на островъ инородцы знали о залежахъ угля, о мѣстонахожденіи нефти; знали и ограничивались тѣмъ, что изъ угля выдѣлывали нѣкоторыя бездѣлушки, нефть же употребляли съ лѣкарственной цѣлью. Пришли русскіе, ознакомились съ *минеральными* богатствами острова и рѣшили превратить его въ *земледѣльческую* колонію. Въ этомъ кроется обидная ошибка развитого ума; такая ошибка, которая мыслима лишь при условіи, когда умъ человѣческій какимъ-то зловѣщимъ цвѣткомъ поднимается надъ почвой, удобренной кровью и потомъ «черноземной силы» и можетъ безпрепятственно тянуть изъ нея дорогіе соки.

На Сахалинѣ найдены руды желѣзная, мѣдная, серебросвинцовая, цинковая, есть основаніе предполагать существованіе мѣсторожденій золота. Но главныя богатства его составляютъ залежи каменнаго угля и многочисленные выходы нефти. Наиболѣе изучены химически угли, залегающіе около п. Дуэ, гдѣ началась ихъ первоначальная добыча. По анализамъ, произведеннымъ еще въ 60-хъ годахъ г.г. Струве, Лисенко, Носовымъ, угли этого мѣсторожденія оказались лучше многихъ углей Евр. Россіи и Урала. Въ 60-хъ и 70-хъ годахъ они считались представителями различныхъ пароходныхъ фирмъ лучше японскаго угля и только успѣхи техники японцевъ и наша неподвижность привели къ обратнымъ результатамъ.

Первый изслѣдователь каменноугольныхъ залежей на Сахалинѣ, горный инженеръ г. Носовъ нашелъ, что сахалинскій «каменный уголь пламенный, неспекающійся или весьма мало спекающійся, хорошаго качества и очень хорошъ для пароходовъ и вообще для

паровыхъ машинъ» [1]). Уголь этотъ, по отзыву г. Бутковскаго, по достоинству своему и отсутствію въ немъ сѣры далеко превосходитъ уголь японскій, китайскій и, во всякомъ случаѣ, не уступаетъ австралійскому... Сахалину предназначено природою удовлетворять потребностямъ прибрежій Тихаго океана въ углѣ [2]). По позднѣйшему заключенію горнаго инженера г. Кеппенъ, «по составу и качествамъ своимъ уголь изъ Дуйскихъ мѣсторожденій можетъ сравниться только съ лучшими сортами англійскаго и шотландскаго угля, и годенъ не только для топки паровыхъ котловъ, но можетъ замѣнить древесный уголь при всякаго рода металлургическихъ операціяхъ... Японскій уголь значительно низшей доброты противъ сахалинскаго» [3]). Объ огромныхъ запасахъ сахалинскаго угля находимъ отзывы гг. Боголюбскаго, Войскова и др. [4]).

Разработка каменноугольныхъ залежей на Сахалинѣ, въ виду ихъ богатства и высокаго качества угля, привлекала къ себѣ, какъ правительство, такъ и частныхъ лицъ. Послѣ обслѣдованій каменноугольнаго района, произведенныхъ гг. Бошнякомъ и Римскимъ-Корсаковымъ, началась добыча угля посредствомъ военныхъ командъ. Лейтенантъ г. Чихачевъ въ 1854—55 гг. добывалъ уголь съ шестью матросами, въ 1856 г. лейтенантъ г. Линденъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи уже 25 чел. матросовъ. Съ 1857 г. во главѣ добычи стоялъ горный инженеръ г. Носовъ, а послѣ его выѣзда, съ 23 октября 1859 г. завѣдывалъ работами прапорщикъ Корельскій, котораго смѣнилъ горный кондукторъ г. Домашевскій, уступившій свое мѣсто съ 12 іюля 1861 г. урядникy г. Мореву. Какъ видимъ, каменноугольнымъ дѣломъ не обременяли спеціалистовъ и ставили во главѣ его совершенно случайныхъ лицъ.

---

[1]) „Горный Журналъ" 1859 г., ч. I, стр. 184.

[2]) Сахалинъ и его значеніе. „Морской Сборникъ" 1874 г., № 4, стр. 132--135.

[3]) Кеппенъ. О. Сахалинъ, стр. 60, 61.

[4]) Боголюбскій. Очерки Амурскаго края и о. Сахалина въ геологическомъ и горнопромышленномъ отношеніи. Спб. 1877, стр. 75.

Войсковъ. О. Сахалинъ. „Военный Сборникъ" 1872 г. № 2, стр. 17—18.

Въ 1861 г. въ постъ Дуэ была доставлена первая партія ссыльно-каторжныхъ, до 80 человѣкъ. Каторжные получали за работу по 20 к. въ сутки при казенномъ провіантѣ. Съ іюня 1862 года посуточная плата была замѣнена задѣльной, съ разсчетомъ по 2 коп. за пудъ выработаннаго угля. Посуточная плата, въ размѣрѣ 16 копѣекъ, была оставлена только для нижнихъ чиновъ, помогавшихъ каторжнымъ по наружнымъ работамъ. Съ установленіемъ попудной платы, производительность труда быстро стала возрастать. Такъ съ 1 января по 1 октября 1863 г. было добыто по 688½ пуд. угля на человѣка. Въ частности, одна артель за августъ 1863 г. добыла по 714 пуд. на человѣка; другая артель за ноябрь того же года выработала по 838 пудъ. Заработки отдѣльныхъ лицъ достигли 100 и болѣе рублей. Вырабатывались только наружные, самые ближайшіе пласты. Одинъ рудникъ былъ брошенъ, напримѣръ, послѣ выработки 2.000 пуд. угля; другой— даже послѣ 720 пуд. Вскорѣ произошелъ кризисъ: уголь некуда было сбывать, а съ 1864 г. разработки копей пріостановились до 1867 г., съ каковаго времени вводится тюремный режимъ и работа карторжныхъ перестаетъ оплачиваться. Съ 1858 по 1869 г. было добыто 1.826.607 пуд. угля; изъ нихъ на казенные суда отпущено 1.227.467 пуд. и 227.937 пуд. — частнымъ лицамъ. На казенныя суда уголь продавался по 6 р. за тонну, а частнымъ лицамъ отъ 10 до 15 руб.

Что касается частныхъ лицъ, то первымъ изъ нихъ еще въ 1859 г. купецъ Боуровъ началъ на Сахалинѣ разработку угля между рѣчками Сартунай и Наяси. Затративъ около 20.000 р., г. Боуровъ забросилъ копи. Въ 1867 г. надв. сов. г. Аносовъ возбудилъ ходатайство объ отводѣ ему площади для разработки угля. Въ слѣдующемъ году такія же ходатайства были заявлены тайнымъ сов. г. Герздорфомъ и лейтенантомъ г. Старицкимъ. Послѣднему былъ сдѣланъ отводъ около Сартуная, а черезъ два года онъ вмѣстѣ съ поручикомъ г. Якимовымъ передалъ отведенныя площади довѣреннымъ торговаго дома Олифантъ и К°, гг. Еллису и Еше. Были и другіе, болѣе выгодные для казны,

арендаторы: такъ, въ 1860 г. коммерческій агентъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, г. Рейсъ, просилъ черезъ посланника о разрѣшеніи пароходной компаніи вывозить съ Сахалина ежегодно 3 мил. пуд. угля, причемъ предлагалъ либо пріобрѣтать указанное количество отъ казны, либо разрѣшить ей самой выработку. Г-ну Рейсу было отказано «за невозможностью добыть столько угля». Спустя 8 лѣтъ торговый домъ Августъ Гердъ и К°. въ Шанхаѣ предложилъ правительству свои услуги добывать уголь на Сахалинѣ въ теченіе 5 лѣтъ, съ условіемъ дѣлить чистую прибыль пополамъ съ казной; а если прибыль окажется меньше 2 долларовъ на тонну, то все должно поступить въ пользу одной казны. Но и на это предложеніе послѣдовалъ отказъ, и въ 1872 г. по распоряженію Пріамурскаго генералъ-губернатора, разработка въ Сартунаѣ была прекращена; американцу же г. Риду, контрагенту г-дъ Еллиса и Еше, было предложено выѣхать съ острова.

Не разъ также возбуждалось ходатайство американскимъ обществомъ Pacific-Mail-Steam-Ship Company и всегда ходатайства разбивались о нашу охранительную политику.

Сахалинскія каменноугольныя залежи оберегались не только отъ иностранцевъ и частныхъ лицъ изъ соотечественниковъ, но и отъ нашего Морского вѣдомства, которое платило за иностранный уголь по 30 к. съ пуда [1]).

Для широкаго развитія каменноугольной промышленности на Сахалинѣ имѣются особенно благопріятныя условія: обиліе лѣса обезпечиваетъ неисчерпаемымъ дешевымъ матеріаломъ для крѣпей; орографическій характеръ мѣстности даетъ возможность обходиться безъ дорогихъ подъемныхъ и водоотливныхъ приспособленій, ведя разработку штольнями въ нѣсколько этажей.

О современномъ положеніи разработокъ можно судить по слѣдующему заявленію горнаго инженера г-на Марголіуса: «при такой постановкѣ камен-

---

[1]) Кеппенъ. ibid, стр. 59—107.

ноугольнаго дѣла, какъ въ настоящее время, когда мѣсторожденія разрабатываются только у выходовъ угольныхъ пластовъ, уголь добывается и доставляется на поверхность самыми примитивными способами, измельчается при многократныхъ перегрузкахъ внутри и внѣ рудника, при перевозкѣ и погрузкѣ на суда; благопріятныхъ отзывовъ о качествахъ сахалинскихъ углей нельзя ожидать, и они будутъ стоять ниже японскихъ, хотя значительно богаче ихъ по содержанію не летучаго углерода и лучше по теплопроизводительной способности [1]). За періодъ времени съ 1858 по 1875 г. включительно въ Дуйскихъ рудникахъ тюремнымъ вѣдомствомъ было выработано въ среднемъ ежегодно по 205 тыс. пуд. угля. Столь ничтожная производительность казенныхъ рудниковъ привела къ тому, что 19 сентября 1875 г. Дуйскія копи поступили въ аренду на 24 г. къ частному предпринимателю г. Бутковскому, котораго съ 4 октября 1876 г. замѣнило общество «Сахалинъ». Названное общество въ смыслѣ техническихъ усовершенствованій не пошло дальше тюремной администраціи и обходилось даже безъ горнаго инженера. Съ 1880 по 1892 г., въ первое шестилѣтіе было выработано 2.871.070 пуд., во второе—2.457.912 пудъ. Выработка пошла на убыль, за обществомъ накопилась недоимка, и ранѣе окончанія срока, въ 1892 г. былъ заключенъ новый контрактъ на 7 лѣтъ.

По новымъ условіямъ общество обязалось работать каторжными и поселенцами, администрація въ свою очередь взялась доставлять на рудники не менѣе 210 человѣкъ каторжныхъ въ день, съ уплатой, въ случаѣ неисправности, по рублю въ пользу общества за каждаго недоставленнаго рабочаго. Чтобы обезпечить общество рабочими, въ постѣ Дуэ возникла каторжная тюрьма съ постояннымъ составомъ каторжныхъ до 700 человѣкъ, поставлена особая воинская команда и т. п. Въ общемъ казна стала расходовать ежегодно до 65.000 руб. исключительно въ интересахъ общества «Сахалинъ», но это пожертвованіе не оживило произ-

---

[1]) Марголіусъ. Горное дѣло на Сахалинѣ. Сахалин. Кал. 1897 г., стр. 59.

водительности: ежегодно въ первое шестилѣтіе добывалось въ среднемъ 478,511²/₃ пуд. угля, во второе—409,652 и послѣднія пять лѣтъ — 472.094³/₅ пуда. Рядомъ съ обществомъ «Сахалинъ», или, вѣрнѣе, изъ его же состава, возникло въ 1892 г. другое общество «Маковскій и К⁰», арендовавшее сначала Мгачинскій и Сартунайскій рудники. Здѣсь также не обошлось безъ казенной помощи. Около Сартунайскаго рудника, въ мѣстности совершенно отрѣзанной отъ населенныхъ частей острова и непригодной для земледѣлія, было образовано населеніе Наяси, посажены люди, а Компанія, проработавъ четыре года, бросила рудникъ и перебралась поближе къ центру, къ Мгачамъ и Дуэ. Горнопромышленное товарищество И. О. Маковскій и К⁰ вывезло съ Сахалина каменнаго угля въ 1893 году—720.998 пуд., въ 1894 г. 740.309 пуд., въ 1895 г.—854.794 пуда, въ 1896 г.—999.130 пуд., въ 1897 г.—1.444.786 п., въ 1898 г.—1.705.209 п., въ 1899 г.—2.236.898 п. и въ 1900 г. — 2.229.520 пудъ.

Со второй половины 1902 г. товариществомъ приглашенъ опытный горный инженеръ, изучавшій постановку каменноугольной промышленности въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ за-границей. Можно думать, что дѣло значительно расширится и будетъ поставлено на раціональныя техническія основанія. Только едва ли отъ этого расширенія выиграетъ что-нибудь каторга. Съ конца 1902 г. предполагалось Дуйскую тюрьму упразднить и не давать больше товариществу каторжныхъ рабочихъ. Отъ поселенцевъ же, повидимому, само товарищество отказалось, выписавъ большія партіи корейцевъ.

Въ настоящее время поселенцы могутъ найти заработокъ только на казенномъ Владимирскомъ рудникѣ. Послѣ ликвидаціи въ 1875 г. казенной эксплуатаціи Дуйскихъ рудниковъ, тюремное вѣдомство вновь принялось за добычу каменнаго угля въ 1890 г., по иниціативѣ бывшаго начальника острова г. Кононовича. Толчкомъ послужили увеличившіяся потребности въ топливѣ для казенныхъ зданій и паровыхъ двигателей при болѣе и болѣе возраставшей трудности снабженія п. п. Александровскаго и Дуйскаго дровами въ то

время, какъ уголь находился тутъ же, на разстояніи двухъ верстъ. Александровскій рудникъ занимаетъ три возвышенности, поднимающіяся надъ самою пристанью; въ такомъ положеніи относительно поста, находится и Дуйскій рудникъ.

Въ теченіе первыхъ четырехъ лѣтъ въ этихъ рудникахъ было добыто угля въ среднемъ по 180.974½ пудъ въ годъ или по 13½ пудъ на рабочаго въ день. Вступившій въ 1895 году въ завѣдываніе разработками, горный инженеръ г. Моргуліесъ оживилъ производительность, такъ что въ 1895—1896 гг. средняя добыча на одну поденщину, поднялась до 24,3 пуда. Затѣмъ имъ было приступлено къ новымъ изысканіямъ и открыто богатое мѣсторожденіе въ долинѣ рѣки Ноями, впадающей въ Татарскій проливъ въ 18-ти верстахъ къ сѣверу отъ поста Александровскаго. Здѣсь оказались пласты угля мощностью до 1-й сажени. Рудникъ получилъ названіе Владимирскаго и вскорѣ занялъ первое мѣсто по количеству и качеству добываемаго угля. Здѣсь иногда при рабочемъ времени не болѣе восьми часовъ въ день, можно заработать до 15 р. въ мѣсяцъ. Къ сожалѣнію, тюремной администраціей не принято никакихъ мѣръ къ улучшенію быта рабочихъ. Послѣдніе ютятся, едва-едва помѣщаясь, въ невообразимо тѣсныхъ баракахъ. Пьянство и карточная игра единственныя развлеченія рабочихъ. На рудникъ поселенцы отправляются не съ цѣлью заработать, а пожить. Говорятъ, что денегъ съ рудника еще никто не уносилъ: «живешь, какъ всѣ, и голый уходишь, а будешь асмодеемъ—все равно пришьютъ». Вотъ поэтому то сколько-нибудь хозяйственные поселенцы минуютъ рудникъ или, какъ говорятъ, на Сахалинѣ, обходятъ яму.

Владимирскимъ рудникомъ въ настоящее время завѣдуетъ штейгеръ г. Качинъ, бывшій воспитанникъ Иркутскаго Горнаго Училища. Человѣкъ молодой, очень преданный дѣлу, интересущійся имъ, но администрація рѣшительно не принимаетъ никакихъ мѣръ къ улучшенію и расширенію разработки. Къ тому же надъ рудникомъ тяготѣетъ монополія. Ландсбергъ, быв-

шій каторжный, а теперь вліятельное лицо на островѣ, захватилъ рудникъ въ свои руки и умѣло пользуется имъ въ интересахъ пароходства общества Восточно-Китайской желѣзной дороги, при которомъ онъ состоитъ агентомъ. Съ другой стороны, обезцѣниваетъ уголь Владимирскаго рудника администрація Александровскихъ копей. Въ послѣднихъ работаютъ каторжные и администрація получаетъ по 2 руб. съ каждой тонны проданнаго угля [1]). Вслѣдствіе отсутствія техническаго надзора александровскій уголь изобилуетъ посторонними примѣсями, переходящими въ глинистый сланецъ и песчаникъ; кромѣ того, этотъ уголь самъ по себѣ хуже владимирскаго, не такъ легко загорается, даетъ много золы и т. п. Имѣя все это въ виду, администрація старается сбывать подъ видомъ владимирскаго угля александровскій...

Заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что до сихъ поръ не сдѣланы ни химическіе, ни техническіе анализы сахалинскихъ углей различныхъ мѣстностей ихъ добыванія. Если для нѣкоторыхъ углей имѣются анализы, то они были предприняты по частной иниціативѣ, какъ это было, между прочимъ, и съ сахалинскмми почвами. Въ то время, какъ сахалинскій уголь покоится въ нѣдрахъ, Японія поставляетъ свой уголь во всѣ порты, отъ Владивостока до Сингапура. Въ 1896 году она вывезла угля на 8.879 тыс. іенъ, въ 1897 году — 11.547 тыс., въ 1898 году — 15.168 тыс., въ 1899 г.—15.164 тыс., въ 1900 г. — 20.032 тыс. іенъ. Японія снабжаетъ углемъ даже Восточно-Китайскую жел. дорогу на 5 милліоновъ іенъ ежегодно [2]). Въ сибирской прессѣ недавно передавался слухъ о томъ, что главнымъ управленіемъ Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ разрѣшено Уссурійской дорогѣ заключить съ подрядчикомъ г. Старцевымъ договоръ по представленному имъ проекту на поставку десяти милліоновъ пудовъ каменнаго угля саха-

---

[1]) „Восточный Вѣстникъ“ 1902 г. № 69 и слѣд.

[2]) Фусата Сузуки. О каменноугольной и нефтяной промышленности Японіи. „Сибирская Жизнь“. 1902 г. № 37.

линскихъ копей. Мы не можемъ себѣ представить, изъ *какихъ* копей будетъ доставляться уголь—изъ разрабатываемыхъ ли казною, или тѣхъ, которыя эксплуатируются Маковскимъ и К°?

Горный инженеръ г. Кеппенъ свою книгу о Сахалинѣ закончилъ слѣдующими словами: «да позволено будетъ выразить надежду видѣть на Сахалинѣ процвѣтаніе горнаго промысла и депортативныхъ колоній, подобно тому, какъ это мы видимъ въ Австраліи». Со времени этого пожеланія прошло уже болѣе четверти вѣка, отъ Сахалина же до Сиднея и Мельбурна—дистанція огромнаго размѣра.

Что касается нефти, то это непочатое еще богатство. Въ 1880 г. нефть была открыта въ различныхъ мѣстахъ сѣверной части острова. Въ 1888 г. разработка этихъ источниковъ по Высочайшему повелѣнію была предоставлена отставному лейтенанту г. Зотову. Въ 1889—90 горнымъ инженеромъ г. Бацевичемъ были произведены изысканія какъ на сѣверѣ острова, такъ и около Ныйскаго и Набильскаго заливовъ, на восточномъ берегу средней части. Изслѣдованія вполнѣ подтвердили слухи о богатствѣ нефтеносныхъ источниковъ, и изъ далекой Индіи прибылъ на Сахалинъ прусскій инженеръ г. Клей. Вѣроятно, долголѣтнее пребываніе инженера подъ тропиками ослабило въ немъ энергію. Вотъ уже три года, какъ г. Клей оперируетъ на Ныйскомъ заливѣ безъ всякихъ результатовъ: все ждетъ, когда прибудутъ выписанныя имъ буровыя машины, а пока что—присматривается къ рыболовству и лѣсопромышленности. Въ этихъ двухъ сферахъ передъ опытнымъ взоромъ эксплантатора открываются повидимому болѣе широкіе горизонты.

Инженеръ г. Клей стоитъ во главѣ товарищества, состоящаго изъ трехъ пайщиковъ петербургскихъ чиновниковъ—пенсіонеровъ и располагающаго капиталомъ около 250,000 рублей. До сихъ поръ имъ ничего не сдѣлано, того же нужно ждать въ будущемъ. Между тѣмъ нефтяной рынокъ огромный. Восточная Сибирь, Маньчжурія, Китай и Японія потребляютъ свыше 300.000.000 пуд. керосина. Болѣе, чемъ $3/4$ этого

количества доставляется Америкой, остальное ввозится кавказскими нефтепромышленниками. Наша восточная нефтепромышленность нашла-бы благопріятное условіе для своего развитія въ дешевомъ водномъ транспортѣ и, быть можетъ, оживила-бы, между прочимъ, Амурское пароходство, падающее съ проведеніемъ маньчжурской желѣзной дороги. Но нефтепромышленность, вѣроятно, разовьется по сосѣдству, въ Японіи, гдѣ въ 1901 г. для эксплуатаціи нефтеносныхъ площадей образовалась американская компанія съ капиталомъ въ 10.000.000 іенъ и другая туземная съ капиталомъ въ 15 милл. іенъ [1]) да кромѣ того имѣется до 800 мелкихъ нефтепромышленныхъ товариществъ.

Почти баснословныя рыбныя богатства Сахалина могли бы доставить заработокъ очень многимъ поселенцамъ, но и тутъ чувствуется отсутствіе организаціи, отсутствіе пониманія дѣйствительнаго значенія этого драгоцѣннаго источника благосостоянія. Почти непрерывно въ теченіе года Сахалинскіе берега даютъ огромное количество разнообразной добычи. Въ апрѣлѣ и октябрѣ густыми стадами идетъ сельдь; въ маѣ, іюнѣ и іюлѣ ловится горбуша; въ іюлѣ, августѣ и сентябрѣ— кета; постоянно по дну моря рунами ходитъ треска въ концѣ января, весь февраль и отчасти мартъ идетъ вахня, особый родъ наваги; съ таяніемъ льдовъ появляются нерпа и сивучи; въ маѣ къ берегамъ подходитъ палтусъ, достигающій 60 кило или $3^1/_2$ пудъ. Кромѣ того, въ рѣчкахъ обиліе кунжи, красноперки, форели; въ нижнемъ теченіи ихъ держатся плотва, щука, налимъ. Во время хода красной рыбы переполняются ею всѣ рѣки и рѣчушки на столько, что путь обозначается многочисленными трупами.

О сравнительномъ богатствѣ рыбою острова и сосѣднихъ райновъ можно судить, напримѣръ, потому, что за сезонъ 1901 года добыто на Камчаткѣ 450.000 пуд. лососевыхъ; около Николаевска—1.200.000 пуд. лососевыхъ; вокругъ Владивостока—250.000 сельдей,

[1]) Фусата Сузуки. ibid.

лососевыхъ, крабовъ и др.; на Сахалинѣ 200.000 пуд. лососевыхъ и 5.400.000 пуд. сельди. Эта послѣдняя идетъ въ такомъ огромномъ количествѣ, что по берегу, послѣ отлива, остается иногда толща рыбы до $^1/_2$ аршина или по берегамъ наметываются цѣлыя горы икры.

Населеніе острова круглый годъ питается рыбой. Инородцы готовятъ юкалу, поселенцы и крестьяне дѣлаютъ запасы впрокъ. Обычная ежедневная пища сахалинца—вареная рыба съ картофелемъ, въ промежуткахъ кирпичный чай. Обиліе рыбы въ рѣчкахъ устраняетъ необходимость въ какихъ-либо снастяхъ: для личнаго потребленія можно съ избыткомъ запасти ея при помощи простой мотни и разнообразныхъ приспособленій изъ тальника. Вслѣдствіе бѣдности населенія несмѣтныя рыбныя богатства промышленнаго значенія не имѣютъ. Организація-же рыболовныхъ артелей, ссуды на снасти и т. п. вопросы еще не приходили въ голову администраціи, занятой насажденіемъ земледѣлія. Лишь въ 1894 г. было признано, напримѣръ, ненормальнымъ закупать для тюремнаго вѣдомства въ г. Николаевскѣ до 30 тыс. ежегодно той самой рыбы, которую вылавливаютъ японцы, тоже ежегодно, у береговъ Сахалина. Однако и до настоящаго времени сахалинская администрація не избавилась отъ поставщиковъ николаевской рыбы, несмотря на то, что почти десять лѣтъ тому назадъ были заведены тюремныя рыбалки и свои снасти, стоившія около 7.000 рублей.

Тюрьма не въ состояніи удовлетворить своихъ собственныхъ нуждъ наиболѣе цѣлесообразно и выгодно; нечего отъ нея и ждать поэтому какого-либо благодѣтельнаго вліянія на бытъ поселенцевъ. А между тѣмъ рыбное дѣло—одно изъ самыхъ выгодныхъ, и какое значеніе въ этомъ отношеніи имѣютъ оборотныя средства, можно видѣть изъ слѣдующаго, напр.: въ 1896 г. крестьянинъ поста Тихменевскаго Пономаренко въ компаніи съ сс.-поселенцамъ Галясомъ, располагая капиталомъ въ 200 руб., рѣшили открыть рыбный промыселъ; на собственныя средства они построили сараи, соль и снасти взяли въ кредитъ у

японцевъ; въ первый же годъ они окупили неводъ и постройку да еще заработали 1.000 руб. Теперь Пономаренко—крупный торговецъ, оперирующій среди инородцевъ совмѣстно, съ Разноревичемъ, располагающимъ собственными агентами—войяжерами въ родѣ Плюснина, Вишнякова и др. Вся эта банда оперившихся каторжныхъ гораздо страшнѣе для инородцевъ, чѣмъ свирѣпствовавшая истекшей зимой оспа. Въ доказательство того, какія чудеса дѣлаетъ рыбный промыселъ оплодотворенный самымъ ничтожнымъ капиталомъ, можно указать еще на очень извѣстныя на Востокѣ крестьянскія рыболовныя факторіи, возникшія съ 1897 г. на берегу Японскаго моря—первая, устроенная Тарбѣевымъ въ бухтѣ Преображенія между рѣками Судзу—хэ и Сяо - хэ, и вторая—Ново-Сіонскій хуторъ Афанасія Поносова на устьѣ рѣки Тапингоу.

Японцы еще въ началѣ истекшаго столѣтія оцѣнили Сахалинъ, какъ богатѣйшій рыболовный пунктъ. Необходимость, по словамъ г. Буссе, увеличить рыбные промыслы, оказавшіеся недостаточными на Пунамарѣ и Матсмаѣ для продовольствія возрастающаго населенія Японіи, вынудила японцевъ искать мѣстъ, богатыхъ рыбою [1]). Весьма вѣроятно, что японское рыболовство началось не ранѣе истекшаго столѣтія. Это подтверждается, по замѣчанію г. Рудановскаго, тѣмъ, что г. Крузенштернъ, посѣщая въ 1805 г. заливъ Аниву, уже засталъ тамъ японскія рыбныя факторіи, но онѣ были основаны незадолго передъ тѣмъ, потому что японцы жили въ совсѣмъ еще новыхъ домахъ [2]). Еще во времена г. Буссе японскія рыболовныя заведенія тянулись по острову до 48^0. Съ 1878 г. по берегу Татарскаго пролива развилъ промыслы владивостокскій купецъ г. Семеновъ въ компаніи съ г. Демби; въ 90-хъ годахъ на Косунаѣ выдвинулся промышленникъ изъ ссыльныхъ г. Биричъ,

[1]) Буссе. „Островъ Сахалинъ и экспедиція 1853—54 г.г.“. Спб. 1872 г., стр. 73.

[2]) Рудановскій. „Невельской по поводу воспоминаній Н. В. Буссе“. „Вѣстникъ Европы“, 1872 г., № 4, стр. 913.

затѣмъ открылись промыслы г. Крамаренко, получившаго 8.000 руб. казенной субсидіи, и мелкихъ промышленниковъ гг. Плетнева, Никоненки, Суконникова и другихъ.

О сравнительномъ развитіи промысловъ можно судить по тому, напримѣръ, что въ 1896 г. японцами было добыто 415 тыс. пуд. продукта, русскими—около 245 тыс. пуд.; японскихъ рабочихъ было около 3.000 человѣкъ, на русскихъ промыслахъ г. Семенова —475 раб., г. Бирича—101 и т. д.; котловъ для выварки тука имѣлось у японцевъ—273, у г. Семенова и К°—175, Бирича—29, Крамаренки—12 и Никоненки—6.

Для характеристики японской рыбопромышленности у береговъ Сахалина приводимъ слѣдующую таблицу:

ГОДЫ.	Число прибывающихъ японскихъ рабочихъ.	Добыто продуктовъ въ пудахъ.	Взыскано пошлины: съ продукта, вывезеннаго японцами.	Взыскано пошлины: съ продукта, вывезеннаго русскими въ Японію.
1886	635	88.500	6.632	597
1887	970	124.000	9.290	—
1888	1.134	150.200	11.600	2.600
1889	1.237	168.304	12.600	2.696
1890	1.357	190.500	13.335	3.087
1891	1.417	91.636	6.456	2.731
1892	1.400	230.275	17.000	5.003
1893	1.573	226 000	15.816	6.365
1894	1.837	369.200	25.857	—
1895	2.064	—	23.345	10.680
1896	2.913	415.126	29.275	—
1897	4.856	556.666	45.832	—

Такимъ образомъ видно, что число японскихъ рабочихъ увеличилось за 12 лѣтъ почти въ 8 разъ, количество добываемаго продукта—болѣе, чѣмъ въ 6 разъ. За послѣдніе годы уловъ сельди превышаетъ 5 милл. пуд. ежегодно, а количество японскихъ рабочихъ держится выше 3.000 человѣкъ. Иначе и быть не могло. Народонаселеніе Японіи ежегодно возростаетъ на 500.000 человѣкъ. Населеніе ближайшаго къ Сахалину острова Іессо, который въ 1868 г. былъ совершенной пустыней, въ 1898 г. уже составляло 450.000 душъ. Японцы умѣютъ пользоваться дарами природы, у нихъ, напримѣръ, одна десятина воздѣланной суши даетъ 180 пуд. хлѣбнаго зерна и 1 дес. водной поверхности—свыше 100 пуд. рыбы [1]).

Главный промыселъ у сахалинскаго побережья—ловля селедки, которая на западномъ берегу идетъ съ 10 апрѣля, въ Анивскомъ заливѣ—съ 20 числа того же мѣсяца, въ заливѣ Терпѣнія—въ іюлѣ и августѣ. Кромѣ сельди вылавливается для промышленныхъ цѣлей красная рыба изъ породы лососевыхъ—кета и горбуша. Особенно богаты красной рыбой устья рѣкъ Найбы, Пороная и Тыми. Горбуша и Кета отправляются въ Японію въ сухомъ засолѣ, а селедка перерабатывается въ тукъ. Туковое производство едва-ли можно считать для насъ выгоднымъ. Такъ, по разсчету г. Крамаренки, изъ пуда сырыхъ сельдей или 140 шт. въ среднемъ получается 10 фунт. тука; въ 1896 г. было выработано на Сахалинѣ селедочнаго тука 268.796 пуд., на который, слѣдовательно, пошло 1.075.184 пуда сельдей; за тукъ было выручено 322.555 руб. 20 коп., но если бы сельди, употребленныя на тукъ, продавались въ соленомъ видѣ и только по 3 коп. за штуку, то было бы выручено 4.515.772 р. 80 к. [2]). Въ 1898 г. вывезено тука уже около 600.000 пуд., на что потребовалось около 3 милл. пуд. сельди. Туковое производство, надо полагать, бу-

---

[1]) Кирилловъ. Поѣздка на Матсмай. „Приамурскія Вѣд.“ № 240 за 1898 г.

[2]) Крамаренко. Рыбопромышленность на южномъ Сахалинѣ. Сахалинскій календарь. 1897 г. стр. 122.

детъ возростать, вмѣстѣ съ этимъ будутъ увеличиваться выгоды Японіи, расти капиталы крупныхъ предпринимателей-экспортеровъ, немного повышаться наши лѣсной доходъ и вывозная пошлина и все болѣе и болѣе приходить въ нищету несчастные насельщики острова Сахалина, не исключая инородцевъ... Японцамъ нуженъ тукъ, а не селедка, и, вывозя тукъ, они получаютъ свою выгоду, снимая обильныя жатвы съ рисовыхъ полей, которыя имъ удобряютъ.

Между тѣмъ, если бы было обращено вниманіе на развитіе сахалинской рыбопромышленности, то, вѣроятно, жатва выпадала бы и на долю населенія острова. На сѣверѣ Тобольской губерніи существуютъ два рыбо-консервныхъ завода, тамъ же имѣется для крестьянскихъ мальчиковъ рыбо-консервная школа. На Сахалинѣ нѣтъ ни того, ни другого. Административное вліяніе на рыбные промыслы обнаруживается съ одной стороны возвышеніемъ цѣнъ на рыболовные участки, съ другой — устраненіемъ отъ промысловъ японцевъ; послѣднее привело лишь къ тому, что въ настоящее время японцы пріобрѣтаютъ рыболовные участки черезъ подставныхъ русскихъ; кромѣ того, усилилось значеніе крупныхъ отечественныхъ промышленниковъ, какъ Семеновъ и К°.

Не въ лучшемъ положеніи обстоитъ дѣло съ эксплуатаціей лѣсовъ. Огромныя лѣсныя площади до сихъ поръ не пріобрѣли промышленнаго значенія. Еще въ началѣ семидесятыхъ годовъ г. Бутковскій указывалъ на выгодность сбыта сахалинскаго лѣса въ Шанхай [1]), гдѣ тогда вели торговлю лѣсомъ американцы. Въ китайскихъ таможенныхъ вѣдомостяхъ за 1888 г. отмѣчалось: «не подлежитъ сомнѣнію, что русскіе Приамурской области станутъ въ недалекомъ будущемъ главными поставщиками лѣса для сѣвернаго Китая». Въ 1891 г. агентъ въ Тянь-Цзинѣ, г. Филиппо, входилъ въ соглашеніе съ владивостокскимъ купцомъ г. Бриннеръ о поставкѣ въ Китай 20,000 шпалъ [2]).

---

[1]) Бутковскій. „Морской Сборникъ". 1874 г. № 4, стр. 139.

[2]) „Приамурскія Вѣдомости". № 155—157 за 1896 г. Iapan. Weekly. Mail 1899 г. 16—29 сент.

По свѣдѣніямъ британскаго консула Чальмерса, японцы хорошо оцѣнили выгоды лѣсной торговли и въ 1899 г. изъ Хоккаидо ими было вывезено болѣе 1.000.000 штукъ шпалъ для желѣзныхъ дорогъ въ Таку, Таліенванѣ, Ничжуанѣ и др. портахъ сѣвернаго Китая. Однако японское правительство приняло мѣры къ тому, чтобъ лѣсъ не вывозился за границу.

Для сбыта русскаго лѣса поле снова расчистилось, и въ 1896 г. фирма «Семеновъ и Демби» занялась экспортомъ сахалинскихъ лѣсныхъ матеріаловъ. Ими былъ взятъ подрядъ поставки 160.000 лиственичныхъ шпалъ для Китайской жел. дороги. Подрядъ этотъ они задумали выполнить на югѣ Сахалина при помощи поселенцевъ Корсаковскаго округа. Послѣдніе заготовили 121.408 шт. шпалъ, изъ которыхъ 101.213 были вывезены въ Китай. На этой заготовкѣ ссыльно-поселенцы заработали 48.512 рублей, и въ казну поступило 6.072 р. 78 коп. Эта сумма между работавшими распредѣлилась различно: заработокъ, заготовлявшихъ шпалы колебался въ предѣлахъ отъ 7 рублей до 116; находившихся при погрузкѣ—отъ 1 р. 50 к. до 58 р.; всего на заготовкѣ и погрузкѣ шпалъ находилось 800 чел. поселенцевъ.

Безъ сомнѣнія, первый опытъ оказался удачнымъ. Возникла мысль у тюремной администраціи о доставкѣ лѣсныхъ матеріаловъ въ наши восточные порты, и съ этой цѣлью было испрошено 10.000 руб. оборотнаго капитала. Получился заказъ на поставку бревенъ въ г. Дальній; были составлены артели, началась заготовка, экспортировался лѣсъ, но точные результаты этого почина обнаружатся въ ближайшемъ будущемъ, послѣ разбирательства дѣла, возникшаго по обвиненію начальника округа, стоявшаго во главѣ этого предпріятія, въ разныхъ злоупотребленіяхъ. Въ настоящее время административныя заготовки лѣсныхъ матеріаловъ ведутся въ значительно болѣе скромныхъ размѣрахъ, чѣмъ прежде, но своего «секретнаго» характера не утратили и трудно судить поэтому объ ихъ дѣйствительномъ значеніи для населенія. Во всякомъ случаѣ *для населенія* онѣ не могутъ представлять

крупныхъ экономическихъ выгодъ. Что же касается администраціи, то для нея, вѣроятно, выгодно монопольное положеніе, иначе ничѣмъ нельзя объяснить той систематичности, съ которою преслѣдуется частная иниціатива. Административная исключительность заставила частныхъ предпринимателей остановиться на Кореѣ. Въ прошломъ году составилось крупное общество подъ фирмой «Русское лѣсопромышленное товарищество», которое получило отъ корейскаго правительства концессію на эксплуатацію лѣсовъ и уже начало работы по очень широкому масштабу.

О развитіи лѣсопромышленности на Сахалинѣ можно судить по таблицѣ поступленій лѣсной пошлины. Мы приводимъ параллельныя данныя относительно Сахалина и Приморской области. Ими наглядно обрисовывается жалкое состояніе лѣсопромышленности на островѣ.

ГОДЫ.	Поступило пошлины за лѣсъ въ рубляхъ.	
	На Сахалинѣ.	Въ Приморской обл. безъ Сахалина.
1889	487	37.387
1890	1.833	43.309
1891	2.923	52.598
1892	1.804	110.149
1893	2.717	199.149
1894	3.398	160.278
1895	3.258	158.974
1896	8.227	273.576

Пошлина за лѣсопользованіе на Сахалинѣ почти исключительно составляется изъ взносовъ рыбопромышленниковъ. употребляющихъ лѣсъ для постройки сараевъ и на топливо при выработкѣ тука.

Мало лѣсу вывозится на материкъ, зато онъ въ огромномъ количествѣ уничтожается пожарами. По всѣмъ направленіямъ и во всѣхъ трехъ округахъ ост-

рова встрѣчаются обширныя гари. «Невозможно», замѣчаетъ г. фонъ-Фрикенъ, «хотя бы и приблизительно только, опредѣлить всю площадь выгорѣвшаго на Сахалинѣ лѣса; она громадна и не можетъ быть меньше нѣсколькихъ сотъ тысячъ десятинъ». Каждое лѣто островъ во многихъ мѣстахъ дымится — это горятъ лѣса, горятъ пока не потушатъ ихъ дожди. Въ нынѣшнемъ году лѣснымъ пожаромъ уничтожено даже цѣлое поселенье въ 60 дворовъ. Это зло тѣмъ значительнѣе, что палы губятъ хвойные лѣса, произростающіе на островѣ на возвышенностяхъ, горныхъ скатахъ и заболоченныхъ пространствахъ, т. е. на такихъ мѣстностяхъ, почвы которыхъ непригодны для земледѣлія и оголенныя должны оставаться многіе десятки лѣтъ безъ всякой пользы для человѣка.

Природа хороша, но человѣкъ не сумѣлъ оплодотворить ея знаніемъ, трудомъ и капиталомъ. Вѣнецъ созданія, почти нищій, попираетъ ногами богатые дары природы, оставаясь въ тоже время ея полнымъ рабомъ.

Въ началѣ колонизаціи острова, при отсутствіи конкуррентовъ въ каменноугольномъ, рыбномъ, лѣсномъ и нефтяномъ дѣлѣ, было легче упрочить на немъ благосостояніе человѣка, но и теперь еще не все потеряно. Скажемъ alea jacta est, и въ добрый часъ, впередъ!

ГЛАВА IV.

Благосостояніе удачниковъ и объясненіе этого; мнѣніе г. Галкина-Врасскаго о порядкѣ отбыванія каторжныхъ работъ и его проектъ; положеніе привилегированнаго труда и семейныхъ; арестантскія помѣщенія; отзывы о нихъ гг. Саломона и губернатора острова; тѣлесныя наказанія и безработица; вліяніе каторги на внѣтюремное населеніе и сахалинскіе подростки; отсутствіе безопасности; убійства, пожары, скотокрадство.

Какъ бы въ разрѣзъ со всѣмъ, что сказано выше о матеріальномъ бытѣ сельскаго населенія Сахалина, идутъ встрѣчающіеся въ каждомъ большомъ селеніи хорошо срубленные дома, съ нарядными крылечками

и рѣзными наличниками на окнахъ, или большія заимки, почти напоминающія собою фольварки мелкихъ помѣщиковъ Царства Польскаго. Дѣйствительно, отдѣльные поселенцы достигаютъ на островѣ большой степени зажиточности. Исторія ихъ богатства для всѣхъ раскрытая книга; ни для кого не составляетъ секрета, что многіе изъ нихъ нажили состояніе тѣмъ же или почти тѣмъ же, чѣмъ промышляли до ссылки и благодаря чему попали на Сахалинъ. Другіе умѣло воспользовались плодами прежнихъ преступленій и пришли на Сахалинъ, чтобы *отдохнуть*. Третьи—это единицы — случайные преступники изъ состоятельныхъ людей, живущіе на островѣ такъ же, какъ жили они на родинѣ.

Лучшимъ доказательствомъ того, какъ не легко на Сахалинѣ дается домоустройство при сельскохозяйственномъ промыслѣ, могутъ служить опыты политическихъ ссыльныхъ. Нѣкоторые изъ нихъ занимались сельскимъ хозяйствомъ, имѣли дома, заводили пашни, держали скотъ. На ихъ сторонѣ была безусловная трезвость, интеллигентность, такъ необходимая для приспособленія къ природѣ острова, наличность нѣкоторыхъ первоначальныхъ средствъ, молодость и здоровье, наконецъ, взаимопомощь. Они вели хозяйство собственными силами, а съ наемными рабочами, когда приходилось ихъ брать, работали наравнѣ, если не больше. Результаты все-таки оказались плачевные; хозяйства послѣ многихъ тяжелыхъ лѣтъ ликвидировались и кто пошелъ въ учителя на 20—25 рублей жалованья въ мѣсяцъ, кто въ писцы, кто въ артельщики. При всѣхъ ихъ преимуществахъ сравнительно съ остальной массой ссыльныхъ, имъ не хватало хозяйственной гибкости, той разносторонности, при которой вчерашній пахарь сегодня рыболовъ, а завтра «чумакъ». Сказалось здѣсь и отсутствіе той стихійной тяги къ землѣ, безъ которой повсюду разсыпались земледѣльческія колоніи нашихъ интеллигентовъ различныхъ *идейныхъ* толковъ.

Однако, въ строѣ сахалинской жизни есть одна дѣйствительно своеобразная особенность, объ которую

разбиваются самые выносливые и стойкіе домовики—это полное отсутствіе безопасности, которая, какъ ни странно, вскормлена и выпоена мѣстной колонизаціонной системой.

Въ виду того, что идея колонизаціи острова возникла какъ-то вдругъ, словно Аѳина-Паллада, изъ головы Зевса, на Сахалинѣ не оказалось тюремныхъ помѣщеній даже для первыхъ партій ссыльныхъ. Послѣдующими транспортами ежегодно увеличивающійся контингентъ каторжныхъ былъ занятъ сооруженіемъ на скорую руку зданій. Матеріалъ употреблялся самый доступный—лѣсъ. Заводить кирпичные сараи, дѣлать и обжигать кирпичъ не было времени, поэтому всѣ тюрьмы были построены изъ сырого дерева. Пока сооружались дома для служащихъ и хозяйственныя постройки при тюрьмахъ, прежнія арестантскія помѣщенія оказывались тѣсными, а послѣдующіе рейсы обѣщали новые и новые кадры ссыльныхъ. Тяжесть сорудительныхъ работъ привела арестантовъ къ мысли о Сахалинѣ: «вокругъ море—посрединѣ горе». Безсиліе администраціи справиться съ задачей размѣщенія каторжныхъ породило фикцію, что весь Сахалинъ есть одна естественная тюрьма. Оба вывода по существу очень близки другъ другу.

Разъ возникло представленіе объ островѣ, какъ объ одной тюрьмѣ, то, понятно, дѣйствующіе законы «о содержаніи ссыльныхъ въ мѣстахъ назначенія» [1]) должны были претерпѣть существенныя измѣненія. Въ законодательномъ порядкѣ Уставъ о ссыльныхъ не былъ измѣненъ въ виду особенностей сахалинской каторги, но едва-ли нужно распространяться о томъ, что это могло быть достигнуто различными разъясненіями центральнаго управленія—порядкомъ слишкомъ обыкновеннымъ въ русской жизни.

Еще бывшій начальникъ Главнаго Тюремнаго Управленія г. Галкинъ-Врасскій, по обозрѣніи въ 1894 г. Сахалина, нашелъ необходимымъ отмѣтить на первой страницѣ своей записки слѣдующее: «Ссыльно-каторж-

[1]) Уставъ о ссыльныхъ, ст. 282 и слѣд.

ные разряда испытуемыхъ должны, по закону, содержаться въ тюрьмѣ, между тѣмъ, по недостатку помѣщеній и по всему складу зарождавшейся жизни на Сахалинѣ, призванной собственными силами все создать и устраивать, начиная съ первобытныхъ вначалѣ построекъ, затѣмъ постепеннаго проведенія путей сообщенія среди тайги, поднятія земли подъ посѣвы, возведенія всякаго рода зданій, наиболѣе необходимыхъ для размѣщенія ссыльныхъ, надзора и служащихъ, и исполненія соединенныхъ съ симъ всевозможныхъ мастеровыхъ работъ; наконецъ, работы рудничныя въ каменноугольныхъ копяхъ, устройство пристаней, всякій ремонтъ и проч. — обусловили, въ общей сложности, съ самаго начала, такого рода отступленія отъ буквы закона, что теперь необходимо имѣть все это въ виду, дабы признавъ своевременность введенія должной регламентаціи не загубить живого дѣла исполненія каторги въ связи съ колонизаціей въ обширныхъ размѣрахъ. Исходя изъ этого и по совершенно особымъ условіямъ Сахалина, не укладывающимся въ обычныя рамки, необходимо и нынѣ, хотя бы временно, допустить такого рода особенности въ дѣлѣ примѣненія каторги, которыя при сопоставленіи требованій закона съ практикой и съ имѣющимися средствами, наименѣе вредили бы послѣдней» [1]). Приведенная выдержка чрезвычайно характерна для той *фактической* системы отбыванія каторги, которая совершенно не предусмотрѣна нашими законами и сложилась вопреки имъ. Г. Галкинъ-Врасскій намѣтилъ цѣлый рядъ мѣръ, которыя, по его мнѣнію, могли бы «не загубить живого дѣла исполненія каторги въ связи съ колонизаціей въ обширныхъ размѣрахъ». Такъ, 1) испытуемыхъ каторжныхъ перваго разряда содержать въ тюрьмѣ для внутреннихъ работъ и назначать на наружныя, «не иначе, какъ артелями подъ военнымъ конвоемъ». 2) Изъ испытуемыхъ каторжныхъ второго и третьяго разрядовъ содержать въ тюрьмѣ только холостыхъ, распре-

[1]) Записка начальника Главн. Тюрем. Управл. по обозрѣнію о. Сахалина въ 1894 г. стр. 1 и 2.

дѣляя ихъ на внѣшнія работы, но «отнюдь не поодиночкѣ и подъ надзоромъ». 3) Изъ каторжныхъ 2-го и 3-го разрядовъ—семейныхъ и холостыхъ—заявившихъ себя склонностью къ сельскому хозяйству и домообзаводству направлять на устройство новыхъ поселеній. 4) Право жительства внѣ тюрьмы предоставлять преимущественно семейнымъ каторжнымъ, «для совмѣстнаго проживанія съ семействами и въ видахъ содѣйствія въ свободное отъ казенныхъ уроковъ время устройству осѣдлости и хозяйства собственной семьи». Мы не приводимъ всѣхъ мѣропріятій, предположенныхъ г. Галкинымъ-Врасскимъ и не указываемъ, насколько существеннымъ отступленіемъ отъ закона являются вышеприведенныя, позволимъ себѣ лишь отмѣтить отношеніе къ послѣднимъ сахалинской дѣйствительности.

Назначеніе на работы каторжныхъ всѣхъ категорій не удалось провести на практикѣ. Г-мъ Саломономъ былъ отмѣченъ любопытный фактъ: въ Дуйской тюрьмѣ, состоящей изъ отборно здоровыхъ каторжныхъ назначалось на работы всего 26,12% общаго числа. Въ Александровской тюрьмѣ ежедневное количество невыходящихъ на работы колеблется отъ 350 до 400 человѣкъ. У насъ подъ руками листокъ наряда рабочихъ на 19 апрѣля 1902 г.; изъ него мы узнаемъ, что въ этотъ день въ Александровской тюрьмѣ для испытуемыхъ не вышло на работы 68,8% общаго числа... Кромѣ отдѣльныхъ личностей, упорно отказывающихся отъ труда, отъ времени до времени происходятъ общія забастовки, которыя иногда, какъ, напримѣръ, въ 1892 г., сопровождаются повальной голодовкой.

Интересно, что самая система наряда на работы открываетъ возможность разнообразныхъ смягченій до полнаго освобожденія отъ работъ включительно. *Настоящіе* каторжники, не смотря на здоровье и силы, умудряются попадать «на ваканціи», т. е. въ караульные, разсыльные и т. п. Имѣющіе средства отбываютъ каторгу *не личнымъ трудомъ,* а *по найму за себя* другихъ лицъ. Серьезные преступники выходятъ на работы лишь съ цѣлью побѣга, за который отвѣтствен-

ными лицами являются одни нижніе чины. Кстати, служба послѣднихъ, по мѣстнымъ условіямъ, далеко тяжелѣе каторжныхъ работъ.

Тѣснота тюремныхъ помѣщеній, невозможность совмѣщенія отбыванія казенныхъ уроковъ съ домоустройствомъ въ поселье, наконецъ признанное администраціей растлѣвающее вліяніе тюрьмы на семейныхъ каторжныхъ—все это привело къ системѣ освобожденія семейныхъ отъ казенныхъ работъ и отъ содержанія въ тюрьмѣ съ первыхъ дней ихъ появленія на Сахалинѣ и широкой практикѣ внѣтюремнаго жительства арестантовъ. Теперь имѣются цѣлыя селенія, какъ напр. Абрамовка, Казарское, образованныя изъ каторжныхъ, миновавшихъ сахалинскія тюрьмы.

Растлѣвающее вліяніе тюрьмы безспорно, но, думаемъ, не безгранично и не настолько безусловно, какъ-то вліяніе, которое производитъ господствующая на Сахалинѣ картина отбыванія наказанія. Съ одной стороны, судъ для всѣхъ «равный» приговариваетъ къ каторгѣ, а съ другой, ее отбываютъ только неимущіе и безсемейные. На умъ каторжной массы угнетающимъ образомъ дѣйствуетъ очевидная побѣда неуловимыхъ «колонизаціонныхъ» видовъ надъ строгимъ требованіемъ яснаго закона. Къ тѣмъ же результатамъ приводитъ и положеніе *привиллегированнаго* труда. Вотъ, напримѣръ, въ с. Рыковскомъ во время послѣобѣденной прогулки можно встрѣтить на главной улицѣ щеголевато одѣтаго красиваго молодого человѣка. Это нѣкій Щепинскій, который убилъ съ корыстной цѣлью родную сестру, изрубилъ ее на части и отправилъ товаромъ на ст. Брестъ. Онъ состоитъ писаремъ тюремной канцеляріи и наблюдателемъ метеорологической станціи, получаетъ около 40 руб. жалованья, живетъ въ казенномъ особнякѣ и имѣетъ казенную прислугу изъ *каторжныхъ*. Мы не знаемъ его слуги, а что, если онъ сосланъ за нанесеніе тяжкихъ побоевъ конокраду, укравшему *послѣднюю* лошаденку-кормилицу, или осужденъ за невѣжество, за одну только вѣру, что холеру прививаютъ врачи? Въ такомъ же казенномъ особнякѣ въ п. Александровскомъ живетъ другой «ме-

теорологъ» нѣкто Еллинскій. Лѣтъ 12 тому назадъ, будучи студентомъ военно-медицинской академіи, онъ звѣрски, изъ засады убилъ своего товарища и, съ цѣлью сокрытія слѣдовъ преступленія, его скальпировалъ. Мы помнимъ, какое тяжелое впечатлѣніе произвело это убійство на учащуюся молодежь. Еллинскій былъ сосланъ въ каторжныя работы на Сахалинъ. Здѣсь онъ вступилъ въ бракъ. Жена получила мѣсто наблюдателя метеорологической станціи, а мужъ былъ назначенъ ея помощникомъ. Живетъ эта семья въ казенномъ домѣ, на жалованьѣ и пользуется *каторжной* прислугой. Отбывая каторжныя работы въ качествѣ сотрудника собственной жены, Еллинскій находитъ время содержать промышленную фотографію. Проходя мимо метеорологическаго домика, откуда часто несутся звуки рояля, или встрѣчаясь на улицѣ съ этимъ бывшимъ студентомъ, всматриваясь въ его самодовольное лицо и крикливый костюмъ, мы невольно подумывали о томъ, могъ ли бы онъ устроиться лучше, поборовъ всѣ трудности медицинской науки.

Мы уже не говоримъ о различныхъ техническихъ надзирателяхъ, въ каторгѣ создающихъ себѣ благополучіе, о которомъ они и мечтать не могли ранѣе. Въ этомъ отношеніи достаточно указать на гг. Ландсберга и Григорьева. Оба они изъ саперныхъ офицеровъ. Первый сосланъ за убійство, съ цѣлью ограбленія, чиновника и его кухарки, послѣдній — за сообщеніе нѣмецкимъ военнымъ агентамъ плановъ нашихъ пограничныхъ укрѣпленій. Въ настоящее время имъ принадлежатъ въ п. Александровскомъ самые красивые и большіе дома и подъ ихъ командой находятся десятки каторжныхъ и тюремныхъ надзирателей... Подобные случаи многочисленны и всѣ они культивируютъ мысль, будто-бы и въ самомъ дѣлѣ одни должны носить ярмо, другіе — быть погонщиками.

О недостаткахъ тюремныхъ помѣщеній г. Галкинымъ-Врасскимъ упомянуто вскользъ. Что-же въ дѣйствительности представляютъ изъ себя сахалинскія тюрьмы? «Всѣ тюрьмы», по словамъ г. Саломона, «деревянныя; большая часть ихъ находится въ состояніи близкомъ

къ разрушенію. Камеры расположены или по обѣ стороны входныхъ сѣней или по одну сторону идущаго вдоль всей тюрьмы коридора, съ неподвижными, громоздкими нарами, занимающими большую часть камеры и служащими для арестантовъ, какъ мѣстомъ ночлега, такъ равно рабочимъ и обѣденнымъ столомъ. Грязь, тѣснота, безпорядочный складъ на нарахъ казенныхъ, и собственныхъ арестантскихъ вещей, съ остатками недоѣденной пищи и купленной на собственныя средства провизіей, составляютъ типичные признаки сахалинскаго тюремнаго помѣщенія» [1]). По другому компетентному описанію: «Почти всѣ тюрьмы, за малыми исключеніями, представляютъ собою не тюрьмы, предназначенныя для содержанія важныхъ уголовныхъ преступниковъ, а плохія казармы, и напоминаютъ собою скорѣе ночлежные дома. О раздѣленіи арестантовъ по категоріямъ не можетъ быть и рѣчи; не всегда даже представляется возможнымъ раздѣленіе арестантовъ испытуемыхъ отъ исправляющихся, а также подслѣдственныхъ – отъ отбывающихъ наказаніе... Приговоры новыхъ судебныхъ мѣстъ къ исправительнымъ арестантскимъ отдѣленіямъ, тюрьмѣ или аресту, не могутъ быть приводимы въ исполненіе. Подслѣдственные арестанты изъ лицъ *свободнаго* состоянія содержаться вмѣстѣ съ подслѣдственными ссыльно-каторжными и ссыльно-поселенцами» [2]). Въ виду этихъ-то обстоятельствъ изъ всего числа ссыльно-каторжныхъ на островѣ въ 5.822 ч., въ тюрьмахъ въ среднемъ содержалось въ 1899 г. всего 3.743 чел.; изъ остальныхъ, по замѣчанію г. губернатора о. Сахалина, значительная часть получила право, на основаніи закона, жить внѣ тюрьмы, а часть арестантовъ была выпущена на жительство еще до пріобрѣтенія этого права, *за недостаткомъ помѣщеній въ тюрьмахъ* (курсивъ нашъ).

Не прибавляя ничего къ описанію тюремныхъ помѣщеній, мы должны замѣтить, что на Сахалинѣ создался интересный типъ «вольной тюрьмы», составляю-

---

[1]) Саломонъ. Ост. Сахалинъ. „Тюремный Вѣстникъ" 1901 г. № 1, стр. 23.

[2]) Отчетъ Военнаго Губернатора остр. Сахалина за 1899 г. стр. 10—11.

щей самую выдающуюся часть въ каждой отдѣльной каторжной тюрьмѣ. Въ *вольной* живутъ каторжные всѣхъ разрядовъ; здѣсь совершается купля-продажа ворованныхъ вещей, игра въ карты, поддѣлка мелкой металлической монеты, фабрикація билетовъ, идетъ во всякое время дня и ночи торговля спиртомъ, а также имѣетъ мѣсто укрывательство бѣгло-каторжныхъ другихъ тюрьмъ. Быть можетъ, разнообразіе и нервность жизни содержащихся въ вольной тюрьмѣ заставляютъ ихъ запираться на ночь «изнутри», на что обратилъ вниманіе г. Саломонъ. Вольная тюрьма представляетъ главный нервный узелъ всей каторги: здѣсь создаются арестантскіе законы, здѣсь же постановляются жестокіе приговоры противъ отступниковъ отъ арестантскихъ правилъ. Это центръ арестантской инквизиціи, наводящій ужасъ на все тюремное населеніе и околицу.

Вольныя тюрьмы слѣдующимъ образомъ характеризуются г. губернаторомъ острова: «онѣ открыты въ теченіе всего для и заключенные въ нихъ сс.-каторжные не отбываютъ въ сущности опредѣленнаго имъ по суду наказанія. Помимо этого свободный выходъ изъ тюрьмы арестантовъ, не имѣющихъ внѣ стѣнъ ея никакихъ занятій, переполняетъ мѣста расположенія тюремъ праздношатающимися, развивая и увеличивая количество и безъ того безчисленныхъ на островѣ преступленій» [1]). Удручающая характеристика! Какъ обманывается общество и судъ, воображающіе, что на Сахалинѣ каторжныя работы! Но всю отвѣтственность за подобный режимъ несетъ сахалинское сельское населеніе.

Не слѣдуетъ забывать, что сахалинскія тюрьмы находятся въ главнѣйшихъ населенныхъ пунктахъ острова: постахъ Александровскомъ и Корсаковскомъ, селеніяхъ Рыковскомъ, Дербинскомъ и Онорскомъ. Каждая тюрьма составляетъ экономическій и административный центръ, гдѣ живутъ смотритель поселеній, врачъ, есть больница, имѣется магазинъ экономическаго фонда, церковь, военная команда и т. п. Тутъ можно продать и

---

[1]) Приказы Военнаго Губернатора о, Сахалина № 28 за 1898.

купить, получить казенное пособіе, выправить билетъ на заработки, отыскать въ ссуду денегъ и сѣмянъ. Словомъ, селеніе, въ которомъ тюрьма, состоитъ въ постоянномъ общеніи съ окружающимъ населеніемъ, даетъ жизни послѣдняго извѣстный тонъ и окраску. Въ свою очередь это селеніе находится подъ вліяніемъ тюрьмы. Каково это послѣднее вліяніе догадаться нетрудно.

Прежнія извѣстія о Сахалинѣ носятъ характеръ мрачной повѣсти о чрезмѣрныхъ работахъ каторжныхъ, тяжкихъ наказаніяхъ за всякую вину и безъ вины, отсюда побѣги со всѣми сопутствующими явленіями до людоѣдства включительно. Но нѣтъ болѣе Ливина, не тотъ уже Козарскій, дряхлымъ старикомъ сталъ Хановъ, давно законченная онорская просѣка вмѣстѣ съ нимъ рушится и утрачиваетъ слѣды своей страшной исторіи, самая идея превращенія острова въ сельско-хозяйственную колонію увяла и не сегодня—завтра опавшіе лепестки дорогого растенія свѣжей струйкой животворнаго воздуха размечетъ безъ остатка. Словно открыты всѣ отдушины, будто-бы хребты, сдавившіе несчастное насесеніе въ угрюмыхъ долинахъ, отодвинулись куда-то далеко, и стало дышаться свободнѣе. Легкія, привыкшіе къ тяжелому воздуху, не сразу чувствуютъ перемѣну, но она уже совершилась и къ прошлому нѣтъ возврата...

Новыхъ поселеній на островѣ больше не заводятъ, не поддерживаются и тѣ изъ прежнихъ, которыя признаны населеніемъ негодными; на мѣстахъ населеніе не удерживается насильственно и безусловно: къ началу 1902 года изъ всего числа крестьянъ проживало на материкѣ -- 54.18°/о, поселенцевъ — 24.31°/о; на островѣ дѣйствуютъ новыя судебныя учрежденія, обезпечивающіе имущественные интересы и до нѣкоторой степени личность ссыльнаго; тяжелыя каторжныя работы исчезли, тяжкія наказанія упразднились.

Далекимъ прошлымъ вѣетъ отъ эпохи кнута и дыбы, но отъ криваваго прошлаго остались плети, кандалы и розги. Не могло быть и рѣчи объ упраздненіи плети, когда до освободительной реформы вся Россія пред-

ставляла «битое царство», когда били крестьянъ, били солдатъ и матросовъ, били школьниковъ. Эпоха великихъ реформъ смягчила нравы, а вмѣстѣ съ этимъ какимъ-то непонятнымъ анахронизмомъ, ненужной и жестокой репрессаліей сдѣлались примѣняемыя въ тюрьмахъ плети или прикованіе къ тачкѣ. Духъ пореформеннаго времени выразился, между прочимъ, въ измѣненіи вѣса и типа кандаловъ, введеніи подкандальниковъ, ограниченіи случаевъ наложенія кандаловъ и усиленія въ этой области власти прокурорскаго надзора. По закону 29 марта 1893 г. отмѣнены тѣлесныя наказанія для ссыльныхъ женщинъ. По докладу г. Министра Юстиціи, 6 декабря 1901 г. состоялось Высочайшее повелѣніе войти въ разсмотрѣніе вопроса объ отмѣнѣ тягчайшихъ видовъ тѣлесныхъ наказаній для мужчинъ. Впредь до законодательной отмѣны судамъ было предложено не приводить въ исполненіе приговоровъ, которыми назначались тягчайшія тѣлесныя наказанія, доводя въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ до свѣдѣнія г. Министра. Наконецъ 2 іюня состоялось Высочайшее повелѣніе о полной отмѣнѣ тяжкихъ тѣлесныхъ наказаній [1]).

Всѣмъ извѣстна тонкая связь, существующая между центральными управленіями и мѣстными учрежденіями одного и того же вѣдомства. Едва мелькнутъ первыя, еще малоопредѣленныя, почти неуловимыя очертанія проекта какой-нибудь реформы и, лишь бы за нее стоялъ глава вѣдомства, какъ, дѣйствующіе на мѣстахъ и еще сильные опорою на законъ, старые порядки начинаютъ терять свою рѣзкую опредѣленность утрачиваютъ свой колоритъ и превращаются въ нѣчто такое безцвѣтное и безразличное, что послѣдующая реформа находитъ себѣ какъ бы родственную почву, кажется часто изъ нея выросшей. Тоже случилось съ вопросомъ о тѣлесныхъ наказаніяхъ преступниковъ. Гораздо ранѣе доклада г. Министра Юстиціи по этому поводу, въ тюремномъ вѣдомствѣ что-мо давно съ нимъ сросшееся незамѣтно дрогнуло и расплылось: тѣлесныя

[1]) „Правит. Вѣстн." 1903 г. № 133.

наказанія потеряли въ глазахъ ихъ старыхъ друзей свою силу. Такова ужъ природа бюрократическихъ отношеній: достаточно слуховъ «изъ вѣрныхъ» источниковъ о предполагаемыхъ перемѣнахъ, чтобы произошло досрочное нравственное обмундированіе заинтересованныхъ.

Тюремный чиновникъ, какъ человѣкъ чаще всего безъ всякаго образованія и умственныхъ силъ, въ борьбѣ за мѣсто, за службу вырабатываетъ наибольшую чувствительность къ давленію сверху, наибольшую гибкость въ служебной дѣятельности. Явился спросъ на гуманность, и сахалинскій чиновникъ включилъ ее въ число своихъ служебныхъ добродѣтелей. Прошло уже много лѣтъ, какъ на островѣ тѣлесныя наказанія перестали примѣняться по прежнему масштабу и съ прежнимъ настроеніемъ; даже розги потеряли кредитъ. Теперь нерѣдко можно услышать жалобы чиновниковъ на распущенность каторги и нареканія на гуманность въ смыслѣ какого-то невидимаго, неписаннаго запрещенія наказаній.

Мы думаемъ, что отвѣтственными за прежнія жестокости не могутъ быть цѣликомъ и только одни сахалинскіе чиновники. На нихъ возлагались непосильныя задачи, отъ нихъ требовали чудесъ, и трудно было сохранить человѣчность, не считать каторжныхъ *личными* врагами, когда именно отъ труда и усердія послѣднихъ зависѣло будущее первыхъ, благосостояніе изъ семействъ. На Сахалинѣ сложилась поговорка, что умныхъ туда привозятъ, а дураки сами ѣдутъ. И что же удивительнаго въ томъ, что эти «дураки», съ точки зрѣнія каторги, словно въ конвульсіяхъ, доходя до болѣзни, цѣплялись за кобылку и палача, видя въ нихъ гарантію своего жизненнаго пути. Тюремные чиновники, запятнавшіе себя на Сахалинѣ жестокостями, безспорно, виноваты, но не забудемъ, что это тоже *стрѣлочники* и только стрѣлочники.

И такъ, въ настоящее время нѣтъ работъ на островѣ, нѣтъ и наказаній. Въ какой-бы раскомандировкѣ теперешній каторжный ни находился, онъ всегда оканчиваетъ урокъ за три—четыре часа. Остатокъ дня или

лучше сказать большую часть дня каторга живетъ на себя, въ свое удовольствіе, живетъ въ томъ селеніи, гдѣ тюрьма. Въ такомъ селеніи трудно встрѣтить домъ куда ни были бы вхожи нѣсколько человѣкъ «рабочихъ». Иногда это земляки, иногда знакомые по партіи, иногда по тюрьмѣ, по улицѣ и т. д. Эти гости придаютъ семьѣ характеръ чего-то тюремнаго, неестественнаго. Окружающая жизнь бѣдна вообще впечатлѣніями; какая, въ самомъ дѣлѣ, жизнь птицы въ клѣткѣ, собаки на привязи. Вся жизнь у каждаго въ прошломъ и къ нему невольно стремится мысль, въ немъ находитъ себѣ пищу чувство. Въ прошломъ эти люди ищутъ программы для настоящаго, уроковъ для будущаго, и, конечно, не въ смыслѣ покаянія и возрожденія. Такимъ образомъ обратившійся къ домообзаводству живетъ въ постоянной связи со своимъ преступнымъ прошлымъ, расширяя свой личный опытъ практикой другихъ. Этимъ разъѣдающимъ ядомъ общенія съ тюрьмой заражаются съ самаго нѣжнаго возраста дѣти, которыхъ каторга во многихъ отношеніяхъ справедливо считаетъ хуже себя. Понятно, къ каторгѣ ведетъ длинная дорога, и большинство достигшихъ послѣдняго этапа начинали исторію своей жизни не съ каторги, не въ этомъ страшномъ безвыходномъ тупикѣ. У однихъ есть впечатлѣнія дѣтства въ деревнѣ, другіе помнятъ себя въ городской обстановкѣ, во всякомъ случаѣ, тѣ и другіе когда то имѣли мѣсто среди свободнаго трудового населенія.

Съ ветхозавѣтныхъ временъ человѣчество несетъ на себѣ бремя заповѣди въ потѣ лица добывать хлѣбъ свой; зерно трудового призванія у большинства прорастаетъ и даетъ плодъ, у немногихъ оно утрачиваетъ видимую жизненность, но не исчезаетъ безвозвратно. Сахалинскіе подростки — это та именно рѣдкая порода людей, которыхъ съ рожденія минуетъ всякое доброе сѣмя и которые сразу всасываютъ въ себя послѣднюю мудрость преступнаго міра. Вхожіе въ семью рабочіе губятъ мальчиковъ, развращаютъ дѣвочекъ и матерей. Рабочіе говорятъ, что на Сахалинѣ ихъ часть есть въ каждой бабѣ. Дѣйствительность подтверждаетъ это мо-

билизаціей сожительницъ, развратомъ законныхъ женъ, преждевременнымъ паденіемъ еще только *будущихъ* женщинъ. Въ 1900 г. на 21.046 мужчинъ ссыльнаго населенія приходилось 4.293 женщины. Вспомнимъ къ тому же, что на островѣ имѣются три военныя команды, для которыхъ, по выраженію одного оффиціальнаго документа, ссыльныя женщины издавна «служили необходимымъ предметомъ для удовлетворенія естественныхъ потребностей», и поймемъ, что недостатокъ «предметовъ» неминуемо долженъ былъ восполняться изъ 3.158 дѣтей женскаго пола.

Гнетущее однообразіе жизни, безцѣльность труда и безвыходность положенія возбуждаютъ въ организмѣ непреодолимую потребность въ болѣе сильныхъ ощущеніяхъ, въ какой-нибудь острой приправѣ. Роль этой раздражающей сои выполняютъ развратъ и пьянство въ перемѣжку съ игрой въ карты. Чтобы встряхнуться, почувствовать жизнь, нужны деньги. И вотъ въ погонѣ за деньгами начинаются всевозможныя ухищренія. Съ этою цѣлью продается паёкъ, сбывается обмундированіе; и то и другое даютъ ничтожныя суммы: за арестантскій полушубокъ выручается не болѣе рубля, за полную дачку сукна—около трехъ рублей (казнѣ первый обходится 2 р. 50 к., вторая—около 7 р. 50 к.). На сцену появляются ѳомка (маленькій ломикъ), веревка, ножъ, топоръ. Но разъ въ рукахъ инструментъ, то пощады нѣтъ никому: ни землячество, ни продолжительность знакомства, ни единовѣріе, словомъ, ничто не останавливаетъ вооруженнаго. Слѣдственныя дѣла даютъ въ этомъ отношеніи богатый матеріалъ. Ограничимся наиболѣе характерными случаями.

Входитъ къ крестьянину въ домъ знакомый рабочій. Хозяина нѣтъ въ избѣ, баба стоитъ у стола и свертываетъ вареники. Семья, по слухамъ, денежная. Рабочій схватываетъ хозяйку за горло. Пріемъ умѣлый: ни крику, ни борьбы и безкровно. Въ тотъ же вечеръ въ тюрьмѣ извѣстно имя убійцы, каторга пьетъ за его счетъ—это ея «моть» (доля въ поживѣ). Другой примѣръ. Поселенецъ собрался на материкъ. Наканунѣ своего выѣзда зашелъ къ земляку, котораго не разъ

выручалъ въ трудную минуту: здѣсь онъ имѣетъ право на радушный пріемъ. Но только что присѣлъ довѣрчивый гость къ столу и взялся за чайную чашку, какъ въ воздухѣ что-то визгнуло, раздался какой-то мокрый ударъ, и на столъ шлепнулись мозги, смѣшанные съ осколками черепныхъ костей. Трепещущій трупъ обыскивается, рубится на части, складывается въ ванну и прячется до вечера подъ столъ. И снова за столомъ пьютъ чай...

А вотъ по дорогѣ плетется старикъ. Это свидѣтель, ходившій за 70 верстъ въ п. Александровскій на сессію окружного суда. Встрѣчаются два поселенца, одинъ изъ нихъ сосѣдъ и старый знакомый по тюрьмѣ. Привалъ. Старикъ, разсказывая о судѣ, снимаетъ съ себя торбу, достаетъ оттуда хлѣбъ и табакъ, и предлагаетъ ихъ собесѣдникамъ. Поѣли, закурили. Потянулся старикъ къ одному изъ собесѣдниковъ прикурить «колѣнце», и скатился подъ бугоръ, въ канаву, получивъ сзади ударъ чѣмъ-то въ голову.

Еще примѣръ. Въ жалкой лачужкѣ живетъ едва перебиваясь поселенецъ. Все имущество его состоитъ изъ арестантскихъ вещей и ружья. Поздно вечеромъ къ нему кто-то постучался, оказалось—знакомый по работамъ. Поселенецъ обрадовался, побѣжалъ къ сосѣду, выпросилъ для гостя кринку молока, накормилъ пріятеля и положилъ его спать на постели, а самъ свернулся на холодномъ полу. На утро поселенецъ былъ найденъ убитымъ, ружье-же исчезло вмѣстѣ съ гостемъ.

Не щадятъ каторжные и туземцевъ, этихъ по-дѣтски довѣрчивыхъ и по-дѣтски беззащитныхъ людей.

Въ началѣ истекшаго года всѣ инородцы средней части острова были взволнованы слѣдующимъ, напримѣръ, кровавымъ происшествіемъ. Два поселенца направлялись изъ Корсаковскаго округа въ Тымовскій. По дорогѣ, въ теченіе недѣли, они убили японца и двухъ айновъ; подѣливъ добычу, они разошлись—одинъ пошелъ обратно, другой двинулся впередъ по невѣдомой таежной тропѣ. Иззябшій, ободравшійся, безъ хлѣба и даже спичекъ, онъ набрѣлъ случайно на ороченское стойбище. Орочены приняли его, накормили, обогрѣли.

Съ вечера второй ночи, бродяга, спасенный дикарями отъ вѣрной смерти, задумалъ отблагодарить за гостепріимство. Хозяева улеглись спать. Костеръ потухалъ, ежеминутно судорожно вспыхивая и озаряя спящихъ кровавымъ отблескомъ. При свѣтѣ мигающаго пламени бродяга разыскалъ топоръ, сталъ на колѣни передъ ближайшимъ изъ спящихъ и занесъ надъ его головой смертоносное оружіе... Изъ костра вырвался огненный языкъ и не стало одной жизни; морозный воздухъ лизнуло опять и опять клочковатымъ кровавымъ пламеменемъ, и снова и снова пресѣклись одна за другой еще двѣ жизни .. Покончивъ съ тремя, преступникъ перебрался къ четвертой жертвѣ—совсѣмъ молоденькой, красивой женщинѣ. Возбуждающая свѣжесть этой женщины, повидимому, ослабила руку убійцы: первый ударъ нанесенъ былъ несмертельный, а отъ второго она увернулась, со страшнымъ крикомъ вырвавшись изъ юрты. Бродяга скрылся, и былъ задержанъ недѣли черезъ три.

Намъ пришлось его видѣть. Это оказался молодой человѣкъ лѣтъ 25-ти, крѣпкаго сложенія, съ добрыми голубыми глазами и мягкой, шелковой рѣчью. Въ преступленіи онъ не сознавался, несмотря на то, что былъ уличенъ инородцами сосѣднихъ юртъ; онъ повторялъ: «меня считаютъ убійцей, а знаютъ-ли, что такое убійство? чужая душа — темный лѣсъ, а люди поѣдаютъ другъ друга и т. д.».

Во время слѣдствія обнаружилась характерная подробность. Когда преступникъ шелъ по направленію къ ороченскому стойбищу, въ тайгѣ съ нимъ встрѣтились два охотника. Эти послѣдніе передавали, что имъ показался убійца «недобрымъ» и одинъ изъ нихъ, когда они отошли отъ бродяги на разстояніе выстрѣла, предложилъ другому *убить* праздношатающагося, который и дошелъ до мѣста своего преступленія только благодаря нежеланію одного изъ охотникоотъ «зря мараться».

Бываютъ случаи, къ которымъ не остается равнодушной даже каторга. Такъ передъ Пасхой минувшаго года въ селеніе Рыковское вернулся съ работъ въ копяхъ молодой поселенецъ. Въ Рыковскомъ онъ загу-

лялъ, началъ пьянствовать, играть въ карты. Ему посчастливилось выиграть около 15 рублей и четыре рубахи. Затѣмъ поселенецъ исчезъ и только недѣли черезъ двѣ за селомъ были разысканы пастухомъ части человѣческаго трупа, по которымъ былъ признанъ пропавшій поселенецъ. Каторга возмутилась этимъ убійствомъ, потому что убитый всего нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ вышелъ изъ тюрьмы, гдѣ онъ благодаря своей молодости и темпераменту, былъ общимъ любимцемъ.

Вскорѣ каторга открыла убійцу. Имъ оказался старикъ около 60 лѣтъ, по словамъ каторги, «Іуда въ душѣ, а на словахъ подхалимъ». Шесть депутатовъ отъ каторжанъ просили начальство выдать имъ убійцу для «справедливаго» надъ нимъ суда.

Послѣдній случай представляетъ рѣдкое исключеніе. Обыкновенно каторга одобряетъ всякое преступленіе, совершенное въ отношеніи внѣтюремнаго населенія. Существуетъ какой-то антагонизмъ между каторгой и прочимъ міромъ, и невозможно передать все разнообразіе жестокостей, какими отличаются совершаемыя каторжными преступленія.

На Сахалинѣ спокойно спятъ только живущіе въ тюрьмахъ, остальное населеніе каждую минуту боится за жизнь. Настаетъ, напримѣръ, утро, но хозяева, особенно одинокіе не сразу выходятъ на дворъ, сначала присматриваются, не ѣдетъ ли кто по улицѣ, не вышелъ ли сосѣдъ; словомъ, каждый наровитъ выйти изъ избы «при людяхъ». Объясняется это просто, какъ прислушаешься къ мѣстнымъ новостямъ. «Слышишь, говорятъ, задушили сегодня утромъ Кирпичникова; вышелъ это онъ изъ избы, а удавка (веревка съ петлей) ужъ ждетъ его; теплаго еще засталъ нашъ парнишка, когда прибѣжалъ къ нему за соломой». «Вотъ такъ Сахалинъ, толкуютъ въ другомъ случаѣ, зарѣзали Музыку въ самый разъ, какъ вошелъ онъ въ стойку корову доить».

Намъ сообщалъ одинъ докторъ, что, по его мнѣнію, чахотка среди сахалинскаго населенія развивается въ значительной степени отъ постояннаго душевнаго

напряженія, истощающаго силы организма. Охотно присоединяемся къ этому мнѣнію, потому что неоднократно приходилось слышать жалобы на боль въ «грудяхъ» и объясненіе, что это отъ безсонницы. Работаешь, работаешь, говорили намъ, а придетъ ночь, спать не приходится, боишься, какъ бы коровы не зарѣзали или клуни не спалили.

Красному пѣтуху на островѣ приносятся огромныя жертвы. Огнемъ сводятся всѣ счеты. Хлѣбъ, сѣно, дома—все поджигается безъ разбору. Иногда поджоги совершаются изъ мести, иногда съ цѣлью поживиться. Намъ разсказывалъ одинъ хозяйственный крестьянинъ слѣдующее: «Давно ко мнѣ подбирались, но взять меня трудно. Вотъ рѣшили поджечь сарай въ разсчетѣ, что выйду, молъ, а тамъ и пришьютъ. Что-жъ, подпалили сарай и постучали даже въ окно. Я вскочилъ, вижу — дворъ такъ и купается въ огнѣ, а еще нѣтъ никого. Думаю, выскочишь—убьютъ. Нѣтъ, меня не возьмешь на хитрость. Схватилъ я ружье въ руки, сталъ подъ окномъ и простоялъ такъ, пока народъ сбѣжался. Потомъ слышно было по майданамъ, что апатія (бездомные поселенцы) ждала не такого конца».

Не смотря на огромную власть краснаго пѣтуха, на Сахалинѣ не существуетъ страхованія. Какъ ни плохо поставлено обязательное страхованіе въ селеніяхъ материка, но все же оно дѣйствуетъ и возмѣщаетъ хотя бы незначительную часть пожарныхъ убытковъ.

Многими земствами выработанъ цѣлый рядъ противопожарныхъ мѣропріятій, заведены въ селеніяхъ пожарные обозы, пожарные дружины и старосты, школы печныхъ мастеровъ и огнестойкихъ построекъ и т. д. На островѣ нѣтъ ни принудительнаго, ни добровольнаго страхованія, какъ ни въ *одномъ* селеніи нѣтъ пожарнаго обоза. Отсутствіе противопожарныхъ организацій лучше всего характеризуетъ заботы администраціи о колонизаціи.

Что касается майдановъ, то это своего рода клубы, гдѣ собираются въ теченіе дня и ночи безработные ссыльные. Это въ одно и то же время и съѣстныя

лавочки, и кабаки, и дома терпимости, и разбойничьи притоны. Надзора за майданами почти не существуетъ, какъ не существуетъ даже въ крупнѣйшихъ центрахъ казенныхъ ночлежныхъ домовъ. Въ поискахъ за работой, переселенецъ не можетъ миновать майдана, а въ немъ столько соблазновъ, что невольно мѣняются первоначальные разсчеты на честный заработокъ.

Каторга проводитъ большую часть свободнаго времени въ этихъ именно вертепахъ и въ нихъ же почерпаетъ маршруты для вылазокъ въ сосѣднія поселья. Такимъ образомъ, селенье, гдѣ находится тюрьма, и ближайшія къ нему представляютъ арену для внѣурочныхъ занятій каторжныхъ, которые извлекаютъ всѣ выгоды, представляемыя имъ порядками «вольной» тюрьмы. Въ болѣе отдаленныхъ посельяхъ работаютъ бездомные поселенцы и бродяги. У всѣхъ одинъ и тотъ же кровавый промыселъ, а разгадка его обобществляющей силы, пожалуй, сама собой напрашивается. Стоитъ только прислушаться, и повсюду услышишь: «Мнѣ что! Развѣ я трехъ фунтовъ боюсь?» [1]).

Почти такое же бѣдствіе, какъ пожары, составляютъ скоторѣзы. Конокрадства на островѣ почти нѣтъ. Ограниченность населеннаго района и малочисленность лошадей ставятъ ему непреоборимыя препятствія. Вмѣсто этого процвѣтаетъ убой скота на мясо. Изрѣдка рѣжутъ лошадей магометане, обыкновенно же убивается рогатый скотъ. Промыселъ этотъ очень выгоденъ: свѣжее мясо на островѣ доходитъ до 7 р. 50 к. за пудъ и сбытъ всегда обезпеченъ. Скотъ похищается изъ сараевъ и съ поля; потомъ гдѣ-нибудь въ тайгѣ рѣжется, раздѣлывается на части, размѣщается по мѣшкамъ и въ нихъ закапывается въ землю. По мѣрѣ надобности мясо извлекается изъ подобныхъ складовъ. Иногда мясо засаливается впрокъ и хранится въ подпольяхъ. Напасть на слѣды похищеннаго скота очень трудно, еще труднѣе вернуть хотя бы мясо или получить какое-либо вознагражденіе. Въ качествѣ скоторѣзовъ особенно вредны бродяги.

---

[1]) Три фунта—это суточная порція хлѣба содержащихся въ тюрьмахъ.

ГЛАВА V.

Бродяжество, его прошлое и дефиниція по дѣйствующему праву и Новому Уголовному Уложенію; ссылка бродягъ на Сахалинъ, причины, ее вызвавшія и послѣдствія; возвращеніе бродягъ на материкъ Сибири и законъ 10 іюня 1900 г. объ отмѣнѣ ссылки; побѣги, статейные списки и фотографіи; выходъ въ Россію, веревочка и арестантскіе манифесты; уличка; значеніе пожизненнаго праволишенія и взглядъ на наказаніе проф. В. В. Есипова; преступность по мнѣнію г. Макса Нордау, факты и типы; итоги.

Бродяги—бичъ Сахалина. Извѣстно, что бродяжество уходитъ корнями въ далекое прошлое нашей исторіи. Бѣглые и гулящіе люди, самозванцы, воры-разбойники, понизовая вольница—вотъ исконные источники центробѣжныхъ силъ, которыми опредѣлялись и территоріальное расширеніе государства и характеръ внутреннихъ преобразованій.

Стремленіе за рубежи, на украины, въ дикое поле, какъ пожаромъ охватывало Московскую Русь. Но завершилось строеніе великаго государства, и улеглось бродничество. Волна когда-то повсемѣстной народной мобилизаціи едва достигла истекшаго столѣтія. Слабымъ прибоемъ разбитой исторической волны подмывало еще крѣпостной строй. Рухнула крѣпостная хоромина и бродничество, какъ фактическое разрѣшеніе вопросовъ общественно-экономической нескладицы, исчезло. Осталась форма, но содержаніе измѣнилось. Появился *уголовный* бродяга; возникли, на смѣну прежнимъ, новые законы о бродяжествѣ.

Въ юридической литературѣ не разъ подчеркивалось крѣпостное происхожденіе нашего законодательства о бродяжествѣ. Такъ, по мнѣнію г. Лохвицкаго: «законъ нашъ въ безпаспортномъ видѣлъ бѣглаго, желающаго уйти отъ крѣпостного ярма, мѣщанина, желающаго уйти отъ рекрутской очереди, солдата, не вынесшаго прежней тяжелой доли» [1]). Огромное количество существующихъ въ нашемъ отечествѣ бродягъ, пишетъ

[1]) Лохвицкій. „Курсъ русскаго уголовнаго права“, стр. 447.

г. Неклюдовъ, можетъ быть объяснено четырьмя главными причинами: 1) недостатками нашей паспортной системы, 2) прежнимъ крѣпостнымъ правомъ, 3) прежнею рекрутчиною и 4) громадностію количества ссыльныхъ по суду и безъ суда, оставляемыхъ обыкновенно безъ всякаго надзора, и потому имѣющихъ полную возможность къ побѣгу [1]).

Правительственныя мѣропріятія противъ бродягъ въ XVIII в. не носили характера уголовной репрессіи. Бѣглые и гулящіе люди того времени забирались правительствомъ въ солдаты и сдавались въ крѣпостныя, заводскія и другія казенныя работы, или поселялись въ малонаселенныхъ мѣстностяхъ, какъ Петербургъ. Ссылка въ Сибирь въ отношеніи бродягъ впервые была установлена по указу 23 февраля 1823 г.; послѣдующія узаконенія опредѣлили тяжкія наказанія розгами шпицрутенами и плетьми, а также клейменіе, которое удержалось до 17 апрѣля 1863 года.

По дѣйствующему Уложенію о наказаніяхъ (ст. 950—954, см. тоже ст. 317 Уст. о ссыльн.), бродягами признаются какъ жительствующіе, такъ и переходящіе или переѣзжающіе изъ мѣста въ мѣсто, не только безъ вѣдома надлежащихъ полицейскихъ начальствъ и безъ установленныхъ на то видовъ, но и безъ всякихъ средствъ доказать настоящее свое состояніе или званіе, или же упорно отъ сего отказывающіеся. Осѣдлость, какъ видно, и даже очень продолжительная въ какомъ-либо мѣстѣ, не исключаетъ обвиненія въ бродяжествѣ, такъ какъ существеннымъ признакомъ послѣдняго по закону считается *недоказанность* настоящаго званія или состоянія.

Только по сравненію съ западно-европейскими законодательствами можно видѣть, насколько отечественная дефиниція бродяжества узка и одностороння. Въ Германіи, напримѣръ, Landstreicherei прикрываетъ собою безцѣльное привычное шатаніе изъ одного мѣста въ другое, при отсутствіи какихъ-либо средствъ къ жизни

[1]) Неклюдовъ. „Руководство къ особенной части рус. угол. права" кн. IV, стр. 542—543.

или занятій; vagabondage французскаго права обнимаетъ отсутствіе опредѣленнаго мѣстожительства, средствъ къ жизни и занятій; тѣми же почти признаками характеризуетъ бродяжество англійское законодательство, допуская по признаку индивидуальнаго напряженія злой воли дѣленіе на три группы: desorderly persons, rogues and vagabonds, incorrigible rogues [1]). Къ первой категоріи относятся вообще всѣ праздношатающіеся способные къ труду, но не работающіе; вторую категорію составляютъ собственно бродяги и третью—рецидивисты вторично уличенные въ безцѣльномъ шатаніи, при отсутствіи средствъ и заработка.

На Западѣ, очевидно, усвоена соціальная точка зрѣнія. У насъ же бродяжество фиксируется недоказанностью приписки, полнымъ отсутствіемъ регистраціонной связи съ какимъ-либо сословіемъ, обществомъ, даже мѣстностью, т. е. чертой *крѣпостного* происхожденія. И это очень понятно. При соціальной косности нашей народной массы ни lumpen, ни parasitenproletariat'ы не опасны. Безпримѣрная хозяйственная необезпеченность русскаго крестьянина, возрастающее заработное скитальчество, угнетающія картины переселенческаго движенія за Уралъ и обратно, издавна заобычныя голодовки десятковъ милліоновъ земледѣльцевъ при расширяющемся экспортѣ зерна за-границу— все это со всей пестротой сопутствующихъ явленій подтверждаетъ только что высказанную мысль.

Продолжительный опытъ ссылки въ Сибирь съ достаточной ясностью обнаружилъ, что тысячи водворенныхъ на мѣста поселенцевъ сейчасъ-же идутъ обратно, что жить и дѣйствовать въ обширномъ Зауральѣ можно безъ паспорта, что «билетъ» пеленаетъ честнаго крестьянина и развязываетъ руки бродягѣ, который за мелкую монету добываетъ себѣ нѣсколько разныхъ «видовъ». Съ различныхъ сторонъ и раз-

---

[1]) Handbuch der Politischen Oekonomie Schönberg, Vierte Aufl., drit. Band. § 24, 331.
Dictionnaire de l'administration français. Block p. 2261—2;
Encyclopaedia of The Laws of England, Vol. 12. 401—404.

личными способами увеличивалась опасность отъ господства «паспортной системы».

«Почти всѣ», замѣчаетъ Главное Тюремное Управленіе, «забираемые въ Сибири бродяги, состоятъ изъ бѣгло-каторжныхъ, преимущественно долгосрочныхъ, прибѣгающихъ къ побѣгамъ, по ихъ собственному сознанію, въ желаніи или совершенно избавиться черезъ побѣгъ отъ каторжныхъ работъ въ случаѣ, если удастся имъ пробраться въ предѣлы Европейской Россіи, или же, при сокрытіи своего званія, достигнуть улучшенія участи, въ виду сравнительно меньшаго наказанія, присуждаемаго за бродяжество» [1]). Насколько приведенное замѣчаніе отвѣчаетъ дѣйствительности, можно судить по тому, что еще г-мъ Синельниковымъ, бывшимъ Генералъ-Губернаторомъ Восточной Сибири, было возбуждено ходатайство о признаніи бродягъ ссыльно-каторжными безсрочными I разряда.

Дѣйствительно, выбрасывая изъ нашей лѣстницы уголовныхъ наказаній лишеніе правъ, которыхъ, къ сожалѣнію, податное населеніе вообще почти не имѣетъ по самому строю общественной жизни, замѣтимъ, что за уголовныя преступленія назначаются каторжныя работы отъ 4-хъ лѣтъ до безсрочныхъ включительно и смертная казнь. Между тѣмъ какъ за бродяжество Уложеніемъ о наказаніяхъ опредѣляется четырехлѣтнее содержаніе въ исправительныхъ арестантскихъ отдѣленіяхъ (Улож. ст. 951) съ послѣдующимъ водвореніемъ въ сибирскихъ или другихъ отдаленныхъ губерніяхъ. Какъ видно, наказаніе за бродяжество слабѣе минимальнаго за уголовныя преступленія, но нужно еще принять во вниманіе, что, на основаніи § 5 приложенія къ ст. 70 Улож., четырехлѣтнее содержаніе въ арестантскихъ отдѣленіяхъ было понижено до 1 года, а въ случаяхъ неимѣнія мѣста въ отдѣленіяхъ или тюрьмахъ бродяги прямо отсылались на водвореніе.

Въ силу приведенныхъ узаконеній, контингентъ сибирскихъ бродягъ увеличивался съ двухъ прямо противуположныхъ путей: съ одной стороны, бѣгло-ка-

---

[1]) Отч. Тюрем. Управл. 1888 г., стр. 20.

торжные пробирались въ Европейскую Россію, чтобы тамъ получить осужденіе за бродяжество; съ другой стороны, въ Сибирь направлялись въ качествѣ бродягъ, вмѣстѣ съ необнаруженными бѣглокаторжными, уклонявшіеся отъ суда и наказанія россійскіе преступники. Обѣ категоріи лицъ сходились въ одномъ каналѣ, отведенномъ нашимъ законодательствомъ бродяжеству, и, переваливъ за Уралъ, разливались по Сибири ядовитымъ потокомъ.

Настойчивыя жалобы сибирской администраціи на огромный вредъ, наносимый богатѣйшей окраинѣ ссылкою вообще и бродяжествомъ въ частности привели къ тому, что Минист. Внутрен. Дѣлъ циркуляромъ отъ 5 мая 1895 г. за № 7 предложило Тюремному Управленію здоровыхъ и способныхъ къ работѣ бродягъ высылать на о. Сахалинъ [1]).

Благопріятные для Восточной Сибири послѣдствія указаннаго мѣропріятія не замедлили сейчасъ же обнаружиться. Въ 1894 г., т. е. до направленія бродягъ на Сахалинъ, число водворенныхъ въ одной Иркутской губерніи бродягъ было 754 чел. обоего пола, или составляло 21% всѣхъ прибывшихъ; въ 1895 г. число бродягъ понизилось до 497 чел. или 15%, въ 1896 г.— до 258 чел., или 10,3%, въ 1895 г.—до 99 чел., или 7,2%. Количество россійскихъ бродягъ также сократилось. До 1895 г. число ихъ достигало 1000 чел. ежегодно, послѣ изданія циркуляра о направленіи бродягъ на Сахалинъ, оно сразу упало до 401, а за 1898—99 гг. не превышало и 300 чел. въ годъ [2]). Слѣдовательно ссылка на Сахалинъ съ одной стороны уменьшила контингентъ бродягъ въ Сибири, съ другой, подорвала общее значеніе бродяжества, какъ средства къ смягченію уголовнаго наказанія.

О числѣ водворенныхъ бродягъ на Сахалинѣ можно судить по слѣдующей таблицѣ.

---

[1]) „Тюр. Вѣст.“ 1895 г. № 5 стр, 229.

[2]) „Тюр. Вѣст.“ 1900 г. № 6, 7, стр. 345—346.

Прибыло бродягъ.	Изъ Европейской Россіи.		Изъ Сибири.	
Годы.	Мужчинъ.	Женщинъ.	Мужчинъ.	Женщинъ.
1895	139	14	—	—
—96	372	7	41	6
—97	176	8	66	8
—98	109	—	9	1
—99	64	7	—	—
1900	25	1	—	—
Итого. . . .	885	37	116	15

По мнѣнію г. Саломона, ссылка на о. Сахалинъ бродягъ представляется «особенно вредной». Мы вполнѣ присоединяемся къ этому мнѣнію. Уже было указано выше на недостатокъ на островѣ тюремныхъ помѣщеній для каторжныхъ и полное отсутствіе ихъ для другихъ категорій населенія; не могло быть и рѣчи поэтому о содержаніи временно водворяемыхъ бродягъ въ арестантскихъ отдѣленіяхъ. За отсутствіемъ послѣднихъ бродяги помѣщаются въ фиктивной «естественной» тюрьмѣ, т. е. распредѣляются по всему острову. Назначеніе водворяемыхъ бродягъ на какія-либо работы не можетъ быть осуществлено иначе, какъ въ формѣ *каторжныхъ* работъ, а это было-бы внѣсудебнымъ отягченіемъ ихъ участи. Если бродяги иногда и работаютъ по назначенію тюремной администраціи, то это нужно отнести скорѣе на счетъ мѣстнаго злоупотребленія, чѣмъ считать за общее правило. Поэтому констатированное г-мъ Саломономъ неотбываніе бродягами обязательныхъ работъ вполнѣ вѣрно.

Въ виду обнаруженной опытомъ недостаточной репрессивности практиковавшагося ранѣе наказанія за бродяжество, закономъ 10 іюня 1900 г. объ отмѣнѣ ссылки въ Сибирь возстановлено 4-лѣтнее содерженіе бродягъ въ исправительныхъ отдѣленіяхъ, безъ назначенія на наружныя работы и перевода въ разрядъ исправляющихся съ послѣдующей сверхъ того ссыл-

кой на о. Сахалинъ [1]). И это наказаніе можетъ почитаться строгимъ или по крайней мѣрѣ достигающимъ цѣли лишь по недоразумѣнію.

Въ Томскомъ Юридическомъ Обществѣ во время преній по докладу г-на Вейсмана: «Нѣсколько замѣчаній по вопросу о бродяжествѣ въ Сибири въ связи съ закономъ 10—12 іюня 1900 г. объ отмѣнѣ ссылки» [2]), проф. Мокринскій замѣтилъ, что бродяжество въ Сибири обречено на вымираніе и, съ другой стороны, что ссылка на Сахалинъ достаточная мѣра изоляціи. Остановимся на послѣднемъ утвержденіи.

Какой смыслъ заключается въ терминѣ «водвореніе»? Мы уже знаемъ что ссылка на Сахалинъ была принята съ цѣлью поселенія на островѣ *навсегда* отбывшихъ срокъ каторжныхъ работъ. Этотъ планъ пожизненнаго поселенія на островѣ ссыльно-поселенцевъ отчасти находилъ себѣ опору въ ст. 25 Улож. о наказаніяхъ, согласно которой «поселеніе въ Сибири навсегда» представляетъ одно изъ послѣдствій осужденія въ каторжныя работы. На основаніи ст. 318 и 361 Уст. о ссыльныхъ, по истеченіи 10-лѣтняго срока по отбытіи каторжныхъ работъ бывшіе каторжные поступаютъ въ

---

[1]) Законоположенія о бродяжествѣ цѣлымъ рядомъ статей наполняютъ Уложеніе о наказ., Уст. о паспортахъ и бѣглыхъ, Уставъ о предупр. и пресѣч. преступленій, Уставѣ о ссыльныхъ. Но, по справедливому замѣчанію составителей проекта новаго Угол. Улож., „при всей сложности и многочисленности постановленій нашего законодательства о бродягахъ, дѣйствующая система не удовлетворяетъ ни цѣлямъ общественной безопасности, ни началамъ справедливости“ (Проектъ стр. 395). Къ сожалѣнію, новымъ Угол. Улож. вопросъ не разрѣшенъ болѣе удовлетворительно. Имъ вводится понятіе о праздношатаніи (ст. 274), которое прежде всего характеризуется, по старому, проживаніемъ „безъ установленнаго вида на жительство“. Въ случаѣ отказа со стороны праздношатающагося удостовѣрить свою личность или сообщенія ложныхъ о ней свѣдѣній, праздношатаніе переходитъ въ бродяжество (ст. 275). Стоитъ только принять во вниманіе, что для сельскихъ рабочихъ не требуется выборки вида на жительство въ предѣлахъ, того уѣзда, гдѣ находится мѣсто постояннаго жительства отлучающагося, и въ предѣлахъ смежныхъ волостей, хотя бы отлучка продолжалась болѣе шести мѣсяцевъ (ст 3 Полож. о видахъ на жит.), чтобы оцѣнить по достоинству дефиницію бродяжества по новому Уголовному Уложенію и въ новыхъ словахъ признать старый духъ: eadem sed aliter!

[2]) Право 1902 г. № 2, стр. 107.

вѣдѣніе общей полиціи и «сравниваются съ крестьянами». Уставъ о ссыльныхъ и положеніе о видахъ на жительство, въ связи съ Высочайшими манифестами 14 ноября 1894 г. и 14 мая 1896 г., многимъ ссыльнокаторжнымъ дали возможность вернуться въ предѣлы Европейской Россіи.

Если бывшіе ссыльно-каторжные могли покинуть навсегда Сибирь, пользуясь отчасти исключительнымъ путемъ Высочайшей милости, то бродяги, ссылаемые въ Сибирь на водвореніе подъ именемъ водворяемыхъ рабочихъ (ст. 507 Уст. о ссыльн.), въ состояніи покинуть Сахалинъ по общему порядку. Въ самомъ дѣлѣ, при сопоставленіи ст. 951 Улож. о нак. съ закономъ 10—12 іюня 1900 г. видно, что, помимо измѣненій въ порядкѣ отбыванія бродягами работъ въ арестантскихъ отдѣленіяхъ, ихъ водвореніе «въ сибирскихъ или другихъ отдаленныхъ губерніяхъ, по усмотрѣнію Мин. Вн. Дѣлъ» замѣнилось водвореніемъ на Сахалинѣ, т. е. усмотрѣніе Мин. Вн. Дѣлъ, захватывавшее всю обширную Сибирь, уступило мѣсто категорическому требованію закона, отмежевавшаго подъ водвореніе бродягъ о. Сахалинъ. При этомъ не отмѣнены ни касающіяся бродягъ правила Устава о паспортахъ и бѣглыхъ, ни глава III-я Устава о ссыльныхъ.

Въ виду того, что законъ 10—12 іюня 1900 г. термину «водвореніе» никакого спеціальнаго значенія не придалъ, мы должны его понимать въ томъ смыслѣ, какой онъ имѣетъ по Уставу о ссыльныхъ. Изъ статей же 321—383 Уст. о ссыльныхъ заключаемъ, что подъ *водвореніемъ* разумѣются заботы и цѣлый рядъ мѣропріятій Экспедиціи о ссыльныхъ по устройству ссыльныхъ на мѣстахъ, куда они причислены. Устройство это достигается двумя способами (ст. 326): причисленіемъ къ деревнямъ старожиловъ и заведеніемъ новыхъ селеній на счетъ казны. Согласно ст. 361 Устава «по окончаніи льготныхъ лѣтъ, поселенцы поступаютъ въ вѣдѣніе общей полиціи и сравниваются съ крестьянами». Для бродягъ, ссылаемыхъ въ Сибирь льготнымъ срокомъ «до коего они должны оставаться въ вѣдѣніи Экспедиціи о ссыльныхъ», по ст. 505 Уст. считается пол-

тора года. По минованіи этого времени водворяемые рабочіе (ст. 509 Уст. о ссыльн.) могутъ избрать для себя «родъ податнаго состоянія въ одной изъ губерній или областей Сибирскихъ» съ ограниченіями въ правахъ состоянія и права выѣзда изъ мѣстъ жительства, указанными въ статьяхъ 43, 48 и 49 Ул. о нак. изд. 1885 г. Послѣднія двѣ статьи отмѣнены закономъ 10—12 іюня 1900 года и ближайшимъ послѣдствіемъ водворенія нужно признать четырехлѣтній срокъ поднадзорнаго состоянія (за вычетомъ полуторагодичнаго, полагаемъ), въ теченіе каковаго времени водворяемые рабочіе «не въ правѣ измѣнять мѣста жительства и удаляться изъ онаго безъ особеннаго на каждый разъ дозволенія полиціи».

Слѣдовательно, за полиціей остается право удерживать бывшихъ бродягъ на островѣ только въ теченіе четырехъ лѣтъ со времени ихъ водворенія. Въ виду же того, что «родъ податного состоянія» ничего въ юридическомъ отношеніи не обозначаетъ, то бывшему бродягѣ остается пробыть на Сахалинѣ еще два года и возбудить потомъ ходатайство о перечисленіи въ крестьяне. Послѣднее не можетъ быть не удовлетворено безъ нарушенія ст. 375 Уст. о ссыльн., по которой: «лицамъ, сосланнымъ въ Сибирь на поселеніе по судебнымъ приговорамъ, съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія или за бродяжество, предоставляется, по истеченіи десяти лѣтъ (слѣд. статья допускаетъ шесть лѣтъ) пребыванія ихъ въ Сибири, перечисляться въ крестьяне». Какъ ранѣе временно-заводскіе, водворенные въ Иркутской губ. не лишены были права перечисленія въ крестьяне, напримѣръ, Енисейской губ. и наоборотъ, такъ равно и въ настоящее время водворенные на Сахалинѣ имѣютъ право причисленія на материкѣ Сибири. Мы уже не говоримъ о томъ, что, при болѣе мягкомъ взглядѣ полиціи, временно-заводскіе могутъ выпускаться съ острова сейчасъ по истеченіи полуторагодичнаго срока послѣ ихъ водворенія. Такъ изъ Тымовскаго округа въ теченіе одного января истекшаго года было отпущено на материкъ Сибири

140 чел. временно-водворяемыхъ изъ бродягъ [1]). Такимъ образомъ все, сдѣланное по закону 10 іюня 1900 года для изоляціи материка отъ бродягъ, почти разрушается Уставомъ о ссыльныхъ, пересмотръ котораго, по слухамъ, поставленъ только на очередь.

Кромѣ указаннаго способа выбраться съ острова, допускаемаго закономъ вслѣдствіе несогласованности Уст. о ссыльн. съ Уложеніемъ, существуетъ еще путь законами не предусмотрѣнный—это путь такъ называемыхъ, арестантскихъ манифестовъ. Арестантскій манифестъ—оригинальная самозащита преступниковъ отъ уголовной репрессіи, выросшая на почвѣ тюремныхъ непорядковъ. Побѣгъ и арестантскій манифестъ—давно знакомая каждому каторжному бытовая дорожка къ пониженію наказанія.

Намъ уже извѣстно, что представляютъ изъ себя сахалинскія тюрьмы. Вся масса отступленій отъ закона въ ихъ внутреннемъ распорядкѣ не случайна. Главари тюремнаго населенія, такъ называемые «Иваны», входятъ какъ бы въ молчаливое соглашеніе съ начальствомъ и принимаютъ на себя всю отвѣтственность за наружный порядокъ. Начальство не затрудняетъ себя заботами по управленію, ограничиваясь книгами, бухгалтеріей и экономіей отъ припека, отъ раскроя и т. д. На Сахалинѣ зачастую начальникъ тюрьмы по цѣлымъ недѣлямъ въ нее не заглядываетъ. Широкія хозяйственныя обязанности не оставляютъ времени и не даютъ возможности лично самому завѣдывають тюрьмой; послѣднее представляется надзирателямъ изъ нижнихъ чиновъ или даже изъ каторжныхъ.

Начальникъ тюрьмы всецѣло поглощенъ хозяйствомъ, иногда при полномъ сознаніи ненормальности подобнаго положенія, но поступать иначе не въ силахъ, потому что тюрьма считается лучше поставленной, начальство—болѣе отвѣчающимъ своему назначенію въ тѣхъ случаяхъ, когда больше произведено работъ, построекъ и пр. Задачи пенитенціарныя совер-

---

[1]) См. приказъ губернатора остр. Сахалина 1896 г. п. 5, № 105.

шенно поглощаются экономическими, техническими и другими стремленіями, составляющими въ послѣднее время главный пунктъ программы тюремнаго управленія. Въ цѣляхъ осуществленія этой программы, никакія отступленія отъ закона не считаются запрещенными.

Въ Уложеніи о наказаніяхъ имѣется цѣлый рядъ статей, которыми весьма чувствительно, а часто и съ большой несправедливостью, ограничивается свобода короннаго суда, постановляющаго приговоръ: maximum и minimum опредѣленныхъ въ законѣ наказаній за то или другое преступленіе — вотъ Прокрустово ложе, уродующее приговоръ, лишающее его жизненной правды [1]). Судъ, назначая срокъ каторжныхъ работъ, тѣмъ самымъ опредѣляетъ продолжительность времени, въ теченіе котораго каторжный долженъ находиться въ наиболѣе тяжкихъ условіяхъ тюремнаго режима. Этотъ періодъ называется временемъ испытуемости. Для каторжныхъ I разряда, т. е. приговоренныхъ къ работамъ свыше 12 лѣтъ, до безсрочныхъ включительно, срокъ испытуемости опредѣляется отъ 2 до 8 лѣтъ; для каторжныхъ II разряда, присужденныхъ къ работамъ отъ 8 до 12 лѣтъ — 1½ года, и для каторжныхъ III разряда, присужденныхъ на время отъ 4 до 8 лѣтъ—1 годъ (ст. 299 Уст. о ссыльныхъ). Подавшіе въ теченіе опредѣленнаго для нихъ срока испытуемости надежду на исправленіе перечисляются въ разрядъ исправляющихся и пріобрѣтаютъ цѣлый рядъ льготъ (ст. 300 Уст. о ссыльныхъ). Таковы требованія закона; практика же сахалинской каторги далеко выходитъ за предѣлы ихъ.

Тѣснота помѣщеній, фикція естественной тюрьмы, погоня за увеличеніемъ каторжныхъ поденщинъ и пр. приводятъ къ тому, что сроки испытуемости игнорируются и дешевые отзывы тюремныхъ надзирателей выводятъ испытуемыхъ на свободу, въ вольную тюрьму, изъ которой побѣгъ не представляетъ ни затрудненій,

[1]) Новымъ Уголовнымъ Уложеніемъ въ отношеніи дробимости и гибкости наказанія сдѣланъ большой шагъ впередъ, тоже нужно замѣтить и по вопросу о сводничествѣ, котораго мы касались на стр. 32.

ни риска. Встрѣчаются нервныя натуры, у которыхъ не достаетъ терпѣнія для виду пробыть нѣкоторое время въ кандальной, т. е. испытуемой тюрьмѣ, и купить себѣ законно обставленный выходъ въ вольную, и они бѣгутъ съ работъ, пользуясь недостаткомъ надзора.

Изъ нижеприведенной таблички видно, между прочемъ, какую благодарную почву для побѣга представляютъ работы [1]).

Годы.	Бѣжало.	
	Изъ тюремъ.	Съ работъ.
1891	62	199
1892	101	144
1893	50	267
1894	72	225
1895	103	114
Итого	388	949

Эта таблица далеко не можетъ дать точныхъ свѣдѣній о числѣ дѣйствительныхъ побѣговъ, такъ какъ на островѣ послѣдніе чрезвычайно многочисленны и администрація поэтому установила очень выгодный для себя порядокъ. Судебное слѣдствіе не возбуждается по поводу *каждаго* побѣга, а ограничивается лишь случаями, когда признаетъ это нужнымъ администрація. Каторжный совершаетъ побѣгъ; объ этомъ молчатъ, иногда потому, что не сразу обнаруживаютъ, иногда, вѣроятно, въ силу соображенія: «баба съ воза, кобылѣ легче». При заброшенности тюремъ, побѣгъ трудно обнаружить своевременно. Въ истекшемъ году былъ случай, что въ Александровской тюрьмѣ задержали неизвѣстнаго бѣглокаторжнаго, составили протоколъ и назначили его къ отправкѣ на уличку по другимъ тюрьмамъ, но передъ самой отправкой бѣглокаторжный сознался, что онъ каторжный именно *Александровской* тюрьмы. Кстати, этотъ фактъ до того характеренъ, что протоколъ о задержаніи этого каторжнаго былъ фото-

[1]) Сахалинскій Календарь 1897 г., стр. 88.

графированъ. Судебныя слѣдствія представляютъ обильный матеріалъ въ подтвержденіе того невѣроятнаго порядка, что бѣглые укрываются ночью въ тюремныхъ камерахъ.

Администрація вообще не торопится поимкой бѣглыхъ; послѣдніе состоятъ на довольствіи, а въ бѣгахъ питаются собственными средствами, такъ что въ тюрьмѣ получается экономія. Итакъ въ однихъ случаяхъ побѣги проходятъ совсѣмъ не замѣченными, въ другихъ—обращаются во временную отлучку и только въ третьихъ—побѣгъ квалифицируется, какъ таковой, возбуждается слѣдственное дѣло, бѣглый берется подъ стражу, привлекается къ отвѣтственности конвой. Начальникъ тюрьмы *всегда* остается въ сторонѣ, онъ даже не допрашивается слѣдователемъ въ качествѣ свидѣтеля.

Весною 1902 года изъ Александровской тюрьмы бѣжало 6 арестантовъ, самыхъ крупныхъ преступниковъ, или, какъ говорятъ на островѣ, головка каторги. Побѣгъ былъ совершенъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Арестанты вышли на работу подъ военнымъ конвоемъ, по обыкновенію, недостаточнымъ. Нагрузивъ тачки углемъ, арестанты растянулись въ линію, причемъ, задумавшіе убѣжать сгруппировались въ одномъ мѣстѣ; по данному сигналу, они напали на двухъ солдатъ, выхватили у нихъ ружья, и бросились въ сосѣдній лѣсъ... Солдаты пошли подъ судъ, хотя вѣдь они не имѣютъ права отказываться отъ сопровожденія арестантовъ по малочисленности наряда, да и не знаютъ ни коммерческой тюремной политики, ни того, допустимо ли *по закону* выводить на работу такихъ преступниковъ, которыхъ конвоировать ихъ назначаютъ.

Бѣжавшіе арестанты направились въ Тымовскій округъ съ цѣлью перебраться оттуда на материкъ. Только на четвертый день въ Тымовскомъ округѣ были получены свѣдѣнія о побѣгѣ, хотя между округами дѣйствуетъ телеграфъ, по которому ежедневно передаются и менѣе значительныя личнаго характера новости или сплетни. Неотвѣтственная администрація бездѣйствовала; поплатились только солдаты да несчастное населеніе...

До самаго послѣдняго времени на островѣ былъ и такой начальникъ тюрьмы, который извѣстнымъ ка-

торжнымъ предоставлялъ свободу бѣжать, цѣлымъ рядомъ остроумныхъ ухищреній направлялъ ихъ въ опредѣленномъ направленіи, гдѣ ихъ собственноручно и разстрѣливалъ. Объ этихъ засадахъ хорошо помнятъ въ Онорѣ.

Какъ бы то ни было, но можно сказать, что сахалинской администраціей приняты всѣ мѣры къ тому, чтобы облегчить каторжнымъ побѣгъ и увеличить тяжесть испытаній, выпадающихъ на долю сельскаго населенія. Бѣглые каторжные не сразу перебираются на материкъ. Для этого труднаго путешествія требуются средства значительно большія, чѣмъ для домоустройства, по тюремному положенію. Нужныя средства извлекаются изъ населенія, проживающаго на островѣ, посредствомъ грабежей и убійствъ, которыя служатъ единственнымъ и, пожалуй, неизбѣжнымъ занятіемъ бѣглокаторжныхъ и на материкѣ. Иногда сахалинскіе выходцы соединяются съ полицейской стражей въ общемъ натискѣ противъ обывателей, какъ обнаружилось изъ благовѣщенскаго процесса Самохвалова и К°.

Если открыто газеты нашей восточной окраины передаютъ всякія свѣдѣнія о томъ, что китайскія опіекурилки облагаются негласнымъ въ десятки тысячъ налогомъ, то едва ли требуются комментаріи на счетъ безопасности каторжнаго въ Сибири, кишащей *бывшими* каторжными, не склонными «засыпать» (выдавать) своего брата. Бѣглокаторжный въ любомъ мѣстѣ Сибири находитъ себѣ пріютъ. Если онъ направляется въ Россію, то онъ держится особаго маршрута, ведущаго по *своимъ* людямъ и извѣстнаго подъ именемъ *веревочки*. Только благодаря услугамъ веревочки сахалинскіе бѣглецы имѣютъ возможность проникать въ Европейскую Россію.

Лѣтомъ истекшаго года, даже въ Петербургѣ были задержаны второй разъ бѣжавшій съ Сахалина Митрофановъ и немного позже—другой сахалинецъ Васильевъ; въ Москвѣ также былъ задержанъ одинъ изъ островитянъ, явившійся самъ въ полицейскій участокъ съ просьбой вернуть его обратно на Сахалинъ, такъ какъ Москва ему надоѣла; мы уже не говоримъ объ извѣст-

ныхъ подвигахъ на Кавказѣ Кяръ-Мамедъ-Янгули-Оглы, повѣшеннаго 14 ноября истекшаго года въ Елизаветполѣ по приговору суда за 12 убійствъ, грабежи и разбои, совершенные имъ послѣ побѣга съ Сахалина въ теченіе 2 мѣсяцевъ [1]).

Преступная дѣятельность бѣглокаторжныхъ находитъ себѣ, помимо другихъ условій, твердую опору въ недостаткахъ законоположеній объ исполненіи приговоровъ и вытекающихъ отсюда бытовыхъ послѣдствій, полной разобщенности между учрежденіями, постановляющими приговоры и учрежденіями, которыя ихъ приводятъ въ исполненіе. Еще по гражданскимъ дѣламъ у насъ имѣется судебно-исполнительная власть, дѣйствующая подъ контролемъ и въ ближайшемъ вѣдѣніи судебныхъ учрежденій. Что же касается уголовныхъ дѣлъ, то въ этой весьма важной области роль суда вполнѣ оканчивается постановленіемъ приговора, послѣ чего начинается дѣйствіе администраціи.

Въ этомъ разобщеніи нельзя не видѣть большой несообразности: разъ судъ является отвѣтственнымъ за сущность постановляемаго имъ приговора, то, естественно, казалось бы на немъ должна лежать обязанность практическаго осуществленія этихъ приговоровъ, по крайней мѣрѣ, въ смыслѣ наблюденія и контроля, чтобы судебное рѣшеніе *вполнѣ* воплощалось въ дѣйствительности. Иначе, если судебное рѣшеніе въ одныхъ случаяхъ остается только на бумагѣ, въ другихъ—принимаетъ въ жизни болѣе суровыя формы, то это въ корнѣ подрываетъ высокое общественное значеніе суда. Чѣмъ можетъ быть судоотправленіе, какъ ни комедіей, если, положимъ, приговоры къ каторжнымъ работамъ на практикѣ замѣняются водвореніемъ преступниковъ въ ихъ собственныя семейства, или, когда болѣе легкое по закону наказаніе въ дѣйствительности превращается въ болѣе тяжкое? Наше дѣйствующее право и тюремная практика даютъ обильный матеріалъ по затронутому вопросу.

Съ постановленіемъ приговора о ссылкѣ осужден-

[1]) „Новое Время“ 1902 г. № 9552 и „Право“ 1902 г. № 49, стр. 2419.

ные поступаютъ въ вѣдѣніе губернскаго правленія (ст. 951 Уст. Уг. Суд.). Въ этомъ послѣднемъ учрежденіи составляется на каждаго отправляемаго въ ссылку статейный списокъ (ст. 37—43 Уст. о ссыльн.). Нигдѣ въ законѣ не указывается порядка составленія списковъ. Исключеніе представляетъ С.-Петербургъ, гдѣ списки составляются особой коммиссіей, въ составѣ которой значится членъ врачебнаго отдѣленія. Однако, ни для этой коммиссіи, ни для губернскихъ и уѣздныхъ учрежденій не имѣется указаній, въ чемъ должно заключаться *освидѣтельствованіе* преступниковъ. Изъ приложенной къ ст. 37 Уст. о ссыльн. формы статейнаго списка можно сдѣлать выводъ, что освидѣтельствованіе имѣетъ характеръ поверхностнаго наружнаго осмотра. Такъ, въ графѣ четвертой—«примѣты», послѣ примѣрнаго перечня размѣра роста, цвѣта лица, глазъ, волосъ, а также примѣтъ на носу, предлагается «и прочія неизмѣняемыя примѣты на тѣлѣ какъ-то: родимыя пятна и проч. писать сколько можно подробнѣе». Въ этомъ случаѣ закономъ, повидимому, не требуется соблюденія даже такихъ несложныхъ правилъ освидѣтельствованія, какія преподаны въ отношеніи новобранцевъ,

На практикѣ дѣло свелось къ тому, что какой-нибудь писецъ тюремнаго отдѣленія составляетъ статейные списки, которые во всѣхъ отношеніяхъ не отвѣчаютъ своему назначенію. Тюремное начальство ничего не можетъ узнать изъ такого списка о характерѣ преступленія, совершеннаго преступникомъ и соотвѣтственно съ этимъ индивидуализировать тюремный режимъ. Въ пенитенціарныхъ цѣляхъ важно знать *характеръ* преступленія, а не самый фактъ; въ статейномъ спискѣ, напримѣръ, написано, что осужденъ за убійство съ цѣлью ограбленія, но вѣдь бываетъ въ подобныхъ случаяхъ убійство одного лица, двухъ и членовъ цѣлаго многочисленнаго семейства. Однако, насколько иногда излишними считаются какія-либо свѣдѣнія о преступникахъ, показываетъ совершенное отсутствіе статейныхъ списковъ въ тюрьмахъ Сахалина. На островѣ списки сосредоточены въ окруж-

ныхъ канцеляріяхъ, а не при тюрьмахъ. Начальникъ какой-нибудь Дуйской тюрьмы долженъ *вѣрить* арестанту, что онъ именно тотъ, чьей фамиліей онъ самъ называется, долженъ *вѣрить* и въ томъ случаѣ, когда арестантъ изъ окружной канцеляріи приноситъ квитанцію объ окончаніи имъ работъ.

Эти квитанціи въ канцеляріяхъ покупаются по дешевой цѣнѣ, но оказываютъ большія услуги: проходитъ иногда нѣсколько мѣсяцевъ, прежде чѣмъ откроется обманъ, а преступникъ успѣваетъ уже перебраться на законномъ основаніи на материкъ.

Статейный списокъ никого не удерживаетъ отъ побѣга, потому что рѣдкій списокъ, хотя бы приблизительно улавливаетъ примѣты того, на кого онъ составленъ. Изъ слѣдственныхъ дѣлъ мы убѣждались, что въ спискѣ отмѣчается бородавка на носу и не показываются приросшіе рубцы на ногахъ, уродливости пальцевъ и т. д., или описывается цвѣтъ волосъ, а ростъ обозначается на нѣсколько вершковъ неправильно въ ту или другую сторону. Фотографическія карточки, снимаемыя безплатно провинціальными фотографами также плохо восполняютъ недостатки статейныхъ списковъ. Если бы по однимъ карточкамъ пришлось судить о самой личности каторжныхъ, то, вѣроятно, были бы забракованы всѣ рѣшительно фотографіи.

И такъ, не придавая преувеличеннаго значенія ни статейному списку, ни фотографической карточкѣ, каторжные бросаютъ тюрьмы и бѣгутъ на материкъ, не останавливаясь ни передъ какимъ звѣрствомъ въ поискахъ за деньгами [1]). Удастся перебраться на материкъ, тамъ тоже занятіе или явка въ полицію съ заявленіемъ о безпаспортности и запамятованіи своего званія. Начинаются формальности, въ результатѣ приговоръ мирового судьи и высылка на Сахалинъ, но уже

---

[1]) Въ половинѣ февраля, какъ передаетъ „Восточный Вѣстникъ", на Сахалинѣ были задержаны двое бродягъ, у которыхъ въ котомкахъ оказались человѣческіе пальцы и части брюшины. По разслѣдованіи выяснилось, что они убили своихъ двухъ товарищей и питались ихъ мясомъ. Чего же не способны сдѣлать эти люди? („Восточное Обозрѣніе" 1903 г. № 65).

въ привиллегированномъ званіи временно-водвореннаго изъ бродягъ. Вмѣсто прежней каторги многолѣтней или безсрочной въ перспективѣ — водвореніе и законный выходъ на материкъ. Вотъ эта-то привиллегія и называется арестантскимъ манифестомъ.

Арестантскій манифестъ — это не личное дѣло одного заинтересованнаго, это — результатъ совокупнаго усердія многихъ. Пояснимъ примѣромъ. Допустимъ, что бѣглокаторжный не успѣлъ выбраться на материкъ и вскорѣ послѣ побѣга задерживается на островѣ. Его доставляютъ въ ближайшую тюрьму, чинятъ допросъ и показываютъ надзирателямъ и арестантамъ, не признаетъ ли кто-нибудь въ бродягѣ бѣглеца изъ этой самой тюрьмы. Никто, конечно, не признаетъ, такъ какъ по арестантскимъ правиламъ бѣглый не уличается. Та же процедура улички и съ тѣми же послѣдствіями совершается по всѣмъ тюрьмамъ острова. Случается, что доставленнаго въ тюрьму бродягу встрѣчаетъ каторга, какъ стараго знакомаго, но при торжественной уличкѣ для всѣхъ онъ оказывается неизвѣстнымъ.

Протоколы улички въ концѣ концовъ направляются къ мировому судьѣ по мѣсту задержанія. Здѣсь не обходится безъ курьезовъ. Судья спрашиваетъ у задержаннаго, кто онъ такой и получаетъ отвѣтъ: «я путешественникъ». На воспросъ— откуда вы? Съ той стороны—слѣдуетъ отвѣтъ. Гдѣ вы родились? - въ избѣ. Ваше мѣстожительство?—подъ стогомъ. Ваша фамилія?—теперь Петровъ, а была Ивановъ: нашему брату трудно фамилію помнить, какъ вывернешься, такъ и фамилія другая... Изъ камеры при всеобщемъ одобреніи публики выходитъ «путешественникъ» въ сопровожденіи стражи, а черезъ нѣсколько дней, благодаря своеобразному сахалинскому режиму, онъ встрѣчается съ судьей на улицѣ и раскланивается какъ благодарный знакомый.

Правило «не уличать бродяги» не только не встрѣчаетъ отступниковъ среди каторжныхъ, но почти свято соблюдается тюремными надзирателями и чиновниками. Въ началѣ истекщаго года изъ Рыковской тюрьмы

исчезъ водовозъ вмѣстѣ съ парою казенныхъ воловъ, на которыхъ онъ возилъ воду. Сбѣжавшій былъ долгосрочный каторжный. Черезъ нѣсколько недѣль онъ былъ пойманъ и доставленъ въ туже самую Рыковскую тюрьму, гдѣ впрочемъ отказался отъ своего прежняго «состоянія», и несмотря на то, что его *всѣ* знали его *никто* не уличилъ.

Присматриваясь къ фактическимъ источникамъ бродяжества, мы должны признать, что имѣетъ смыслъ *скрывать свое преступленіе, но не настоящее званіе или состояніе.* Такъ называемыя по Сибири стрѣлки, шпана, кобылка, жиганы, котельники, охотно указывающіе свое мѣсто причисленія, не должны считаться бродягами съ точки зрѣнія дѣйствующаго закона.

Къ шатанію по обширной территоріи Сибири ихъ подталкиваетъ нищета; между нили встрѣчаются также страдающіе особымъ видомъ душевнаго растройства (wanderlust), выражающимся въ неодолимой потребности передвиженія. На островѣ въ с. Рыковскомъ живетъ, напримѣръ, старикъ Шальной, который безъ всякой опредѣленной цѣли, ежегодно отправляется бродяжить, не будучи въ состояніи побѣдить въ себѣ этого влеченія. Между прочимъ, Шальной похищаетъ красныя женскія рубашки и при этомъ испытываетъ сладострастное удовлетвореніе. Но въ общемъ, извѣстный «Вѣчный жидъ» Евгенія Сю не ихъ прототипъ, которыхъ гонитъ съ одного мѣста на другое неумѣнье взяться за какое-нибудь дѣло и страшная нужда. Всѣ эти шатуны пробавляются милостыней, иногда совершаютъ мелкія преступленія. Послѣднее понятно, только вспомнимъ разсказъ г. Короленко «Морозъ», въ которомъ съ замѣчательной психологической правдой авторъ пишетъ: «стоитъ понизиться на два градуса температурѣ тѣла, и совѣсть замерзаетъ... Не замерзаетъ только соображеніе о своихъ удобствахъ и подлое фарисейское лицемѣріе... О, какая низость»!

Непосѣдливая кобылка извѣстна также на Сахалинѣ. Здѣсь она называется апатіей и формируется частью изъ бездомныхъ ссыльно-поселенцевъ, частью изъ бѣглыхъ каторжниковъ неопаснаго типа. По доро-

гамъ между отдѣльными тюрьмами неустанно бродятъ арестанты: изъ Корсаковской тюрьмы идутъ въ Онорскую, изъ Рыковской въ Дербинскую и т. д. Это – по преимуществу злостные банкроты, впавшіе въ неоплатные тюремные долги. За долги въ тюрьмѣ бьютъ нещаднымъ смертнымъ боемъ. Несостоятельному должнику остается бѣжать, такъ какъ съ побѣгомъ прекращаются всѣ обязательства. За должниками зорко слѣдитъ тюрьма, но разъ кому удалось, какъ говорятъ смѣнить участь, долги очищены. Подобные бѣглецы наслаждаются свободой недолго, такъ сказать, попутно, такъ какъ главная цѣль ихъ побѣга попасть въ другую тюрьму. Они совершаютъ преступленія, но мелкія и ничтожныя, не такія, какъ *настоящія* бродяги.

Въ настоящее время между сахалинскими бродягами можно встрѣтить нѣсколько человѣкъ, получившихъ высшее техническое, врачебно-ветеринарное, и юридическое образованіе. Нѣкоторые изъ нихъ когда-то занимали даже видныя должности, считались «особами VI класса», и вдругъ исчезли. Ключъ къ пониманію этого внезапнаго исчезновенія даетъ недавняя исторія бродяги Знаменскаго. Лѣтъ пять тому назадъ онъ служилъ офицеромъ въ одномъ изъ приволжскихъ городовъ. Случайное убійство заставило его исчезнуть. Преступленіе не было раскрыто, но пять лѣтъ тяжелой бродяжеской жизни не могли усыпить встревоженной совѣсти: бродяга открылъ свое «настоящее званіе» и уже возвращенъ къ мѣсту совершенія преступленія.

Мы знали между бродягами семинариста «съ богословія», изнасиловавшаго въ пьяномъ видѣ малолѣтнюю дѣвочку, и скрывшагося. Хорошую память о себѣ оставилъ въ п. Александровскомъ бродяга—двоеженецъ, впослѣдствіи возстановленный въ своемъ званіи.

Бродяги — самая интересная и богатая типами среда.

Съ точки зрѣнія самихъ ссыльныхъ, непомнящіе родства и не осужденные или бѣглокаторжные преступники—понятія синонимическія. Ссыльные хорошо знаютъ, что бродяжество надежный предохранительный клапанъ, понижающій давленіе уголовнаго наказанія.

Самоосужденіе на бродяжество открываетъ широкое поле для внѣсудебнаго смягченія уголовной кары. Рѣшимость выбросить за бортъ генеалогическое дерево, стать «непомнящимъ» даетъ возможность замѣнить безсрочную или долгосрочную каторгу простымъ водвореніемъ въ Сибири, поэтому часть бродягъ этимъ путемъ уходитъ отъ суда, другіе-же освобождаются отъ наказанія.

На основаніи ст. 58 Врем. Правл. о примѣненіи Судебныхъ уст. въ губ. и обл. Сибири, Высоч. манифестовъ и Указа Правительствующаго Сената отъ 6-го марта 1901 года дѣла объ открытіи бродягами настоящаго состоянія и званія подсудны мировымъ судьямъ. Возстановить себя въ прежнемъ состояніи можно однимъ заявленіемъ мировому судьѣ, безъ всякихъ матеріальныхъ издержекъ и хлопотъ. Однако, не смотря на это, дѣлъ объ открытіи бродягами родопроисхожденія у большинства судей не имѣется вовсе, у сахалинскихъ не превышаетъ десятка, а именно: изъ 948 водворяемыхъ рабочихъ по 1-е января 1899 г. открыли происхожденіе 46 человѣкъ. Рѣдки подобныя заявленія, еще рѣже онѣ подтверждаются послѣдующими справками!

И такъ Сахалинъ сдѣлался средоточіемъ самыхъ стойкихъ преступныхъ элементовъ—бродягъ материковыхъ, а съ другой стороны, въ немъ самомъ ежегодно выростаютъ кадры собственныхъ бродягъ, стремящихся на материкъ. Всю тяжесть послѣдствій этого круговорота обреченъ выдерживать Сахалинъ, населеніе котораго живетъ подъ страшной угрозой необезпеченности ни жизни, ни имущества.

Въ поселеніяхъ, разбросанныхъ среди необъятной тайги, осѣдаютъ поселенцы разныхъ національностей, вѣроисповѣданій, нравственнаго умственнаго, уровня и матеріальнаго достатка. Къ этой пестрой массѣ ежегодно приселяются новые выходцы изъ тюремъ, увеличивая собою прежнюю пестроту [1]). Общихъ инте-

---

[1]) О значеніи административныхъ причисленій къ селеніямъ вновь выходящихъ изъ тюремъ можно судить по слѣдующему примѣру. Въ сел. Ада-

ресовъ нѣтъ, наоборотъ, господствуетъ и явный и скрытый антагонизмъ. Въ этой сферѣ постоянной внутренней борьбы и взаимнаго недоброжелательства всегда готова почва для всякихъ преступленій, при этомъ полная беззащитность населенія гарантируетъ безнаказанность.

Кража или убійство, совершенныя на глазахъ многихъ, всѣмъ извѣстными лицами передъ слѣдственной властью никогда не обнаруживаются. На сахалинѣ всѣ преступленія совершаются «безъ свидѣтелей». По однимъ преступленіямъ потерпѣвшіе, если они живы, предпочитаютъ молчать изъ опасенія мести; по другимъ, въ случаяхъ убійствъ, напримѣръ, трупы безмолвствуютъ, а случайные свидѣтели исчезаютъ, зная, что каждое показаніе, каждое слово правды можетъ стоить жизни. Сахалинскіе свидѣтели обыкновенно говорятъ: «гдѣ ужъ намъ показывать, что видѣлъ — не видѣлъ, что слышалъ — не слышалъ, иначе убьютъ или сожгутъ; вѣдь на посельѣ нашего брата никто не защищаетъ...» Дѣйствительно, поселенія предоставлены самимъ себѣ, здѣсь нѣтъ ни надзирателей, ни сотскихъ, ни десятскихъ. Преступное населеніе будто бы признается не нуждающимся даже въ тѣхъ полицейскихъ агентахъ, которые имѣются повсюду въ Россіи. Впрочемъ, недостатокъ надзора замѣчается даже въ тюрьмахъ, гдѣ въ 1899 году временные надзиратели изъ военно-служащихъ составляли 47% общаго числа.

Еще хуже, чѣмъ въ тюрьмахъ поставлено дѣло надзора въ тѣхъ случаяхъ, когда арестанты работаютъ гдѣ-нибудь на дроворѣзкѣ, на угольной и т. д. Здѣсь часто на сотню арестантовъ приходится одинъ надзиратель, и, понятно, за это расплачивается населеніе ближайшихъ поселеній.

Работать не къ чему,—говорятъ на Сахалинѣ даже трудолюбивые крестьяне, все равно сожгутъ, если не убьютъ. И это вѣрно: населеніе никогда не перестаетъ себя чувствовать словно на кратерѣ вулкана!

тыми осѣло хозяйственное населеніе; къ нимъ причислили четырехъ холостыхъ поселенцевъ, которые начали заниматься кражами; старожилое населеніе поучило пришельцевъ, а въ результатѣ кто-то сжегъ *весь* запасъ сѣна.

* * *

Преступность, помимо уже отмѣченныхъ условій, въ значительной степени поддерживается на Сахалинѣ и другими недостатками нашего уголовнаго законодательства. Когда-то уголовное наказаніе было государственной местью за преступленіе, устраняющею самосудъ потерпѣвшихъ и ихъ родственниковъ. Прошло безвозвратно это время мстительнаго Іеговы и съ задачей наказанія стали соединять цѣли огражденія общества отъ преступныхъ элементовъ. Зрѣло человѣчество, а вмѣстѣ съ нимъ преступность. Система самозащиты вскорѣ обнаружила свою несостоятельность, и возникло понятіе о наказаніи, какъ принудительномъ исправленіи. Современное уголовное право всѣхъ цивилизованныхъ народовъ носитъ слѣды этого новѣйшаго понятія о наказаніи, но отрыжка старыхъ взглядовъ во многомъ даетъ себя знать.

«Новыя начала любви и милосердія, пишетъ профессоръ В. В. Есиповъ, новый принципъ исправленія, новыя мѣры карательнаго воздѣйствія съ трудомъ пробиваютъ себѣ дорогу. Общество все еще остается вѣрно своей «мстительной склонности» въ отношеніи преступленій» [1]).

Обращаясь въ частности къ нашему уголовному законодательству, находимъ, что къ уголовнымъ наказаніямъ относятся каторжныя работы отъ четырехъ лѣтъ до безсрочныхъ включительно. Между сахалинскими ссыльнокаторжными за 1897 г. осужденные въ работы на сроки до 20 лѣтъ и болѣе составляли 1.693 чел. обоего пола или 24,82% общаго числа. Слѣдовательно, почти четвертая часть каторжныхъ была осуждена на такія продолжительныя работы, которыя могутъ окончиться лишь смертью. Это предположеніе тѣмъ болѣе вѣроятно, что въ каторгу приходятъ люди послѣ многихъ неблагопріятныхъ для здоровья испытаній, и въ 1897 году на Сахалинѣ ока-

---

[1]) В. В. Есиповъ. „Преступность и мѣры воздѣйствія“, стр. 176.

залось свыше 36°/о неполносилыхъ и неспособныхъ совершенно къ работамъ. Если такъ, то для какой жизни исправляться? для будущей? Конечно, исправляться для земной жизни нѣтъ никакихъ побужденій или слишкомъ мало. Вполнѣ справедливо поэтому замѣчаніе объяснительной записки къ проекту Угол. Уложенія, что «лицамъ подвергшимся подобному наказанію (20 лѣтъ каторги), возможность достигнуть лучшей участи хорошимъ поведеніемъ, обыкновенно представлялась столь отдаленною, что желаніе исправиться въ нихъ очень часто угасало. Въ иныхъ случаяхъ они впадали въ апатію и доходили до послѣдней степени нравственнаго паденія, въ другихъ — озлоблялись, предпринимали безбоязненно отчаянные побѣги, сопровождали ихъ нерѣдко страшными злодѣйствами и, когда попадали въ руки властей, встрѣчали съ полнымъ равнодушіемъ приговоры о дальнѣйшемъ увеличеніи сроковъ работъ» [1]).

Почти нѣтъ никакой перспективы и передъ тѣми изъ каторжныхъ, которые осуждены на сроки сравнительно небольшіе и будутъ въ состояніи ихъ окончить. Развѣ съ выходомъ изъ каторги клеймо наказанія стирается? Нѣтъ, оно пожизненно: сначала званіе ссыльно-поселенца, затѣмъ ссыльно-крестьянина со всѣми ограниченіями до могилы. Извѣстно, съ какой подозрительностью относятся къ бывшимъ каторжникамъ, и если слѣды отбытаго наказанія, какъ тѣнь идутъ за человѣкомъ, то они создаютъ неодолимыя препятствія къ возрожденію.

Прежнее клейменіе преступниковъ не исчезло, оно изъ физическаго стало лишь юридическимъ. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ отмѣченный рукой жестокой Ѳемиды навсегда лишается возможности слиться съ обществомъ честныхъ людей и въ нихъ найти для себя необходимую нравственную поддержку. Вотъ почему поселенцы представляютъ постоянный контингентъ рецидивистовъ. Силою судебнаго клейма ихъ толкаетъ въ кругъ такихъ-же, какъ они сами, людей той

---

[1]) Объясн. Записка, т. I, стр. 152.

же марки, а въ этой средѣ не всѣ имѣютъ склонность исправиться и невсегда находится заработокъ безупречно честный. Вынужденное преимущественное общеніе съ преступнымъ міромъ вытравляетъ едва проросшее сѣмя нравственнаго исправленія и направляетъ слабую волю на знакомую дорожку легкой наживы, жизни безъ труда, фарта. Глубокимъ знаніемъ жизни вѣетъ отъ слѣдующаго замѣчанія составителей проекта Уложенія: «по окончаніи наказанія долженъ наступить моментъ, когда преступнику забывается его прошлое, заглаженное наказаніемъ, когда онъ снова можетъ стать въ положеніе, вполнѣ тождественное съ прочими гражданами. Это условіе является необходимымъ дополненіемъ всякой раціонально устроенной тюремной системы» [1]).

Вышеуказаннымъ однако не исчерпывается все зло, наносимое государству и въ частности Сибири нашей системой пожизненнаго праволишенія. Вырывая преступника навсегда изъ честной жизни, наше законодательство подрѣзываетъ съ корня самое себя, лишается собственной жизненной силы. Въ самомъ дѣлѣ, если безсрочная каторга отнимаетъ у преступника всякую возможность самоисправленія, то, съ другой стороны, таже безсрочная каторга вырываетъ у правительства возможность дальнѣйшаго наказанія. Возьмемъ, напримѣръ, въ канцеляріи Александровской тюрьмы на Сахалинѣ нѣсколько справочныхъ карточекъ объ арестантской судимости. Вотъ Николай Богдановъ судился въ 1893 г., 1894 и опять въ 1894 году, былъ приговоренъ къ каторжнымъ работамъ на 11 лѣтъ и 5 лѣтъ испытуемости + 3 года работъ + безъ срока работы и 10 лѣтъ испытуемости. Афанасій Константиновъ судился въ 1885 г., 1888, 1894 и 1899 г.г.; приговоренъ къ каторжнымъ работамъ на 9 лѣтъ + 15 лѣтъ работъ и испытуемости 8 лѣтъ + работы безъ срока и 8 лѣтъ испытуемости + испытуемости 10 лѣтъ. Василій Васильевъ судился въ 1889 г., 1893 г. и 1897 г.; приговоренъ на 12 лѣтъ

[1]) Ibid. т. I стр. 211—212.

каторжныхъ работъ + 20 лѣтъ работъ и 10 лѣтъ испытуемости + 12 лѣтъ работъ и 6 лѣтъ испытуемости. Мироновъ Дмитрій судился въ 1885 г., 1888 г., 1891 и 1899 г.: присужденъ къ 10 годамъ каторжныхъ работъ + работы безъ срока и испытуемости 12 лѣтъ + испытуемость безъ срока + испытуемость безъ срока.

Чѣмъ-то непостижимымъ кажутся приведенныя свѣдѣнія о судимости. Въ самомъ дѣлѣ, если назначено человѣку пожизненное содержаніе въ тюрьмѣ, то какимъ образомъ можно назначить ему еще разъ такое же содержаніе «безъ срока», или что-нибудь въ этомъ родѣ. Логически это нелѣпо, а практически неосуществимо. Въ дѣйствительности въ подобныхъ случаяхъ неоднократной судимости исчисленіе срока каторжныхъ работъ дѣлается на основаніи ст. 318 Устава о ссыльныхъ, хотя въ ней, повидимому, имѣется въ виду *одна* судимость безъ срока и кромѣ того требуется «совершенное удостовѣреніе въ нравственномъ исправленіи преступниковъ».

Сахалинская администрація вопросъ упростила, и сколько бы разъ преступникъ ни осуждался на безсрочную каторгу—все равно срокъ работъ ему *заранѣе* опредѣляется двадцатилѣтній. Ясно, что сила судебнаго рѣшенія подрѣзывается въ корнѣ, а въ какую оскорбительную процедуру превращается судъ видно изъ того, что, когда объявляется на Сахалинѣ приговоръ сессіи окружного суда, которымъ *безсрочныя* работы продлятся еще на 10 лѣтъ, то въ публикѣ раздается смѣхъ, а каторжный иногда смиренно замѣчаетъ: «покорно благодарю, господа правосудіе, за канитель».

Присвоеніе сахалинской администраціей права на помилованіе преступниковъ насъ удивляетъ тѣмъ болѣе, что въ приказѣ губернатора отъ 15-го ноября 1894 г. за № 242 было преподано разъясненіе относительно сроковъ испытуемости вполнѣ согласное съ закономъ [1]).

Такимъ образомъ наше дѣйствующее право не

---

[1]) „Тюремный Вѣстникъ“ 1895 г. № 4, стр. 172.

только отнимаетъ у преступниковъ возможность исправленія, но его еще какъ бы поощряетъ къ дальнѣйшимъ преступленіямъ, обезпечивая безнаказанность. «Прежняя классическая наука, пишетъ проф. В. В. Есиповъ юридическимъ языкомъ своимъ говорила: преступникъ имѣетъ право на наказаніе. Да, и право неотъемлемое. Но едва-ли бываютъ права на казни и мученія. Права предполагаютъ правовыя блага. Благомъ для преступника является только «исправительное наказаніе». Оно-то дѣйствительно по праву принадлежитъ преступнику» [1]). Но, чтобы вполнѣ понять, *какія* блага обезпечиваются преступнику на Сахалинѣ, нужно хотя-бы немного вникнуть въ сущность мѣстной жизни и въ существо преступной личности.

Преступная личность давно уже занимаетъ вниманіе ученыхъ, человѣческая мысль настойчиво стремится въ эту таинственную область, и многія частности уже объяснены и достаточно изучены, но самая тайна преобразованія преступной души еще остается нетронутой. Съ несомнѣнностью установлено, что человѣкъ—и продуктъ и факторъ соціальной среды, въ которой онъ живетъ. Это взаимодѣйствіе безспорно, не разгадано только, гдѣ проходитъ та страшная грань, за которой одни становятся человѣкомъ-рабомъ, другіе—человѣкомъ-господиномъ соціальной среды. Прогрессъ точныхъ наукъ когда-нибудь дастъ ключъ къ разрѣшенію и этой загадки, теперь же приходится пока удовольствоваться настолько широкими и явственными очертаніями вопроса, что ни одинъ изъ живыхъ спутниковъ преступныхъ явленій не остался внѣ зачерченнаго круга и стало быть самыя явленія изучаются во всей своей трепещущей полнотѣ.

Мы думаемъ, что очень удачное объясненіе преступности далъ Максъ Нордау. Онъ раскрылъ не сущность явленія, а установилъ, если такъ можно сказать, его морфологію. По моему глубокому убѣжденію, говоритъ онъ, преступленіе есть ничто иное, какъ явленіе человѣческаго паразитизма. Паразитизмъ, про-

[1]) В. В. Есиповъ. Ibid. стр. 262.

должаетъ онъ, начинается только тогда, когда появляются люди, желающіе брать безъ отдачи, отнимающіе у другихъ результаты ихъ трудовъ, безъ ихъ согласія и безъ всякой оплаты, обращающіеся, однимъ словомъ, съ людьми, какъ съ первоначальной матеріей, которою они удовлетворяютъ всѣ свои нужды и потребности... Универсальный маклеръ преступленія — это законъ наименьшей затраты силъ [1]).

Авторъ не указываетъ на *процессъ* обнищанія человѣческаго существа, постепенную растрату органовъ самостоятельной жизни; онъ даетъ объясненіе преступной личности въ ея настоящемъ и опять-таки съ болѣе *внѣшней*, морфологической стороны, именно со стороны общественной наружности преступника, признаковъ его дѣйствій, а не ихъ скрытыхъ индивидуально-разнообразныхъ пружинъ.

Прошлое каждой преступной личности съ неотразимой убѣдительностью доказываетъ, что преступныя склонности укореняются въ человѣкѣ, когда въ немъ атрофируется трудовая энергія. Паразитизмъ — это начало болѣзни трудящагося организма, преступность— это расцвѣтъ завершившагося перерожденія.

Общественная жизнь связываетъ людей многообразными и многочисленными отношеніями, которыя можно обобщить въ конечной формѣ правъ, съ одной стороны, и обязанностей, съ другой. То или другое соотношеніе этихъ конечныхъ формъ общественной зависимости дѣлитъ людей на друзей господствующаго режима и тайныхъ или явныхъ исповѣдниковъ религіи будущаго, царства «не отъ міра сего».

Накопляющаяся на одномъ полюсѣ группа привилегированныхъ безработныхъ составляетъ прямую противуположность, примыкающимъ къ другому полюсу, рабамъ чрезмѣрнаго, безпросвѣтнаго труда. Промежуточныя явленія представляютъ тонкія варіаціи и деликатно замаскированныя формы. Вотъ почему извѣстный Обломовъ въ техническомъ смыслѣ не преступ-

[1]) *Максъ-Нордау*. Лекція, читанная въ Парижской высшей русской школѣ. „Научн. Обозр." 1902 г. № 12, стр. 29, 33, 34.

никъ, хотя тысячи людей, затронутыхъ тѣмъ же процессомъ обнищанія энергіи, при другихъ общественныхъ условіяхъ, наполняютъ тюрьмы. Крайности трудового напряженія и бездѣятельности сходятся въ одномъ тупикѣ, смѣшиваются въ общей клоакѣ «преступности».

Насъ занималъ вопросъ о преступности и мы, между прочимъ, старались почерпнуть нѣкоторый матеріалъ для его освѣщенія изъ самонаблюденія преступниковъ. Самые выдающіеся и самые развитые преступники говорятъ о себѣ, что они «несчастные», что преступленіе — ихъ «участь», что они «родились такими несчастными». Во всѣхъ этихъ отзывахъ звучитъ какой-то непреоборимый фатумъ, спокойное подчиненіе роковому предопредѣленію. Вся жизнь преступной личности представляетъ потрясающій разбѣгъ, подъ вліяніемъ толчка, незамѣтно даннаго когда-то и кѣмъ-то. Здѣсь дѣйствуетъ таинственная инерція. Иначе нельзя объяснить себѣ преступной личности. Вполнѣ искренно убійцы говорятъ: «плачешь да рѣжешь». Что-же можетъ быть характернѣе для автоматизма дѣйствія? Этотъ же автоматизмъ подтверждается наблюдаемымъ среди преступниковъ удивительнымъ однообразіемъ пріемовъ ихъ преступной дѣятельности.

У каждаго убійцы — свое орудіе и своя повадка: одинъ нападаетъ съ топоромъ въ рукахъ, другой — пользуется веревкой, третій — употребляетъ ножъ. Каждый изъ нихъ неизмѣнно держится своего орудія. Кромѣ того, одни наносятъ раны въ сердце, другіе — отдѣляютъ шейные позвонки, третьи — то совершенно отсѣкаютъ голову, то оставляютъ ее на кожной перемычкѣ, четвертые — наносятъ удары обухомъ. Спеціализація доходитъ до того, что нѣкоторые убиваютъ только женщинъ или наносятъ удары топоромъ только въ правую сторону головы и т. д. Намъ пришлось говорить съ однимъ убійцей, который трижды судился за убійство женщинъ и который самъ удивлялся однообразію совершенныхъ имъ преступленій: каждой изъ своихъ жертвъ онъ наносилъ одинаковое число ударовъ обухомъ топора и въ одни и тѣ же мѣста го-

ловы. Двѣ изъ его жертвъ послѣ тяжкой болѣзни поправились и онъ недоумѣвалъ, почему умерла третья. Мы знали также душительницу, которая совершенно не выносила крови...

Затронутая нами область фактовъ представляетъ огромный научный интересъ, но, къ сожалѣнію, она еще совсѣмъ не изучена.

Въ указанномъ выше, специфическомъ смыслѣ «несчастные» не составляютъ въ каторгѣ большинства. Въ этомъ отношеніи очень цѣнно мнѣніе выдающагося на Сахалинѣ преступника Блинова (онъ же Мироновъ, Коломейцевъ и др.). Это еще молодой, атлетическаго сложенія, привлекательно-красивый человѣкъ изъ донцовъ. Рѣчь его дышетъ силой и твердостью, умъ отличается удивительной остротой и ясностью. Онъ занимался разбоемъ на югѣ Россіи, былъ безсрочнымъ каторжнымъ въ Нерчинской каторгѣ, бѣжалъ оттуда, снова разбойничалъ и снова попалъ въ безсрочную каторгу, но уже на Сахалинъ. Здѣсь онъ содержался съ большой строгостью, и все-таки бѣжалъ; совершилъ на островѣ нѣсколько звѣрскихъ убійствъ и приготовился перебраться на материкъ, но благодаря совершенно случайнымъ обстоятельствамъ былъ задержанъ. Надежды на побѣгъ онъ и теперь не теряетъ.

Вотъ этотъ-то Блиновъ, обобщая свои наблюденія надъ преступниками, говоритъ: «преступники настоящіе, такіе, какъ я, родятся и умираютъ преступниками. Я началъ съ того, что мальчикомъ пристрастился къ голубямъ; сталъ воровать голубей у сосѣдей, просо для голубей у базарныхъ продавцевъ. Я любилъ запускать голубей въ летъ и состязаться съ другими голубятниками. Птицѣ я придался, а отъ всякихъ занятій меня тошнило. Дальше да больше и попалъ въ тюрьму, а тамъ ужъ нашему брату дорога въ каторгу готова. Я не злой человѣкъ и по злобѣ не совершалъ преступленій, по нуждѣ также не дѣлалъ. Деньги у меня не переводились. Иногда въ карманѣ 200—300 рублей, а идешь на преступленіе, потому что, какъ отобьешься отъ людей, такъ сама

собою подбирается компанія, которая тебя толкаетъ. Ты спишь или гуляешь, а компанія находитъ работу; управишься съ однимъ дѣломъ, даютъ другое. И такъ руки не просыхаютъ до смерти. Изъ настоящихъ преступниковъ я не знаю ни одного, который бросилъ бы самъ свое занятіе: привыкла собака за возомъ ходить—будетъ ходить до смерти. Если случается, что кто-нибудь самъ не ходитъ на преступленіе, такъ насъ укрываетъ или вещи принимаетъ. Только настоящихъ преступниковъ мало... На каторгѣ, говорятъ, всѣ звѣри. По моему же—большая часть дураковъ. Ссылаютъ ихъ только за глупости. Какой-же каторжникъ изъ мужика, который всю жизнь голодомъ сидитъ и съ голоду-то убиваетъ, а убьетъ, получитъ три мѣдныхъ пятака и забираетъ старый кошелекъ для счастья или тянетъ въ домъ кусокъ подковы. Такихъ мужичковъ лучше бы розгами прогрѣть да на богомолье въ монастырь отдать, оттуда выйдетъ шелковый... Людямъ всѣ кажутся звѣрьми, вотъ и ссылаютъ къ намъ мужиковъ въ науку. Намъ же отъ нихъ мало толку: пока на глазахъ—на все готовъ, во всякое окно влѣзетъ, только поджилки выдадутъ; а отвернись отъ такого товарища—онъ кабуру у надзирателя цѣлуетъ. У каждаго свое занятіе... Когда былъ я на Нерчинской каторгѣ, наши стали бѣгать. Начальникъ объявилъ, что послѣ всякаго побѣга каждаго пятаго въ камерѣ будетъ сѣчь. Всѣ знали, что онъ былъ хорошій печатникъ [1]). Какъ-то собираюсь я бѣжать и замѣчаю, что камера слѣдитъ за мной. Когда все было готово, только я подошелъ ночью къ трубѣ, какъ мои товарищи повскакивали на нарахъ. Знаю я хамскую натуру. Вынулъ ножъ и говорю: если не добѣгу до третьей пади, буду класть васъ поочереди. Всѣ сейчасъ же халатами закрылись... У насъ большая каторга отъ того, что суда настоящаго нѣтъ».

Въ приведенныхъ словахъ много горькой правды. Въ самомъ дѣлѣ, можно-ли назвать преступникомъ Гаврилу, выведеннаго въ лучшемъ произведеніи Ма-

[1]) Напечатать—значитъ высѣчь.

ксима Горькаго «Челкашъ». Въ жизни Гаврилы не было ни одного солнечнаго дня, когда могла бы проглянуть его нравственная природа. Въ прошломъ — нестерпимый гнетъ нищеты, въ будущемъ — тоже. Между тѣмъ въ душѣ копошатся и постоянно грызуть мысли о хозяйствѣ, хорошо налаженномъ, о здоровой *трудовой* жизни, о посѣвѣ съ жатвой и плодами. Въ этомъ человѣкѣ напряженіе хозяйственности незамѣтно переходитъ въ преступное побужденіе. Это уродство домовитости, это самоубійственное отчаяніе насквозь съѣденнаго землею пахаря понялъ *бывшій* пахарь Челкашъ и пощадилъ. Такихъ Гаврилъ въ каторгѣ не мало, отъ нихъ только не слѣдуетъ отворачиваться.

Намъ бросился въ глаза какъ-то одинъ очень симпатичный поселенецъ селенія Рыковскаго. Отъ него мы узнали тяжелую драму жизни двухъ семействъ. Онъ происходилъ изъ крестьянъ Полтавской губерніи; на семейномъ надѣлѣ, черезъ который, по его выраженію, переплюнуть можно было, жили три брата; у каждаго была семья. До сихъ поръ онъ не можетъ отдать себѣ отчета, былъ-ли онъ крѣпостной или свободный: изъ года въ годъ, помимо собственнаго желанія, словно подталкиваемый какой-то посторонней силой, онъ работалъ на экономію. Какъ-то кумъ сообщилъ, что помѣщица «Марья Николаевна» получила отъ арендатора много денегъ. Кумъ былъ такой же горемычный батракъ. У обоихъ сразу явилась мысль: «можно было бы хорошо разжиться, если бы у помѣщицы забрать деньги». О послѣдствіяхъ не думали, такъ какъ будущаго внѣ собственнаго цвѣтущаго хозяйства въ то время для нихъ не было. Ночью они постучались къ Марьѣ Николаевнѣ, она не впустила. *Поневолѣ*, замѣтилъ здѣсь разсказчикъ, сдѣлали взломъ. Выломали двери, вошли и увидѣли: помѣщица въ обморокѣ. Тутъ спѣшка, опять характерно замѣтилъ онъ, а барыня безъ памяти. Потрусили помѣщицу, привели ее въ чувство; едва прійдя въ себя, она безъ запирательства отдала всѣ деньги, но разбойникамъ жаль стало оставить жертву безъ денегъ, и они ей «выбросили» двад-

цатипятирублевую бумажку... На судѣ, увѣрялъ насъ разсказчикъ, помѣщица просила не наказывать преступниковъ да судъ не помиловалъ. *Такихъ* преступниковъ на Сахалинѣ не мало: изъ нихъ именно выходятъ упорные сахалинскіе земледѣльцы, изъ нихъ же составляется сахалинская апатія, глубоко несчастная по своей личной опустошенности и полной зависимости отъ *настоящихъ* преступниковъ.

Всѣ эти жертвы узко понятаго хозяйственнаго разсчета имѣютъ право на «исправительное» наказаніе, потому что они могутъ исправиться. Что-же касается «настоящихъ» преступниковъ, то это калѣки, утратившіе всѣ внутреннія пружины трудовой жизни; ихъ исправить—тщетная затѣя. Можно и нужно исправлять тѣ условія жизни, въ которыхъ они вырабатываются, можно и нужно предотвращать ихъ зарожденіе и развитіе.

Замѣчательно, что настоящіе преступники, привыкшіе жить преступленіемъ, съ теченіемъ времени какъ-бы внутренно дряхлѣютъ, сами собою утрачиваютъ свои преступныя наклонности. Извѣстный разбойникъ Загуманскій, дважды бѣгавшій изъ каторги, передавалъ намъ, что онъ послѣ второго побѣга: «нитки чужой нигдѣ по пути не взялъ». Длинную дорогу на сѣверный Кавказъ—мѣсто родины и центръ преступныхъ подвиговъ—онъ совершилъ Христовымъ именемъ. На нашъ вопросъ: «что же, онъ раскаялся? Зачѣмъ раскаялся, отвѣтилъ Загуманскій, не раскаялся, а не надо мнѣ больше; раньше былъ молодъ—всего много требовалось, а теперь ничего не надо». Въ разсказѣ многихъ другихъ профессіональныхъ убійцъ слышалось тоже «не надо». Эта удивительная усталость, нервная измотанность весьма характерно выражается и въ исповѣди Широколобова, который также ни въ чемъ не раскаялся, но изъ человѣка-звѣря, наводившаго ужасъ на всю Сибирь и даже Сахалинъ, сдѣлался мирнымъ казеннымъ нахлѣбникомъ [1]).

---

[1]) Подобное изсяканіе преступной энергіи обнаружилось и въ убійцѣ Вайсеровичѣ, этомъ, по выраженію одного каторжнаго, особачившемся жидѣ.

Къ профессіональнымъ убійцамъ какъ бы примыкаютъ кавказскіе разбойники, но разница между тѣми и другими огромная. Объ обиходной честности послѣднихъ достаточно сказать, что служащіе на островѣ чиновники всегда стараются имѣть прислугу изъ горцевъ, такъ какъ имъ можно вполнѣ довѣриться. И понятно, разбои на Кавказѣ — явленіе исключительное по своей сложности.

Около полустолѣтія тому назадъ Кавказъ былъ присоединенъ къ русской территоріи. Возникли города, появились станицы и селенія. Лучшія земли отошли къ русскимъ. Земли не только отошли подъ городскія и сельскія поселенія, но и раздавались вмѣсто пенсій и въ качествѣ особыхъ наградъ. Политика «стѣсненія» горцевъ привела къ блестящему концу военныя дѣйствія, поставивъ для мирнаго времени неразрѣшимыя задачи. Туземцы, замкнутые въ ущельяхъ и на небольшихъ долинахъ, лишенные матеріальныхъ средствъ и знаній, необходимыхъ для перехода къ новымъ формамъ экономической жизни, стали себя обнаруживать разбойными вылазками. Послѣдовавшія за этимъ мѣропріятія, какъ повальное разоруженіе, стѣсненія отлучекъ изъ ауловъ, наложеніе денежныхъ взысканій на цѣлыя общества въ видѣ «виры» за разбой — только усилили дѣйствіе основныхъ причинъ. Если прибавить къ безпримѣрной экономической неурядицѣ

На Сахалинѣ Вайсеровичъ обратился въ типичнаго еврея-ремесленника трезваго, аккуратнаго и по-своему добросовѣстнаго. Въ селеніи Рыковскомъ онъ занималъ чистенькую, уютную квартирку, вернувшись къ своему прежнему занятію мужского портного. Онъ не раскаялся и о прошломъ разсказывалъ съ удовольствіемъ, почти съ гордостью. Жестокость въ убійствахъ (имъ, между прочимъ, было вырѣзано подъ г. Благовѣщенскомъ китайское семейство въ 9 душъ) онъ объясняетъ *привычкой*, а побужденіе къ преступленію видитъ въ праздности и алкоголизмѣ. Этотъ Вайсеровичъ свой жизненный путь проложилъ широкой кровавой лентой черезъ всю Россію и Сибирь, начиная съ западныхъ губерній. Его автобіографія, которую онъ самъ считалъ „чрезвычайно интересной исторіей", къ сожалѣнію, осталась нами не дописанной вслѣдствіе его смерти, послѣдовавшей вскорѣ за переводомъ въ Онорскую тюрьму, куда онъ попалъ по проискамъ гнуснѣйшаго каторжника Потѣхина, работающаго въ качествѣ доносчика на оба лагеря — и администраціи и каторги.

и культурной заброшенности туземнаго Кавказа еще темпераментъ и нѣкоторыя бытовыя особенности населенія, то вотъ вся почва, питающая разбои. Тѣ изъ кавказскихъ разбойниковъ, которымъ удается избѣжать петли, пополняютъ сахалинскія тюрьмы, гдѣ они представляютъ тяжелую картину медленнаго угасанія.

Кромѣ указанныхъ группъ, среди невольныхъ насельщиковъ острова есть еще преступники по аффекту, осужденные за воинскія преступленія и т. д. по степени понижающагося напряженія злой воли до сосланныхъ за религіозныя преступленія включительно. Все это безъ разбору свалено въ одну кучу: здоровые и больные, трупы и умирающіе. Здѣсь нѣтъ санитаровъ, которые заботливо подбирали-бы слабосильныхъ отстающихъ отъ общаго человѣческаго совершенствованія.

Сахалинъ—это для всѣхъ одна, братская могила. Кто сколько-нибудь можетъ, тотъ дѣлаетъ отчаянныя усилія, судорожно цѣпляясь за жизнь. Безвыходность и озлобленіе поддерживаютъ эти судороги, и менѣе порочные смѣшиваются съ болѣе испорченными, словно никто не хочетъ быть болѣе наказаннымъ, чѣмъ другой. Примѣръ безнаказанности долгосрочныхъ и безсрочныхъ давитъ на сознаніе остальныхъ, поддерживаетъ въ нихъ навязчивую мысль о томъ, что хотя сколько-нибудь скрасить жизнь возможно только преступленіемъ... Вотъ почему такъ многочисленны убійства за кринку молока, пайку хлѣба, фунтъ сахару, за гривенникъ.

Сахалинъ—это какая-то ужасная биржа, гдѣ всѣ играютъ и у каждаго на ставкѣ все до жизни включительно. Гдѣ за гривенникъ нанимается убійца и продается малолѣтняя дѣвочка.

Въ концѣ 1901 г. въ Рыковской тюремной больницѣ умеръ одинъ чахоточный арестантъ. Мы говоримъ о немъ, потому что онъ умеръ какъ-то особенно, хотя и по-сахалински; въ его крѣпко стиснутой рукѣ нашли нѣсколько копѣекъ, которыя онъ собралъ, продавая молоко и яйцы—свою единственную предсмертную пищу. Онъ отказывалъ себѣ въ пищѣ ради денегъ; изъ-за нихъ онъ не побоялся смерти, потому

что безъ нихъ нѣтъ жизни... Въ погонѣ за деньгами не щадя ни своей, ни чужой жизни, онъ умеръ на больничной койкѣ и ничего не унесъ съ собою въ другой міръ. Больше того, въ послѣдній день своего пребыванія на землѣ, онъ самъ сдѣлался жертвой человѣческаго хищничества: его положили въ гробъ безъ подушки, безъ туфель, безъ покрывала. Все это полагается при погребеніи и выводится въ расходъ по книгамъ, но идетъ на потребу живущимъ. Быть можетъ цѣлые годы обдирались больничные трупы и, если бы не вступился за «новопредставленныхъ» мѣстный священникъ, такъ было-бы и дальше.

Зараза хищничества немилосердно коситъ свои жертвы среди ссыльнаго населенія и перебрасывается въ среду служащихъ. Достаточно вспомнить, отмѣченныя г. Саломономъ явленія, какъ отсутствіе отчетности въ экономіи отъ припека (до 6000 пуд. въ годъ), раскроя обмундированія, работъ въ мастерскихъ и т. д. [1]). Впрочемъ, на Сахалинѣ экономія въ тюремномъ хозяйствѣ открыто признается собственностью начальства всѣми рѣшительно, не исключая чиновъ мѣстнаго фактическаго контроля.

Служебныя преступленія съ корыстной цѣлью здѣсь поражаютъ обиліемъ и постоянствомъ, причемъ въ качествѣ обвиняемыхъ фигурируютъ не только начальники тюремъ, но высшіе чины, какъ начальникъ округа и правитель канцеляріи губернатора [2]).

---

[1]) „Тюремный Вѣстникъ“ 1901 г. № 1 стр. 32—24 и слѣд.

[2]) Обиліе должностныхъ преступленій на Сахалинѣ, кромѣ общихъ обстоятельствъ, которыя въ послѣднее время обратили на себя вниманіе въ связи съ процессомъ б. кронштадтскаго полиціймейстера г. Шафрова, находится въ зависимости отъ многихъ мѣстныхъ условій, въ силу которыхъ преданіе суду стало дѣломъ личной мести, личной расправы. За послѣдніе пять—шесть лѣтъ особенно возрасло количество возбужденныхъ противъ должностныхъ лицъ преслѣдованій. Рядомъ съ этимъ, со стороны «обвинительной камеры“ острова можно слышать успокоительныя увѣренія, что тотъ или другой администраторъ ежегодно извлекаетъ изъ тюремнаго хозяйства не 10.000 рублей, а двѣ-три тысячи, или наблюдать еще болѣе странные случаи, что чиновникъ, преданный суду по обвиненію въ цѣломъ рядѣ преступленій противъ тюремнаго имущества, назначается завѣдывающимъ дѣлами Экономическаго фонда. Не знаемъ, что это - необдуманная-ли премія

Нѣдра, богатыя углемъ, воды изобилующія рыбой, цѣнныя лѣса, словомъ, все на Сахалинѣ пропитано заразой преступленія. Все вопитъ объ оздоровленіи. И чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше!

ГЛАВА VI.

Заключеніе г. Саломона о Сахалинѣ и неотложеность реформъ; Коммиссія 1892 г. и взглядъ ея на причины бѣгства ссыльныхъ съ острова; юрисдикція мѣстнаго начальства въ отношеніи сс.-поселенцевъ, ея законныя границы и дѣйствительныя очертанія; характеръ юрисдикціи на островѣ и материкѣ Сибири; обезпеченіе населенію безопасности, прекращеніе ссылки на островъ и упраздненіе „естественной" тюрьмы. Существующая общественная организація; крестьянское самоуправленіе, волостной судъ и полицейская служба; характеръ будущей организаціи самоуправленія; колонизація, доводы за и противъ; инородческій вопросъ; пожизненное праволишеніе и реабилитація; поселенческій вопросъ въ законодательствѣ и жизни.

Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ сахалинской дѣйствительности б. начальникъ Главнаго Тюремнаго Управленія г. Саломонъ сказалъ обращаясь съ прощальной рѣчью къ администраціи острова: «Дѣло колонизаціи острова далеко не соотвѣтствуетъ намѣреніямъ и предначертаніямъ Центральнаго Управленія. За красивою декораціей крупныхъ и на первый взглядъ упрочившихся поселеній скрывается и неустройство и нужда, а уныло стоящіе на безплодной тундрѣ полусгнившіе срубы Далдагана свидѣтельствуютъ о безполезно загубленныхъ силахъ и даромъ истраченныхъ средствахъ на колонизаціонные опыты, которые по самому существу своему были заранѣе обречены на вѣрный неуспѣхъ» [1].

Сильная и вѣрная характеристика! Нужно пожалѣть только, что *такіе* колонизаціонные опыты могли продолжаться въ теченіе двадцати лѣтъ, не находя себѣ строгаго, но справедливаго судьи. Нѣтъ больше деко-

---

за многосемейность, или гнѣвъ, положенный на милость, или просто пренебреженіе къ закону и отсутствіе самоуваженія?

[1]) „Тюремный Вѣстникъ" 1899 г. № 1, стр. 2.

рацій, нѣтъ дорого стоющей поддѣлки жалкой жизни! Кончена политика «насъ возвышающихъ обмановъ», но что же дальше? «Для меня несомнѣнно, замѣтилъ г. Саломонъ, что не можетъ быть заброшено дѣло, на которое съ 1879 года истрачено свыше 20.000.000 руб.». Само собою разумѣется, затраты настолько огромны, что нужно хотя бы чѣмъ-нибудь и сколько-нибудь ихъ оправдать.

Островъ долженъ быть реформированъ неотложно тѣмъ болѣе, что съ нимъ связана судьба многихъ сотенъ тысячъ населенія материковаго и нѣсколькихъ десятковъ тысячъ человѣкъ сахалинскаго населенія. Всегда тяжело жилось послѣднему, но съ каждымъ годомъ становится еще тяжелѣе. Несмотря на явно отрицательное отношеніе Главн. Тюремн. Управленія къ прежней колонизаціонной политикѣ, ежегодно, весною и осенью пароходы Добровольнаго флота привозятъ новые кадры насельщиковъ. Куда ихъ дѣть, когда тюрмы тѣсны и ветхи, когда для новыхъ поселеній нѣтъ мѣста, а число старыхъ сокращается вслѣдствіе непригодности ихъ для земледѣлія? Населеніе поневолѣ скучивается, пашни же обезцѣниваются вслѣдствіе общаго запустѣнія.

Въ теченіе послѣднихъ пяти-шести лѣтъ на Сахалинѣ все приходитъ въ упадокъ: мосты, дороги, зданія; до крайняго минимума доведено также казенное пособіе населенію кормовымъ и денежнымъ довольствіемъ. Администрація бездѣйствуетъ, будто бы съ часу на часъ ждетъ приказа оставить островъ. Конечно, хорошо тому, кто можетъ сняться съ острова, выслуживъ пенсію, получивъ всѣ чины и отличія, скопивъ деньги, но слѣдуетъ вдуматься въ положеніе тѣхъ, кто осужденъ долгіе годы влачить здѣсь жизнь, полную лишеній и опасностей. Эта несчастная доля заслуживаетъ вниманія.

Коммиссія, о которой мы говорили въ началѣ нашего очерка, должна изыскать планъ будущихъ преобразованій; на ея обязанности лежитъ разрѣшеніе тяжелой задачи направить жизнь на Сахалинѣ такъ, чтобы колоссальный капиталъ, затраченный на оживленіе острова,

сталъ давать хотя бы маленькіе проценты. Мы полагаемъ, что доминирующее значеніе въ этомъ отношеніи принадлежитъ вопросу объ основаніяхъ общественно-административнаго устройства, въ зависимости отъ котораго многіе другіе вопросы разрѣшатся сами собою, утратятъ современную сложность, потеряютъ характеръ «основныхъ».

Еще памятенъ извѣстный всеподданнѣйшій докладъ г. министра финансовъ, въ которомъ онъ отмѣтилъ, «что законодательство о крестьянахъ, разроставшееся безъ достаточнаго соотвѣтствія потребностямъ населенія въ правопорядкѣ, привело къ неопредѣленности имущественныхъ и общественныхъ отношеній крестьянъ, порождающей многообразныя затрудненія въ самомъ распорядкѣ веденія личнаго хозяйства, въ наиболѣе выгодномъ распоряженіи силами и средствами и въ накопленіи послѣднихъ». Если опредѣленность правопорядка въ области крестьянской жизни была признана столь существеннымъ условіемъ благосостоянія свободнаго населенія, что многія неурядицы народно-хозяйственной жизни были объяснены именно съ этой точки зрѣнія, то тѣмъ болѣе понятна необходимость правопорядка и закономѣрности въ жизни ссыльнаго населенія острова Сахалина, составляющагося изъ различныхъ категорій по степени ограниченія правъ состоянія, какъ-то: каторжные, временно-заводскіе, поселенцы, ссыльно-крестьяне. Отъ характера внутренней организаціи населенія зависятъ, и порядокъ землевладѣнія, и способы отбыванія повинностей, и постановка просвѣщенія и пр. Словомъ, въ обширномъ планѣ мѣстныхъ преобразованій краеугольнымъ камнемъ должно быть общественное устройство. Оно и на Сахалинѣ должно быть «превыше всѣхъ задачъ».

Еще въ 1892 г. въ Петербургѣ засѣдала коммиссія для выработки мѣропріятій для болѣе прочнаго заселенія острова отбывшими сроки наказанія преступниками. Коммиссія эта констатировала, что среди населенія острова не замѣчается никакой склонности оставаться на немъ на постоянное жительство. Причиной этого явленія коммиссія признала установившійся среди

населенія взглядъ на островъ, «какъ на тюрьму съ болѣе или менѣе долгими сроками пребыванія, изъ которой всякій старается выйти возможно скорѣе и потому отнюдь не простираетъ своихъ расчетовъ долѣе десяти лѣтъ, т. е. высшаго срока пребыванія въ разрядѣ поселенцевъ, въ большинствѣ же ограничиваетъ ихъ только льготными шестью годами, располагая сообразно съ этимъ и все свое сельско-хозяйственное устройство» [1]). Подобный взглядъ существуетъ, но не онъ причина поголовнаго выселенія на материкъ отбывшихъ срокъ поселенчества ссыльныхъ. Дѣйствительную причину нужно искать въ неустройствѣ сельскихъ обществъ и общественнаго управленія, безъ которыхъ, какъ справедливо замѣтила коммиссія, «крестьяне непріятно ощущаютъ постоянную зависимость отъ требованій дисциплины, напоминающихъ имъ недавнюю каторгу».

Очевидно, сельское населеніе не можетъ смотрѣть на Сахалинъ иначе, какъ на каторгу, если даже начальство усвоило себѣ взглядъ на островъ, какъ одну естественную тюрьму. Къ сожалѣнію это не риторическая фигура сравненія, а реальная дѣйствительность со всей тяжестью тюремныхъ распорядковъ. Въ самомъ дѣлѣ, каторжные не содержатся въ тюремныхъ помѣщеніяхъ, а распредѣляются среди населенія, окончившаго сроки наказанія; каторжные зависятъ отъ тюремнаго начальства, отъ него же зависитъ и все остальное населеніе, такъ какъ общей полиціи на островѣ нѣтъ. Отношенія власти къ населенію регулируются устарѣлымъ дореформеннымъ Уставомъ о ссыльныхъ и все подчеркиваетъ безправность населенія, его печальное прошлое. Между тѣмъ какъ на материкѣ сахалинцы чувствуютъ себя на общихъ *правахъ* съ другими. Клейма на бывшемъ каторжникѣ нѣтъ, и, пока не приходится показывать билета, сознаніе безправія, пожизненной гражданской искалѣченности ничѣмъ не обостряется. Сахалинцы пьянѣютъ на материкѣ отъ одной *внѣшней* равноправности. И это понятно! Кромѣ того, на ма-

[1]) Предложеніе Военнаго Губернатора о. Сахалина 14 октября 1895 г. № 8809, стр. 1.

терикъ привлекаютъ заработокъ и надежда сберечь пріобрѣтенное, тогда какъ на островѣ ни заработка, ни безопасности не существуетъ.

Коснувшись печальной зависимости населенія острова отъ мѣстной тюремной администраціи, мы должны остановиться на нѣкоторыхъ подробностяхъ вопроса. Извѣстно, что въ отношеніи подсудности сс.-поселенцы занимаютъ особое положеніе. За маловажные преступленія и проступки ссыльно-поселенцы могутъ быть подвергаемы, по *усмотрѣнію мѣстныхъ начальствъ*, одному изъ слѣдующихъ наказаній: 1) наказанію розгами не свыше ста ударовъ; 2) заключенію подъ стражу или употребленію въ городскую или сельскую общественную работу на срокъ не долѣе мѣсяца, и 3) отдачѣ въ работу на заводъ или въ исправительное арестантское отдѣленіе на время до одного года (ст. 441 Уст. о ссыльн.) [1]). Мѣстнымъ начальствомъ считаются: волостныя правленія, становые пристава или смотрители—въ селеніяхъ и участковые пристава—въ городахъ (ст. 471 ibid.). Вотъ это-то начальство можетъ подвергнуть сс.-поселенца наказанію розгами до 30 ударовъ и заключенію подъ стражу или отдачѣ на общественныя работы на время до семи дней. Тѣже наказанія, но свыше указанныхъ размѣровъ, назначаются съ разрѣшенія городской или окружной полиціи; для отдачи поселенца на заводъ, или въ исправительное арестантское отдѣленіе требуется распоряженію мѣстнаго губернатора.

Карательный арсеналъ, открытый мѣстному начальству приведенными узаконеніями, на практикѣ много проигрываетъ въ своемъ разнообразіи.

Прежде всего нужно замѣтить, что волостныя правленія не воспользовались предоставленными имъ правами юрисдикціи въ отношеніи поселенцевъ, развитію которой не могло быть мѣста рядомъ съ властной фигурой земскаго засѣдателя. Мы стояли близко къ дѣламъ нѣсколькихъ десятковъ волостныхъ прав-

---

[1]) Объ измѣненіяхъ, произведенныхъ въ ст. 441 Уст. о ссыльн. закономъ 2 іюня 1903 г., сказано, ниже.

ленiй на востокѣ и западѣ Сибири и не только нигдѣ не встрѣчали случаевъ законной расправы этихъ учрежденiй съ поселенцами, но наоборотъ обнаружили нѣсколько приговоровъ съ ассигнованiемъ различныхъ суммъ «на угощенiе жуликовъ». Сибирскiй крестьянинъ по необходимости приспособлялся къ совмѣстной жизни съ поселенцами, и, поступаясь законными правами, выработывалъ свой особый modus vivendi, который иногда защищалъ съ оружiемъ въ рукахъ.

На почвѣ закона съ поселенцами боролась только администрацiя, но и эта послѣдняя никогда не могла проявить всѣхъ своихъ законныхъ полномочiй. Такъ, ей предоставлено право отдачи поселенцевъ на заводъ, но нигдѣ въ Сибири нѣтъ казенныхъ заводовъ, а, если въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и ведутся казенныя разработки минеральныхъ залежей при помощи принудительнаго труда, то это область каторжныхъ работъ, весьма плохо поставленныхъ и далеко не использующихъ наличныхъ рабочихъ силъ. Администрацiя имѣетъ право отдать поселенца въ исправительное арестантское отдѣленiе, но для осуществленiя этого права пришлось-бы посылать поселенца за тысячи верстъ. Еще болѣе неосуществимо назначенiе поселенцевъ на общественныя работы. Всѣмъ извѣстно слабое развитiе въ Сибири городской жизни, что, конечно, не можетъ представлять благопрiятныхъ условiй для рабочаго рынка. Въ селенiяхъ въ этомъ отношенiи не лучше. До послѣдняго времени поселенцы нанимались къ сибирскимъ крестьянамъ «изъза хлѣба», переселенцы получали на молотьбѣ по пятаку съ овина.

Опытъ показалъ, что приблудный скотъ не доставляетъ администрацiи большихъ хлопотъ, такъ какъ всегда находятся желающiе взять его на содержанiе. Совсѣмъ другое дѣло — праздношатающiеся поселенцы: ихъ пристроить къ какимъ-нибудь общественнымъ работамъ почти немыслимо. Развѣ прiискать какiя-либо спецiальныя работы? Это совершенно иной вопросъ, но доступно-ли администрацiи его разрѣшенiе?

Такъ называемыя общественныя работы обыкновенно возникаютъ у насъ во время народныхъ голодовокъ. Не рѣдки эти случаи, но до сихъ поръ еще не выяснены самыя необходимыя стороны дѣла. Планы работъ составляются наскоро, выполняются кое-какъ, а по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ все забрасывается, несмотря ни на какое состояніе начатыхъ работъ, будущее значеніе ихъ для данной мѣстности, наконецъ, затраты. Стоитъ только окинуть бѣглымъ взглядомъ наши дороги, рѣки, поля и лѣса, чтобы понять, что въ природу нами ничего не вложено, что ограбленная земля настойчиво взываетъ къ производительному труду. Этотъ вопль кормилицы-природы становится для насъ понятенъ въ тяжелые годы неурожаевъ... И тѣмъ не менѣе, когда народное бѣдствіе передъ глазами, когда при чрезвычайномъ напряженіи правительства и общества собираются особыя средства, всѣ организаціи общественныхъ работъ въ сущности сводятся къ прокормленію голодающихъ. Что же удивительнаго, что мѣстное начальство, при обычныхъ условіяхъ, не умѣетъ найти примѣненія *принудительному* труду провинившихся поселенцевъ?

Изысканіе работъ требуетъ серьезнаго вниманія къ запросамъ окружающей жизни, иногда нѣкоторыхъ расходовъ на инструменты, надзоръ и т. д. Вотъ почему принудительныя общественныя работы почти не практикуются ни волостными судами, ни сельскими обществами въ отношеніи недоимщиковъ. Сельское общество находитъ болѣе выгоднымъ отобрать у недоимщика надѣлъ, или продать его движимость. Администрація предпочитаетъ посадить поселенца въ тюрьму, или выслать его на мѣсто причисленія. Высылка широко практикуется на всемъ пространствѣ Сибири и вызвала у поселенцевъ особый промыселъ, заключающійся въ добываніи казенной одежды, что удается нѣкоторымъ нѣсколько разъ въ теченіе зимы.

Въ распоряженіи администраціи имѣются еще розги, но при всей грубости сибирскихъ нравовъ розга не привилась, иначе пришлось-бы встрѣтить большія затрудненія при исполненіи приговора. Сибирская деревня

все же не тюрьма, и найти въ ней палача не такъ-то легко, да наконецъ полицейскіе засѣдатели—не тюремные начальники.

Было-бы излишнимъ доказывать, что при огромныхъ сибирскихъ разстояніяхъ и большихъ засѣдательскихъ участкахъ, сколько-нибудь порядочный поселенецъ могъ никогда не броситься въ глаза начальству и ничѣмъ не навлечь на себя ни милостей его, ни гнѣва.

Какую безграничную власть имѣетъ полиція надъ поселенцемъ, можно судить потому, что всѣ вышеуказанныя наказанія администрація имѣетъ право назначать за маловажные проступки, къ которымъ относятся, между прочимъ, «нетрезвое и буйное поведеніе, лѣность къ работѣ или нерадѣніе къ домообзаводству, своевольство и другія подобныя симъ нарушенія установленнаго порядка и благочинія» (ст. 440 Уст. о ссыльн.).

«Нетрезвое и буйное поведеніе» - это неизмѣнная привиллегія всѣхъ имѣющихъ средства вступить въ сношенія съ казенной винной лавкой. Сельскія власти, ближе всего стоящіе къ поселенцу, обыкновенно не принадлежатъ къ числу фанатиковъ трезвости и потому въ качествѣ начальства выступаютъ лишь въ случаяхъ какого-либо особеннаго буйства. Каталажка, холодная, темная и другія въ этомъ родѣ помѣщенія отрезвляютъ буйствующихъ. Проспавшійся въ общественномъ изоляторѣ выпускается на свободу безъ дальнѣйшихъ наказаній, получая возможность или вернуться къ мирнымъ занятіямъ, или снова попасть въ холодную.

«Лѣность къ работѣ или нерадѣніе къ домообзаводству» вмѣняются въ вину поселенцамъ, какъ проступки, по недоразумѣнію. Эти требованія закона не больше, какъ обломки отъ той регламентаціи быта ссыльныхъ, когда администрація несла дѣйствительныя заботы по ихъ водворенію на мѣстахъ ссылки.

Обязанность полиціи наблюдать за хозяйственностью поселенцевъ или искоренять ихъ «лѣность къ работѣ и нерадѣніе къ домообзаводству» имѣетъ въ настоящее

время такое же реальное значеніе, какъ, положимъ, возлагаемое на нее «попеченіе, чтобы молодые и младшіе почитали старшихъ и старыхъ, чтобы дѣти повиновались родителямъ, а слуги своимъ господамъ и хозяевамъ» (ст. 122. Уст. о пред. и прес. прест.) Только на Сахалинѣ эта падалица старыхъ законовъ проросла и дала пышный плодъ...

На материкѣ Сибири по различнымъ причинамъ жизнь смягчила въ отношеніи ссыльно-поселенцевъ карательную власть «мѣстнаго начальства». Къ сожалѣнію, иначе сложились отношенія на островѣ, гдѣ въ распоряженіи начальства и тюрьма, и казенныя работы, и палачъ съ кобылкой.

Отбывая каторжныя работы, ссыльный находится долгіе годы подъ командой начальника тюрьмы. Выходя въ поселенцы онъ переходитъ въ вѣдѣніе той же тюремной администраціи. При малочисленномъ населеніи, вполнѣ зависимомъ отъ администраціи, на которую возложена *спеціальная* задача по устройству быта ссыльныхъ, между населеніемъ и мѣстнымъ начальствомъ устанавливается неизбѣжная близость, негодная для обѣихъ сторонъ. Населеніе постоянно чувствуетъ на себѣ начальническій глазъ. Съ другой стороны, администрація считаетъ нужнымъ проявлять свою дискреціонную власть, чтобы тѣмъ самымъ снять съ себя возможность обвиненія высшимъ начальствомъ въ служебной бездѣятельности. Не трудно представить себѣ до какихъ предѣловъ можетъ довести начальство свое «усмотрѣніе».

Дискреціонныя полномочія административныхъ органовъ вообще не отличаются правомѣрностью. Въ этомъ отношеніи первое мѣсто принадлежитъ представителямъ близкой къ народу попечительной власти. Относящіеся сюда факты поражаютъ своею чудовищностью, между тѣмъ и земскіе и крестьянскіе начальники дѣйствуютъ среди свободнаго, полноправнаго населенія. Нисколько неудивительно, что лишенные правъ сахалинцы подвергаются еще худшимъ проявленіямъ «усмотрѣнія» ближайшаго начальства.

Совершенно опустившіеся, безнадежные поселенцы,

называемые на Сахалинѣ ашатіей, почти не чувствуютъ гнета тюремной администраціи. Имъ даже выгодно иногда отрезвиться на казенныхъ хлѣбахъ [1]). Нужно только сказать за этихъ несчастныхъ, что произволъ начальства для нихъ плохая школа.

Болѣе серьезнаго вниманія заслуживаетъ тяжелая участь многочисленной группы поселенцевъ изъ случайныхъ преступниковъ. Эта именно группа представляетъ прочный колонизаціонный элементъ, она же даетъ наибольшій процентъ выселяющихся на материкъ. Бѣгство съ острова объясняется гнетомъ административнаго усмотрѣнія.

Въ народной массѣ, какъ извѣстно, чувство личной неприкосновенности развито чрезвычайно слабо. Картины самаго крайняго физическаго насилія надъ личностью составляютъ обычный русскій пейзажъ. Мы припоминаемъ извѣстный разсказъ о томъ, какъ «великому писателю земли русской», полицейскій, тащившій за волосы мужчину, въ подтвержденіе своей правоты, указалъ на полицейскій уставъ. Понятно, почему народъ зоветъ полицейскій участокъ «теркой». Провинціальная и столичная хроника регистрируетъ многочисленные процессы, въ которыхъ нисшіе полицейскіе чины и дворники фигурируютъ въ качествѣ обвиняемыхъ въ нанесеніи обывателямъ то тяжкихъ, то смертельныхъ побоевъ. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ взаимодѣйствіемъ народной массы и блюстителей порядка. Это взаимодѣйствіе характерно для грубаго физическаго смысла отечественнаго Habeas Corpus. Остался живъ, не обратился «въ мѣшокъ съ костями»—и слава Богу! Конечно, воспитавшіеся въ этой атмосферѣ насилія не могутъ обнаруживать особенной чувствительности къ вразумительнымъ подзатыльникамъ. И не въ нихъ совсѣмъ дѣло.

Среди сахалинскихъ поселенцевъ, перебирающихся на материкъ, намъ приходилось слышать, что многіе изъ нихъ начали себя помнить послѣ первой затрещины,

[1]) На Сахалинѣ извѣстны случаи совершенія ашатіей убійствъ съ цѣлью попасть на паекъ въ тюрьму. Каковъ же должна быть свобода?

что ихъ били съ самаго ранняго возраста родители, большаки, товарищи, присяжные листы (сельскія власти), и все это не въ счетъ. Безъ побоевъ, говорятъ, въ нашемъ быту невозможно. За этимъ, прибавляютъ, мы не гонимся. Только нестерпимо тяжело этимъ обтерпѣвшимся людямъ въ такомъ положеніи, когда *во всякое* время и *по закону* могутъ выпороть, вырвать изъ семьи и поставить на работы. А въ такомъ положеніи находятся всѣ поселенцы.

Жить подъ дамокловымъ мечемъ расправы становится не по силамъ и всѣ, кто только можетъ, стремятся на материкъ. Желаніе навсегда раздѣлаться съ островомъ достигаетъ такого напряженія, что первую заботу на материкѣ составляетъ приписка къ какому-либо сельскому обществу. Съ большими усиліями нажитые гроши идутъ не на устройство осѣдлости въ новыхъ мѣстахъ, а на плату за пріемный приговоръ.

Причисленіе къ материковому обществу для сахалинца своего рода выходъ изъ Египта. Только съ этого времени окончательно разрывается связь съ островомъ. Къ сожалѣнію, ближайшія сельскія общества съ каждымъ годомъ усиливаютъ свою требовательность къ причисляющимся. Приписная плата ростетъ и вскорѣ очень немногіе изъ поселенцевъ будутъ въ состояніи заплатить такія несообразно крупныя суммы. Въ одномъ направленіи съ сельскими обществами дѣйствуетъ полиція. Вслѣдствіе частыхъ и дѣйствительно звѣрскихъ преступленій, къ которымъ рѣдко не причастны сахалинцы, на материкѣ сложился такой порядокъ, что пьяный и не имѣющій постоянной работы сахалинецъ забирается полиціей и препровождается на островъ. Эти высылки очень широко практикуются и притомъ безъ всякой разборчивости. Массами сахалинцы возвращаются на островъ безъ объясненія причинъ и какихъ-либо документовъ, такъ что имъ приходится иногда нѣсколько мѣсяцевъ провести въ мѣстныхъ тюрьмахъ, пока наконецъ изъ переписки выяснится, что высланные въ преступленіяхъ не обвиняются.

Нельзя еще не упомянуть о деликатныхъ мѣрахъ

принужденія, которыя въ последнее время примѣняются къ поселенцамъ, просвѣщенными начальниками. Такъ, поселенецъ ходатайствуетъ о выдачѣ паспорта, ему не отказываютъ, но предлагаютъ внести опредѣленную сумму на устройство ночлежнаго дома, задуманнаго въ честь Гоголя; поселенецъ хлопочетъ о документѣ на открытіе мелочной лавочки, ему предлагаютъ сдѣлать извѣстный вкладъ на библіотеку, которая со временемъ должна открыться; поселенецъ проситъ о принятіи отъ него въ казну соленой рыбы, просьба удовлетворяется, но подъ условіемъ пожертвованія на пріютъ и т. д. Ремонтъ различныхъ тюремныхъ зданій также требуетъ иногда пожертвованій со стороны поселенцевъ въ формѣ поставки бревенъ. И въ этихъ случаяхъ упорствующихъ нѣтъ, потому что съ безграничностью «усмотрѣнія» начальства населеніе хорошо ознакомлено.

Безправность сахалинскаго населенія, подрывающая въ корнѣ его благосостояніе, между прочимъ, сказывается и въ неопредѣленности практики по вопросу о выходѣ ссыльныхъ на материкъ для заработковъ. Не проходитъ года, чтобы не выдумали какихъ-либо новыхъ ограниченій въ этомъ направленіи [1]). Понятно, собравшіеся на материкъ вслѣдствіе отсутствія мѣстныхъ заработковъ и задержанные на островѣ, очень часто лишаются возможности какъ-нибудь использовать свои силы на мѣстѣ и невольно наполняютъ тюрьмы.

Болѣе десяти лѣтъ вопросъ объ организаціи быта сельскихъ обывателей на Сахалинѣ остается открытымъ. Въ канцеляріи губернатора острова сосредоточены проекты этой организаціи, составленные начальниками округовъ еще въ 1895 г., но жизнь попрежнему не организована, хотя, кажется, неодолимыхъ къ тому препятствій нѣтъ. Конечно, Общее Положеніе о крестьянахъ къ сахалинскому населенію непримѣнимо, и притомъ по различнымъ причинамъ. Но прежде,

[1]) Въ нынѣшнемъ году приказомъ генералъ-губернатора снова воспрещенъ ссыльнымъ выходъ на материкъ для заработковъ.

чѣмъ остановиться на обсужденіи послѣднихъ, мы должны коснуться вопроса о безопасности.

Когда нѣтъ увѣренности въ завтрашнемъ днѣ, когда каждую минуту дня и ночи приходится дрожать за собственную жизнь, явно, что слабѣютъ тогда всѣ импульсы хозяйственной дѣятельности, и человѣкъ обращается въ зоологическое существо, ограниченное низшими функціями питанія, роста и размноженія. Опускаясь невольно ниже своего земного назначенія, нисходя за грань естественныхъ стремленій своей природы, человѣкъ превращается въ тотъ людской отстой, который страшнѣе звѣря, опаснѣе и отвратительнѣе всякаго животнаго. Сахалинская жизнь со всѣми ея чудовищными извращеніями представляетъ поучительную картину именно этого запредѣльнаго человѣческаго существованія. Итти дальше—некуда, необходимо поэтому назадъ, и по другой дорогѣ!

Первое условіе безопасности — это уничтоженіе *естественной* тюрьмы. Кто осужденъ на жизнь въ тюрьмѣ—пусть за палями ея и несетъ свой крестъ, но, кто изъ нея вышелъ, по праву да будетъ на свободѣ! Въ самомъ началѣ колонизаціи острова было возможно не смѣшивать отбывшихъ наказаніе съ отбывающими каторгу, тѣхъ и другихъ—съ полноправнымъ населеніемъ. На сосѣднемъ японскомъ островѣ Іессо (Хоккайдо) колонизація началась съ 1869 г. и сначала также посредствомъ организаціи каторжныхъ работъ, но каторжные, отбывшіе сроки наказанія, не оставлялись въ интересахъ свободныхъ колонизаторовъ на островѣ, несмотря на то, что по характеру своему японскіе каторжные не чета сахалинцамъ. Такъ, въ 1898 г., на Хоккайдо было 19,830 каторжныхъ и между ними убійцъ только 57 человѣкъ или 0,29%, тогда какъ между сахалинскими каторжными убійцы составляли 34,78% мужчинъ и 88,79% женщинъ.

Вслѣдствіе существующаго на Сахалинѣ размѣщенія ссыльныхъ совершенно отдѣлить каторгу отъ сельскаго населенія въ настоящее время немыслимо, но къ этому нужно стремиться. Съ этою цѣлью всѣ каторжные должны быть сосредоточены въ одной ка-

кой-либо части острова. Получившіе ранѣе право жительства въ посельяхъ и успѣвшіе обзавестись хозяйствомъ останутся на мѣстахъ, если того заслуживаютъ по своему поведенію. Дѣлаемъ послѣднюю оговорку въ виду того, что теперь въ каждомъ поселъѣ живутъ каторжные, промышляющіе хищническимъ винокуреніемъ, притоно-держательствомъ и т. д. Эти лица извѣстны администраціи и тѣмъ не менѣе остаются на мѣстахъ, находя себѣ формальную поддержку въ колонизаціонной системѣ.

За сосредоточеніемъ каторжныхъ въ одномъ районѣ должно послѣдовать введеніе строгаго тюремнаго режима. Мы не настаиваемъ на чемъ-то неосуществимомъ. Тюремный режимъ и изоляція вполнѣ возможны. Это доказывается, напримѣръ, тѣмъ, что въ г. Тобольскѣ каторжная тюрьма находится въ центрѣ города противъ каѳедральнаго собора, и многіе горожане, проживъ десятки лѣтъ въ городѣ, никогда не видѣли ни одного каторжнаго.

О введеніи на островѣ тюремнаго режима часто поднимается вопросъ и всѣ начинанія обыкновенно оканчиваются какими-то припадочными, нервными полумѣрами, скорѣе вредными, чѣмъ полезными. Указывалось, напримѣръ, что женщины не отбываютъ наказанія, и послѣдовало въ 1902 г. распоряженіе заключить каторжныхъ женщинъ подъ замокъ. Усилились побѣги, и было сдѣлано распоряженіе заковать всѣхъ испытуемыхъ въ кандалы и обрить имъ головы. Между тѣмъ *режимъ* остался прежній: кандальная тюрьма, попрежнему, вертепъ; испытуемые, попрежнему, бѣгутъ и бѣгутъ даже разоружая конвой. О женской тюрьмѣ нужно сказать, что съ ея открытіемъ прибавился лишній притонъ разврата, и, пожалуй, тюрьма, но только для несчастныхъ дѣтишекъ, находящихся при матеряхъ-преступницахъ.

Введеніе тюремнаго режима благотворно отразится на мѣстномъ населеніи, интересы котораго заслуживаютъ того, чтобы тюрьма поступилась хозяйственными работами, въ сущности не имѣющими никакой цѣнности. Съ упраздненіемъ «одной естественной

тюрьмы» населеніе вздохнетъ по-свободнѣе, не опасаясь новыхъ тюремныхъ выходцевъ.

Ссылка на отдаленный Сахалинъ для острова оказалась вредной, для казны не экономной. За тѣ доплаты за все рѣшительно, чтобы ни было связано съ передвигаемыми на островъ каторжными, можно было бы устроить каторжныя тюрьмы на материкѣ, и притомъ съ большей пользой для самихъ каторжныхъ и болѣе вѣрнымъ расчетомъ на ихъ изоляцію отъ окружающаго населенія.

Ежегодный притокъ въ селенья бездомныхъ поселенцевъ поддерживаетъ правовую пестроту среди обывателей и придаетъ жизни послѣднихъ тюремный тонъ. Стоитъ только прервать это мутное теченіе, чтобы не замедлило въ каждомъ посельѣ обнаружиться ядро дѣйствительно хозяйственныхъ насельщиковъ съ неизбѣжными при этомъ общими интересами; охвостье при первомъ же испытаніи отмететъ за околицу, расчистится почва для здороваго зерна, которое проростетъ и дастъ плодъ. Нечего обманываться, поселья обезлюдѣютъ, майданы закроются, притоны разврата и тайной виноторговли исчезнутъ. Тѣмъ лучше, скажемъ, потому что водянка — нездоровая полнота.

И въ настоящее время среди хозяйственнаго населенія замѣчаются признаки нѣкоторой общественной организаціи: ими выбираются старосты для переговоровъ съ администраціей и грузовые старосты для расчетовъ по доставкѣ казенныхъ грузовъ, цѣлыми обществами нанимаются общественные пастухи, избираются ночные сторожа, постоянные понятые для осмотра потравъ, общественные крикуны и т. д. Самою жизнью выдвигаются представители по общественнымъ дѣламъ, но теперь они никѣмъ не признаны и отношеніе ихъ къ обществамъ ничѣмъ не регулируются, кромѣ «настроенія» съ той и другой стороны.

Неопредѣленность взаимныхъ отношеній ведетъ къ различнымъ недоразумѣніямъ, которыя разрѣшаются то въ камерѣ мирового судьи, то самосудомъ.

о нежелательности послѣдняго говорить, полагаемъ, нечего. Что же касается мирового разбирательства, то и оно, при настоящихъ условіяхъ, часто не примиряетъ нарушенныхъ интересовъ. Иски, вытекающіе изъ общественныхъ отношеній въ большинствѣ случаевъ не обоснованы. Такъ, напримѣръ, общество ищетъ съ какого-либо члена своего извѣстную сумму, причитающуюся съ него на общественныя нужды. На судѣ отвѣтчикъ отъ уплаты отказывается, заявляя, что онъ каторжный, никакого общества, кромѣ тюрьмы, онъ не знаетъ, что никакого имущества, кромѣ крестьянскаго халата, у него не можетъ быть и нѣтъ. Здѣсь очевидна эксплуатація «неопредѣленности правопорядка», но бороться съ ней чрезвычайно затруднительно, потому что *фактическій* порядокъ сложился вопреки дѣйствующему Уставу о ссыльныхъ.

Безъ общественной организаціи жизнь сельскаго обывателя немыслима, и въ той или другой формѣ ее нужно установить на Сахалинѣ. Обыкновенно съ конструкціей общественно-организованной жизни соединяется представленіе о самоуправленіи и судѣ, о какомъ-то публично-правовомъ союзѣ. Съ этой точки зрѣнія говорятъ, что на Сахалинѣ общественнаго устройства не можетъ быть, такъ какъ лишенные всѣхъ правъ состоянія не могутъ быть ни избирателями, ни избираемыми. Такое-ли, въ самомъ дѣлѣ, непреоборимое препятствіе къ общественной организаціи представляетъ праволишеніе?

Прежде всего, полагаемъ, нужно выяснить, чѣмъ собственно опредѣляется публично-правовой характеръ сельскаго самоуправленія по Общему Положенію о крестьянахъ. Обращаясь къ разсмотрѣнію законоположеній о крестьянахъ, мы видимъ, что дѣятельность сельскихъ общественныхъ организацій распадается на двѣ части (ст. 62 Общ. Пол., изд. 1902 г.): одна строго-хозяйственная, какъ бы лично общественная, другая—общегосударственнаго значенія. Къ первой относятся увольненіе изъ общества членовъ и пріемъ новыхъ, разрѣшеніе семейныхъ раздѣловъ, передѣлъ земель, накладка и скидка тяголъ, оконча-

тельный раздѣлъ общинныхъ земель на постоянные участки, распоряженіе участками мірской земли, назначеніе сборовъ на мірскіе расходы, раскладка податей и повинностей, дача довѣренностей на хожденіе по дѣламъ общественнымъ и т. д. Ко второй категоріи относятся выборы должностныхъ лицъ, удаленіе изъ общества порочныхъ членовъ, дѣла о воинской повинности, учетъ должностныхъ лицъ, принятіе мѣръ по дѣламъ полицейскимъ, судъ и т. д. Въ законѣ не проводится рѣзкой линіи между тѣми и другими дѣлами, но разница между ними очевидна: одни дѣла имѣютъ частно-имущественный интересъ, другія входятъ въ область публичнаго права.

Въ виду того, что характеръ веденія личныхъ дѣлъ отражается на состояніи дѣлъ государственнаго значенія, правительство приняло цѣлый рядъ мѣропріятій къ подчиненію и контролю *всей* жизни сельскихъ обществъ. Такъ, предполагая, что вслѣдствіе семейныхъ раздѣловъ слабѣютъ податныя силы населенія, правительство ограничило, по закону 18 марта 1896 г., право на раздѣлы; находя, что сельскія общества пользуются своей частно-хозяйственной свободой невсегда согласно съ видами правительства, оно ограничило самоопредѣленіе обществъ введеніемъ института земскимъ начальниковъ по закону 12 іюня 1889 г.; практика показала наконецъ, что твердая правительственная власть разбивается о старые законы о передѣлахъ, выкупѣ, отчужденіи и обремененіи крестьянской земли, и появились ограничительные законы 8 іюня и 14 декабря 1893 года.

Шагъ за шагомъ общественныя права сельскихъ обывателей приводятся въ гармонію съ фискальными видами правительства. Сельское общество, связанное круговой порукой [1]), обращается какъ бы въ одно лицо

---

[1]) Круговая порука отмѣнена 12 марта 1903 г. „въ мѣстностяхъ, въ коихъ введено въ дѣйствіе Высочайше утвержденное 23 іюня 1899 г. Положеніе о порядкѣ взиманія окладныхъ сборовъ съ надѣльныхъ земель". Къ этимъ мѣстностямъ не относится, между прочимъ, обширная Сибирь. Для послѣдней тѣмъ болѣе чувствительна круговая порука, что ея губительное дѣйствіе сказывается и въ продовольственномъ дѣлѣ, такъ какъ на Сибирь

государственнаго должника, надъ которымъ устанавливается строгая опека въ его же интересахъ, въ цѣляхъ предотвращенія его же собственной несостоятельности.

Лишенные всѣхъ правъ состоянія—это уже не лѣнивые рабы, а злостные банкроты, которые въ силу одного своего прошлаго не допускаются въ общественныя организаціи. Преступное прошлое лишаетъ ихъ права на должности «почетныя или соединенныя съ властью». Не имѣя этого права сами, они не могутъ передавать его другимъ. Тѣмъ не менѣе въ жизни каждаго сельскаго общества остается еще обширная область частно-хозяйственныхъ предпріятій, и въ этой области получаютъ доступъ правопораженные, въ ней они пріобрѣтаютъ голосъ. На основаніи ст. 384 Уст. о ссыльн. ссыльно-поселенцы, причисленные къ сельскимъ обществамъ, по истеченіи 10-лѣтняго льготнаго срока облагаются «всѣми безъ изъятія денежными и хлѣбными сборами и натуральными повинностями, наравнѣ съ крестьянами». Податныя обязанности до *нѣкоторой* степени реабилитируютъ ссыльно-крестьянина, и даютъ ему возможность почувствовать себя равноправнымъ въ крестьянскомъ хозяйственномъ союзѣ. Въ нѣкоторыхъ сибирскихъ деревняхъ ссыльные доходили до 20% общаго состава и, понятно, жизнь свое сдѣлала—втянула ихъ въ общественное хозяйство.

Сибирскія лѣтописи даютъ богатый матеріалъ для правильной оцѣнки участія ссыльно-крестьянъ въ общественныхъ дѣлахъ тѣхъ сельскихъ обществъ, къ которымъ они приписывались. Не можетъ быть сомнѣнія, что сахалинское населеніе справится съ своими общественными нуждами, лишь бы законность этихъ нуждъ нашла себѣ необходимое признаніе со стороны власти. И такъ рождается вопросъ, какой-же харак-

---

не распространены. Временныя правила по обезпеченію продовольственныхъ потребностей сельскихъ обывателей. Сибирь не представляетъ какихъ-либо „мѣстныхъ“ условій, которыми парализовалось-бы вредное вліяніе круговой поруки на экономическую жизнь населенія, поэтому было-бы желательно, чтобы сознаніе полезнаго и справедливаго не ограничивалось предѣлами избранной территоріи.

теръ будутъ носить сельскія общества на Сахалинѣ? Только частно-правный, отвѣчаемъ мы.

Публично-правовой характеръ сельскимъ обществамъ вообще придаютъ тѣ сложныя фискально-политическаго характера связи, которыя соединяютъ крестьянскій міръ съ государствомъ, и кромѣ того волостная юстиція.

Сахалинское населеніе въ этомъ отношеніи занимаетъ исключительное положеніе: воинской повинности оно не несетъ и никакими государственными податями или повинностями не обременяется. Что касается домашней расправы по маловажнымъ дѣламъ, то едва-ли есть надобность вводить ее на островѣ. Волостная юстиція въ настоящее время вызываетъ повсемѣстныя нареканія и очень мало находитъ защитниковъ. Обычай облинялъ, выцвѣлъ. При современныхъ условіяхъ мобилизаціи народныхъ массъ, всеобщей воинской повинности, развитіи земледѣльческихъ и фабрично-заводскихъ отхожихъ промысловъ, обѣднѣніи деревни и естественной внутри ея экономической дифференціаціи съ обостреніемъ индивидуальныхъ интересовъ—волостной судъ, руководимый въ особенности волостнымъ писарямъ, становится все болѣе и болѣе школой насилія и беззаконности.

Крестьяне усиленно рвутся къ общей юстиціи. Это было констатировано многими сельско-хозяйственными комитетами. Тѣмъ болѣе, если будетъ упразднена замкнутость крестьянскаго самоуправленія, то и крестьянскій судъ неминуемо рухнетъ. Такимъ образомъ, сахалинское населеніе не только ничего не проигрываетъ вслѣдствіе отсутствія волостного суда, но прямо находится въ привиллегированномъ положеніи.

Практика показываетъ, что настоящаго состава мировыхъ судей—три судьи,—вполнѣ для острова достаточно. Мировой судъ пользуется симпатіями населенія, туда идутъ и каторжные, и поселенцы, и крестьяне, идутъ даже едва понимающіе русскую рѣчь инородцы.

Нѣтъ, какъ видно, никакихъ фактическихъ осно-

ванiй говорить объ организацiи на Сахалинѣ сельскихъ обществъ по общему типу!

Остается еще вопросъ о низшей полицейской службѣ. Въ Сибири, особенно восточной, низшiе полицейскiе органы вербуются изъ всѣхъ группъ населенiя, не исключая поселенцевъ; бываютъ случаи, что въ качествѣ десятскихъ «ходятъ бабы». Въ Иркутской губернiи вопросъ до того упростился, что въ десятскiе назначились прохожiе, случайно оказавшiеся въ той или другой мѣстности. На островѣ обязанности низшихъ полицейскихъ органовъ отправляются каторжными.

Упорное нарушенiе закона, о которомъ свидѣтельствуютъ вышеприведенные факты, можетъ быть объяснено лишь съ точки зрѣнiя непосильной тяжести полицейской службы для населенiя, обязаннаго отправлять ее натурой. Высочайше утвержденнымъ 5 мая н. г. мнѣнiемъ Государственнаго Совѣта этотъ вопросъ разрѣшается для 46 губернiй Евр. Россiи посредствомъ введенiя уѣздной полицейской стражи. Полагаемъ, что аналогичную организацiю должна получить полицейская служба на Сахалинѣ.

Итакъ, вслѣдствiе многихъ особенностей мѣстной жизни, вопросъ о конструкцiи сельскаго общества упрощается до послѣдней степени, до формъ частно-договорнаго союза. Намъ приходилось слышать, что ссыльные не имѣютъ права на организацiю и въ этомъ смыслѣ, потому что они не могутъ быть «ни избирателями, ни избираемыми». Здѣсь, по нашему мнѣнiю, кроется недоразумѣнiе. Законъ лишаетъ ссыльныхъ правъ въ публично правовыхъ союзахъ, между-же собою и для цѣлей лично-хозяйственныхъ имъ никакiя артельныя организацiи не запрещены.

На Сахалинѣ должны возникнуть не сельскiя общества въ общепринятомъ значенiи, а вольныя поземельныя товарищества.

Такимъ образомъ необходимо, соотвѣтственно мѣстнымъ условiямъ выработать особые примѣрные уставы и планы общественныхъ договоровъ, которыми, члены каждаго общества будутъ обязываться, по общему гражданскому праву, къ извѣстному хозяйственному распо-

рядку. Уклоняющіеся будутъ нести гражданскую отвѣтственность. Мы убѣждены, что мудрить особенно не придется, такъ какъ въ мѣстныхъ сельскихъ обществахъ хозяйственный порядокъ уже имѣется. Крестьянскія материковыя сельскія общества по всѣмъ своимъ общественнымъ дѣламъ составляютъ предварительно *приговоры*, имѣющіе для всѣхъ обязательную силу; на Сахалинѣ хозяйственный годъ будетъ отправляться отъ договоровъ. Сущность одна и та же, различіе между приговоромъ и договоромъ устанавливается лишь въ силу порядка и обряда ихъ составленія, совершенія и выполненія, а также отвѣтственности за нарушенія. Нужно только дать населенію проекъ договора, разъяснить ему, что проектъ по содержанію можетъ измѣняться въ зависимости отъ усмотрѣнія каждаго отдѣльнаго общества и указать путь къ законной защитѣ договора—остальное сдѣлаетъ само населеніе, которое собственные интересы понимаетъ лучше чиновниковъ.

При подобной организаціи принудительный моментъ будетъ заключаться въ обязанности сельскаго общества составить на опредѣленное время договоръ. Право администраціи на эту принудительность вытекаетъ изъ того факта, что населеніе получаетъ въ пользованіе земли, лѣса, сѣнокосы, выпуски, рыболовныя угодья.

Мы далеки отъ мысли, чтобы предоставить администраціи широкую дискреціонную власть земскихъ и крестьянскихъ начальниковъ. На Сахалинѣ обнаруживаютъ большую склонность къ прерогативамъ твердой правительственной власти. Перечитавъ проекты организаціи сельскихъ обществъ, составленные окружными начальниками, мы пришли въ ужасъ отъ того дружнаго вопля объ усиленіи власти, который слышится въ каждой строкѣ этихъ проектовъ, напомнившихъ намъ что-то въ родѣ коллекцій инквизиціонныхъ принадлежностей пытки. Сибирскіе сельскохозяйственные комитеты энергично высказались противъ вмѣшательства крестьянскихъ начальниковъ въ жизнь населенія. Практика въ Евр. Россіи, начиная съ «кандидата безправія» Протопопова и кончая зна-

менитымъ устроителемъ дѣтскихъ пріютовъ Жеденовымъ, накопила еще болѣе убѣдительный матеріалъ въ этомъ отношеніи.

За администраціей должны остаться исключительно полицейскія обязанности. Еще разъ повторяемъ, что полиція должна быть не тюремная, а совершенно особая. Только при этомъ условіи населеніе не будетъ ощущать «постоянной зависимости отъ требованій дисциплины, напоминающихъ недавнюю каторгу». Никакихъ измѣненій не должно произойти также въ системѣ пользованія населеніемъ всѣми сельско-хозяйственными угодьями. Какое-либо обложеніе за пользованіе ими, даже самое ничтожное сыграетъ роль бича, которымъ сдвинетъ съ мѣста наиболѣе лѣнивыхъ на подъемъ и направитъ ихъ на материкъ. Нужно помнить, что хотя Сахалинъ и богатъ, но природа его угрюма и сурова, а изолированность отъ прочаго міра неустанно бередитъ въ душѣ каждаго рану, которая сочится какой-то неопредѣленной тоской по «той» сторонѣ. Только полная свобода и всѣ возможныя льготы удержатъ населеніе на островѣ. Время же бытоустройства сахалинскаго населенія по общимъ законамъ еще въ далекомъ будущемъ [1]).

Мы не сомнѣваемся, что, при благопріятныхъ экономическихъ условіяхъ и полномъ отсутствіи административнаго гнета, на Сахалинѣ могутъ осѣсть основательные колонизаторы. Въ прошломъ уже была попытка вольной колонизаціи и нашлись охотники; если же колонизація дала плачевные результаты, то въ этомъ нужно считать повинной только администрацію, которая много наобѣщала переселенцамъ и почти ничего не дала, несмотря на то, что Сахалинъ былъ еще *совершенно* пустыннымъ.

Вопросъ о колонизаціи одинъ изъ самыхъ многострадальныхъ въ нашей русской жизни. Съ одной стороны, исторія намъ показала почти безпримѣрныя

---

[1]) Въ этомъ смыслѣ нами составленъ проектъ сельскаго устройства, по порученію коммиссіи, собранной на Сахалинѣ г. военнымъ губернаторомъ острова.

наши колонизаціонныя способности, съ другой, нельзя отрицать фактовъ противуположнаго характера. Такъ въ 1799 г. преступлено было къ заселенію Забайкалья; для ссыльныхъ было велѣно построить казенные дома, сдѣлать для нихъ запасы хлѣба на $1^1/_2$ года, снабдить ихъ скотомъ, сѣменами и земледѣльческими орудіями. Тѣ же мѣры были приняты въ 1806 г. при устройствѣ ссыльно-поселенцевъ въ Нижнеудинскомъ округѣ. Съ 1829 по 1835 г. устраивались поселенія въ Енисейскомъ округѣ съ затратой до 500,000 рублей. Въ 1889 г. были заведены поселки изъ административно-ссыльныхъ въ Тарскомъ уѣздѣ, Тобольской губ. и по свѣдѣніямъ съ 1889 г. по 1898 г. оказалось, что изъ 1,378 чел. 89,6% ушли немедленно по водвореніи [1]. Къ этимъ фактамъ мы могли бы прибавить, что не удались также опыты заселенія поселенцами Южно-уссурійскаго края въ первые десять лѣтъ, какъ не имѣло успѣха знаменитое переселеніе удѣльнымъ вѣдомствомъ финляндскихъ поморовъ въ гавань «Находка», на что было затрачено свыше полумилліона рублей, какъ, наконецъ, были безуспѣшны переселенческіе опыты министерства государственныхъ имуществъ времени гр. Киселева.

Всѣ приведенные факты доказываютъ совсѣмъ не то, въ доказательство чего они приводятся. Извѣстно, напримѣръ, что колонизаціонные опыты въ Восточной Сибири связаны съ чудовищными хищеніями губернатора г. Трескина и полицеймейстера г. Лоскутова. Извѣстно также, что вслѣдствіе злоупотребленія чиновниковъ были прекращены переселенческіе опыты по правиламъ 1857 г. Не секретъ, что устройство ссыльно-поселенцевъ по Уставу о ссыльныхъ, гдѣ имѣется много *хорошихъ* статей о казенной помощи, сводилось къ тому только, что ихъ доставляли на казенныхъ подводахъ и въ казенной одеждѣ къ мѣсту причисленія. Какая же это колонизація?

На Сахалинъ, напримѣръ, затрачивались милліоны,

---

[1]) „Къ закону объ отмѣнѣ ссылки“ „Тюр. Вѣст.“ 1900 г., № 6—7, стр. 356—357.

но что же собственно сдѣлано въ цѣляхъ *колонизаціи*? Вѣдь нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, колонизаціонной дѣятельностью администраціи считать то, что ею доставлялись на островъ тысячи людей, а для послѣднихъ—сотни тысячъ муки, крупы, солонины, сукно, сапожный товаръ и женщины, или что ею принуждались къ домообзаводству и земледѣлію люди, никогда не видѣвшіе посѣва, когда практика сибирскаго переселенія показала неумѣніе и неспособность *земледѣльцевъ* лѣсного района устроиться въ степяхъ и наоборотъ. Факиръ, выращивающій изъ кулачка дерево—вотъ достойная марка сахалинской колонизаціи.

Банкротство колонизаціонныхъ опытовъ всегда зависѣло либо отъ того, что въ дѣло замѣшивался кормилецъ—казенный воробей, либо не было опредѣленнаго плана дѣйствій, соотвѣтствующаго дѣйствительности, но много вѣры въ канцелярскія скрижали. Великую русскую землю создалъ никто иной, какъ русскій крестьянинъ, и нерѣдко не при помощи администраціи, а не смотря на нее.

Русскій крестьянинъ любитъ землю, привязанъ къ родному погосту, но нужда гонитъ его за околицу. Въ настоящее время свыше 200,000 чел. ежегодно переваливаетъ изъ Европейской Россіи въ Сибирь. Переселенцы бредутъ на Кавказъ, въ наши среднеазіатскія владѣнія, врубаются въ Монголію, осѣдаютъ въ обширномъ Приамурскомъ краѣ и Приморской области. Штрафная колонія отдѣляется отъ полосы добровольнаго заселенія только Татарскимъ проливомъ. И эта завѣтная граница не остановитъ переселенческаго движенія, если къ тому будутъ подходящія условія...

Отъ сахалинскаго крестьянина нельзя услышать жалобъ на *естественный* Сахалинъ, наоборотъ, нѣкоторые прямо въ восторгѣ отъ земельной свободы, обилія лѣса и рыбы; жалуются только на людей, на убійства, грабежи, поджоги, скотокрадство, на гнетъ администраціи и то, что «взяться за хозяйство нечѣмъ». Если материкъ заселялся съ большими пожертвованіями со стороны казны, если теперь въ Приморскую область направляются переселенцы, располагающіе капиталомъ

не менѣе, чѣмъ въ 300 руб. на семейство, то будемъ же послѣдовательны и признаемъ, что еще большія средства необходимы при заселеніи Сахалина, при его исключительныхъ естественныхъ условіяхъ, отдаленности отъ прочаго міра и т. д. До сихъ поръ на островѣ не было культурно-устроительныхъ административныхъ работъ, больше того, всѣ мѣропріятія въ своихъ конечныхъ результатахъ были направлены *противъ* населенія, въ ущербъ прочнымъ колонизаціоннымъ элементамъ.

На островъ затрачены десятки милліоновъ рублей и *ничего* почти въ цѣляхъ колонизаціи. Колонизаціи не было, ее нужно начать.

Съ новой эрой производительныхъ колонизаціонныхъ мѣропріятій неразрывно связанъ вопросъ объ инородцахъ. Послѣдніе до настоящаго времени не привлекали вниманія правительства, а между тѣмъ, они какъ аборигены, какъ первые собственники острова заслуживали серіознаго отношенія къ ихъ быту.

Инородцы вымираютъ. По свѣдѣніямъ, приводимымъ г. Бошнякомъ, въ 58-мъ году истекшаго столѣтія гиляковъ, напр., было на островѣ 3,270 душъ обоего пола [1]), а спустя 40 лѣтъ числилось около 2,000 душъ. Иначе и быть не могло: рыболовные участки у нихъ отняла тюрьма, охоту на звѣря подорвали поселенцы, при этомъ водка и эксплоатація на каждомъ шагу. Что касается айновъ, населяющихъ южный Сахалинъ, то они, какъ передавалъ г. Фелицынъ, приходили еще въ 1875 г. въ постъ Корсаковскій съ просьбой помочь имъ, дать работы, дать картофельныхъ сѣмянъ. Начальство на эти просьбы не обратило вниманіе, и айны стали переселяться въ Японію на остр. Матсмай [2]).

И вотъ тѣ самые японцы, отъ ига котораго спасалъ айновъ г. Невельскій, заводятъ для нихъ въ Санпоро и Хакодате школы, больницы, оспопривива-

---

[1]) *Бошнякъ.* Экспедиція въ Приамурскій край. „Морской Сборникъ" 1858 г. № 12, стр. 189.

[2]) „Голосъ" 1887 г., № 16.

ніе, поощряютъ огородничество и скотоводство [1]). Если бы завоеватель острова былъ въ состояніи прозрѣть, съ какой стороны грозитъ инородцамъ рабство, быть можетъ, онъ не приложилъ бы своей руки къ этому губительному процессу.

Въ соображеніяхъ г. Министра Юстиціи, представленныхъ по вопросу объ отмѣнѣ ссылки, мы находимъ слѣдующее глубокое замѣчаніе: «худшее изъ всѣхъ общежитій есть тюрьма, а что же такое штрафная колонія, какъ не тюрьма подъ открытомъ небомъ» [2]). Дѣйствительно, штрафная колонія никогда не привяжетъ къ себѣ невольнаго обитателя, если не принять всѣхъ мѣръ къ тому, чтобы сознаніе подневольности исчезло, чтобы въ окружающей дѣйствительности порочный человѣкъ нашелъ всю ту полноту условій къ возрожденію, какой ему раньше не доставало.

Здѣсь не мѣсто лицемѣрію: либо трудъ есть естественное призваніе человѣка, а тогда, съ вѣрой въ просвѣтляющее вліяніе труда, нужно помочь преступнику войти въ трудовую колею; либо трудъ—проклятіе, тяготѣющее надъ людьми черной кости, которые неудержимо стремятся и будутъ стремиться вонъ изъ ярма, опрокидывая всѣ преграды, тогда homo homini lupus est, тогда .. судьи да будутъ «господами убійцами». Но если братоубійство не завѣтъ человѣческой юстиціи, то да будетъ признано, что высшее наказаніе преступника заключается въ его паразитизмѣ, въ его отверженности отъ вѣчнаго порядка жизни и поэтому самое обращеніе къ честному труду пусть почитается, какъ полное возстановленіе гражданской личности.

Наши отечественныя штрафныя колоніи гораздо хуже тюремъ, онѣ—искусно концентрированная питательная среда для самыхъ сильныхъ агентовъ преступности: бездѣлія, разврата, пьянства. Печальная жизнь каждой колоніи показываетъ, будто бы искусство ея сложенія преслѣдовало исключительно *отрицательныя* цѣли.

---

[1]) Кирилловъ. Поѣздка на Матсмай, „Приамурскія Вѣдомости" см. № 239.

[2]) Къ закону объ отмѣнѣ ссылки. „Тюремный Вѣстникъ" 1900 г. № 6–7, стр. 357.

Дѣйствующее право къ внутреннему уродству преступника прибавляетъ наружное посредствомъ пожизненнаго праволишенія. Сорокъ лѣтъ тому назадъ состоялся гуманный законъ объ отмѣнѣ клейменія преступниковъ. Но клеймо, ставшее послѣ того исключительною принадлежностью татарскаго скотоводства, нашло себѣ въ смягченной формѣ пріютъ въ пожизненномъ лишеніи правъ. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ какъ не клеймомъ своего рода стало праволишеніе, особенно при нашей паспортной системѣ? Тяжелые годы каторжныхъ работъ не снимаютъ съ преступника печати отверженности. За выходомъ изъ каторги слѣдуетъ пожизненное поселенчество и полное безправіе. Поселенцу предписывается быть безотвѣтной рабочей силой, послушнымъ вьючнымъ животнымъ, и навсегда заграждается путь къ возвращенію въ среду честныхъ тружениковъ. Это—жестокость, никому не нужная и для всѣхъ вредная.

Ѣдкимъ запахомъ трупнаго разложенія повѣяло отъ картины поселенческой жизни, когда ея коснулись даже оффиціальные изслѣдователи. Тѣмъ не менѣе ссылка не упразднена окончательно, поселенчество безъ срока перебралось на страницы новаго Уголовнаго Уложенія, подготовлявшагося въ теченіе ѳсрока лѣтъ выдающимися спеціалистами.

Новымъ Уголовнымъ Уложеніемъ вводится неизвѣстный въ русской жизни институтъ правовой реабилитаціи. Права, утраченныя преступникомъ, пріобрѣтаются вновь по прошествіи опредѣленнаго срока. Приговоренные къ каторгѣ или ссылкѣ на поселеніе реабилитируются по истеченіи десяти лѣтъ «по освобожденіи отъ поселенія», а приговоренные къ заключенію: въ исправительномъ домѣ—десяти и въ тюрьмѣ — пяти лѣтъ по освобожденіи изъ заключенія (ст. 31). Указанные сроки нельзя считать вообще продолжительными. Во Франціи, напримѣръ, существуютъ сроки отъ 10 до 20 лѣтъ, Норвегіи—отъ 5 до 15, въ Австріи—отъ 3 до 10, въ Германіи—отъ 1 до 10 лѣтъ [1]).

[1]) Миролюбовъ. Реабилитація, какъ правовый институтъ. Ж. М. Ю. 1902 г. № 4, стр. 130.

Новое Уложеніе допускаетъ еще пониженіе установленныхъ сроковъ въ случаѣ одобрительнаго поведенія ссыльныхъ и если для нихъ истекла «половина сихъ сроковъ» и при томъ они прожили въ послѣднемъ мѣстѣ своего жительства «не менѣе двухъ лѣтъ».

Не смотря на всѣ возможныя поправки, всетаки реабилитація обставлена довольно тяжелыми условіями для присужденныхъ къ наиболѣе тяжкимъ наказаніямъ, а именно: реабилитативный срокъ въ отношеніи каторжныхъ и поселенцевъ считается *по освобожденіи отъ поселенія*—этого худшаго изъ всѣхъ наказаній.

По новому закону минимальный срокъ поселенія составляетъ десять лѣтъ [1]). Посмотримъ, насколько продолжительна должна быть уголовно-исправительная школа, открывающая право на реабилитацію. Возьмемъ для примѣра безсрочную каторгу. Она назначается въ тридцати двухъ случаяхъ и число безсрочныхъ каторжныхъ можетъ быть очень значительно. Приговоренные къ безсрочной каторгѣ, на осн. ст. 23 Угол. Ул., въ случаѣ одобрительнаго поведенія, по истеченіи пятнадцати лѣтъ переводятся на поселеніе. Слѣдовательно, при всѣхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, при самыхъ лучшихъ аттестаціяхъ за время каторги и поселенія, безсрочный пріобрѣтаетъ право на реабилитацію черезъ

[1]) Въ отношеніи продолжительности срока поселенчества Новое Уложеніе отличается большею суровостью, чѣмъ дѣйствующій Уставъ о ссыльныхъ. По Уложенію, при одобрительномъ поведеніи, поселенчество ограничивается десятилѣтнимъ срокомъ, по Уставу о ссыльныхъ—шестилѣтнимъ. Можно было ожидать, что подъ вліяніемъ матеріаловъ собранныхъ о положеніи поселенцевъ въ Сибири, ссылка на поселеніе исчезнетъ совершенно. Между тѣмъ поселенчество не только будетъ продолжительнѣе, но и гораздо тяжелѣе, такъ какъ, согласно Высочайше утвержденнаго 2 іюня сего года Мнѣнія Государственнаго Совѣта, юрисдикція администраціи въ отношеніи поселенцевъ усилена. Новая редакціи ст. 141 Уст. о ссыльныхъ, установленная названнымъ закономъ, замѣняетъ мѣсячный срокъ ареста или общественныхъ работъ *трехмѣсячнымъ* (п. 2) и прежній годовой срокъ заводскихъ работъ или содержанія въ исправительномъ арестантскомъ отдѣленіи замѣняетъ *двухлѣтнимъ* (п. 3). Частичныя поправки, сдѣланныя въ Уст. о ссыльн. закономъ 2 іюня съ явнымъ отягченіемъ участи поселенцевъ. отнимаютъ надежду на радикальную переработку Устава, хотя онъ находится въ вопіющемъ противорѣчіи даже съ устарѣвшимъ Улож. о наказаніяхъ.

тридцать лѣтъ. Если же принять во вниманіе, что контингентъ безсрочныхъ будетъ состоять изъ совершеннолѣтнихъ, то ясно какихъ возрастныхъ группъ ссыльнаго населенія коснется возстановленіе въ правахъ: между ними работоспособныхъ не будетъ.

Какъ бы то ни было, но приведенныя узаконенія заставляютъ вспомнить о Евангельскомъ милосердіи. Жизнь показала, что неиспорченные преступники иногда добиваются хотя бы только умереть безъ клейма преступленія. Уложеніе приходитъ къ нимъ на помощь и, быть можетъ, озаритъ закатъ безпросвѣтной жизни многихъ и многихъ страдальцевъ, случайныхъ жертвъ собственнаго темперамента и общественной нескладицы. Въ теплыхъ лучахъ этого же Уложенія скорѣе, чѣмъ можно было бы ожидать прежде, разовьется на сахалинской почвѣ давно желанное самоуправленіе.

И тѣхъ крупицъ гуманности, которыя заложены въ Новомъ Уложеніи достаточно, чтобы въ мірѣ отверженныхъ день 22 марта сталъ храмовымъ праздникомъ. Не слѣдуетъ только обставлять маякъ спасенія непроницаемымъ экраномъ. Новый законъ, какъ поворотный маякъ, долженъ указать дорогу къ возрожденію не только будущимъ преступникамъ, но и тѣмъ, которымъ пути къ спасенію были заказаны отмѣняемымъ Уложеніемъ о наказаніяхъ. Истинная справедливость не можетъ быть однобокой.

Закономъ 12 іюня 1900 г. отмѣнена ссылка по приговорамъ мѣщанскихъ обществъ и непріемнымъ приговорамъ сельскихъ, но многочисленные ссыльные этихъ категорій, сосланные до опубликованія закона, остались въ чуждой имъ Сибири, не смотря на всѣ ходатайства объ обратной силѣ справедливости. Еще болѣе многочисленны въ Зауральѣ поселенцы и ссыльнокрестьяне. Мы вѣримъ, что они не будутъ живымъ укоромъ несовершенства человѣческихъ законовъ. Для населенія стасорокамилліонной Россіи не опасны стодвѣсти тысячъ возстановленныхъ въ правахъ соотечественниковъ...

На высокомъ хребтѣ, около поста Александровскаго, этого центра управленія островомъ, почти подъ самой

границей облаковъ высится бѣлое каменное зданіе, дорогое всякому моряку, утомленному негостепріимнымъ Татарскимъ проливомъ. Это зданіе—маякъ. Оно дорого бывшимъ морякамъ, дорого настоящимъ и будетъ дорого ихъ преемникамъ. Къ свѣту скоротечнаго отдыха въ тихой пристани всѣхъ извѣдавшихъ бури тянетъ больше, чѣмъ въ темную даль неизвѣстности. Такова ужъ психика человѣка!

Неужели для міра отверженныхъ, изможденныхъ въ буряхъ житейскаго моря, нѣтъ другого маяка, какъ черный деревянный крестъ съ выведеннымъ на немъ корявыми буквами одинаковымъ для всѣхъ призывомъ: «пріидите ко мнѣ всѣ труждающіеся и обремененніи и Азъ упокою вы»?

Заложите въ душѣ сахалинца надежду на воскресеніе, дайте ему возможность *утвердиться* на островѣ и печальный Сахалинъ превратится въ тотъ счастливый островъ, который представилъ Гарри Девитъ въ своей извѣстной книгѣ «New Siveria!» Иначе придется воскликнуть вмѣстѣ съ Томасомъ Моромъ: «Что вы дѣлаете? вы создаете воровъ, чтобы имѣть удовольствіе ихъ повѣсить!»

Приложеніе № 1.

НѢКОТОРЫЯ СВѢДѢНІЯ

о размѣщеніи, хозяйственномъ и семейномъ состояніи лицъ свободнаго состоянія [1]), ссыльно-крестьянъ, ссыльно-поселенцевъ и ссыльно-каторжныхъ (свѣдѣнія относятся къ концу декабря 1901 г.).

Названіе округовъ.	Сс.-крестьянъ.												Сс.-поселенцевъ.												Сс.-каторжныхъ.						Лицъ свободнаго состоянія.						ИТОГО.	
	Проживающихъ въ селеніяхъ.						Проживающихъ на материкѣ.						Проживающихъ въ селеніяхъ.						Проживающихъ на материкѣ.						Проживающихъ въ селеніяхъ.						Проживающихъ въ селеніяхъ.							
	Имѣющихъ домообзаводство.		Неимѣющихъ домообзаводства.		Всего.		Имѣющихъ домообзаводство.		Неимѣющихъ домообзаводства.		Всего.		Имѣющихъ домообзаводство.		Неимѣющихъ домообзаводства.		Всего.		Имѣющихъ домообзаводство.		Неимѣющихъ домообзаводства.		Всего.		Имѣющихъ домообзаводство.		Неимѣющихъ домообзаводства.		Всего.		Имѣющихъ домообзаводство.		Неимѣющихъ домообзаводства.		Всего.			
	Одинокихъ.	Женатыхъ и сожительств.	Одинокихъ.	Женатыхъ и сожительств.	Одинокихъ.	Женатыхъ и сожительств.	Одинокихъ.	Женатыхъ и сожительств.	Одинокихъ.	Женатыхъ и сожительств.	Одинокихъ.	Женатыхъ и сожительств.	Одинокихъ.	Женатыхъ и сожительств.	Одинокихъ.	Женатыхъ и сожительств.	Одинокихъ.	Женатыхъ и сожительств.	Одинокихъ.	Женатыхъ и сожительств.	Одинокихъ.	Женатыхъ и сожительств.	Одинокихъ.	Женатыхъ и сожительств.	Одинокихъ.	Женатыхъ и сожительств.	Одинокихъ.	Женатыхъ и сожительств.	Одинокихъ.	Женатыхъ и сожительств.	Одинокихъ.	Женатыхъ и сожительств.	Одинокихъ.	Женатыхъ и сожительств.	Одинокихъ.	Женатыхъ и сожительств.	Одинокихъ.	Женатыхъ и сожительствъ.
Александровскій . . .	145	357	379	—	524	357	1342	238	—	—	1342	238	144	269	2264	—	2408	269	1044	10	—	—	1044	10	53	111	—	—	53	111	7	43	—	—	7	43	5378	1028
																																					Въ безъ изв. отлучкѣ: сс.-кат. 4, сс.-пос. 4 } 8	
Тымовскій . .	—	—	—	—	449	473	—	—	—	—	1405	420	—	—	—	—	1576	295	—	—	—	—	591	153	6	153	—	11	6	164	182	10	15	—	197	10	4224	1515
Корсаковскій	529	505	517	—	1046	505	—	—	415	146	415	146	215	999	1122	—	1337	999	—	—	338	82	338	82	—	69	—	—	—	69	19	3	19	—	38	3	3174	1804
	—	—	—	—	2019	1335	—	—	—	—	3162	804	-	—	—	—	5321	1563	—	—	—	—	1973	245	—	—	—	—	59	344	—	—	—	—	242	56	12776	4347

[1]) Приведенная таблица заключаетъ свѣдѣнія о свободномъ населеніи, добровольно послѣдовавшемъ за ссыльными, и отнюдь не касается вполнѣ свободнаго населенія, какъ-то: солдаты, офицеры, чиновники и прочіе служащіе; не показано также тюремное населеніе.

Приложенiе № 2.

Перечень селенiй по данным за 1901 г.

Названiя округовъ и селенiй.	Число верстъ. От Окружнаго Управленiя.	Число верстъ. От Центральнаго Управленiя.
Александровскiй округъ.		
Постъ Дуэ	12	12
Селенiе Корсаковское	2 3/4	2 3/4
Михайловка	7	7
Красный Яръ	14	14
Бутаково	21	21
Загарино	29	29
Николаевское	34 1/2	34 1/2
Владимировка	40 3/4	40 3/4
Тискизы	40 3/4	40 3/4
Агнево	47 3/4	47 3/4
Чернолѣсье	50 1/4	50 1/4
Борисовка	56	56
Порѣчье	63	63
Славянка	69 3/4	69 3/4
Половинка	4 1/2	4 1/2
Арковскiй кордонъ	9	9
Арково 1-е	10 3/4	10 3/4
Арково 2-е	16 1/2	16 1/2
Арково 3-е	18 3/4	18 3/4
Константиновка	20 1/4	20 1/4
Рождественское	24	24
Арковскiй заѣзжiй домъ	17 3/4	17 3/4
Мгачи	31 1/2	31 1/2
Танги	44	44
Хоэ	53	53
Трамбаусъ	75	75
Вiахты	92	92
Лахъ	124	124
Ванги	147	147
Погиби	163	163
Тамлово	293	293
Усть-Агнево	42	42
Пильво	97	97
Наяси	159	159
Сартунай	155	155
Тымовскiй округъ.		
Селенiе Рыковское	—	65 3/4
Палево	12	78
Малый Лонгари	24	89 3/4

Названія округовъ и селеній.	Число верстъ. От Окружнаго Управленія.	Число верстъ. От Центральнаго Управленія
Большой Лонгари	$36\frac{1}{4}$	102
Вальзы	$46\frac{1}{2}$	$112\frac{1}{4}$
Станокъ Невскаго	$47\frac{1}{2}$	$113\frac{1}{4}$
Хамдаса 1-я	48	$113\frac{3}{4}$
Оноръ	$58\frac{3}{4}$	$124\frac{1}{2}$
Хамдаса 2-я	$78\frac{1}{2}$	$144\frac{1}{4}$
Тауланъ	$32\frac{1}{4}$	$98\frac{1}{2}$
Далдаганъ	$38\frac{1}{2}$	$104\frac{1}{2}$
Андрее-Ивановское	$12\frac{1}{2}$	$53\frac{3}{4}$
Малое Тымово	15	$47\frac{1}{2}$
Верхній Армуданъ	$32\frac{1}{4}$	$33\frac{1}{2}$
Нижній Армуданъ	$23\frac{1}{4}$	42
Дербинское	$14\frac{1}{2}$	$51\frac{1}{4}$
Воскресенское	$21\frac{1}{2}$	$58\frac{1}{4}$
Узкое	$28\frac{1}{2}$	$65\frac{1}{4}$
Славы	$36\frac{1}{4}$	$73\frac{1}{4}$
Ада-Тымь	$48\frac{1}{4}$	$85\frac{1}{4}$
Корсаковскій округъ.		
Постъ Корсаковскій	—	534
Поро-ан-Томари	5	539
Савина Падь	10	544
Первая Падь	$2\frac{1}{2}$	$531\frac{1}{2}$
Вторая Падь	4	530
Третья Падь	6	528
Соловьевка	9	525
Голый Мысъ	14	520
Мицулевка	$18\frac{1}{2}$	$515\frac{1}{2}$
Лиственичное	24	510
Елань	33	501
Хомутовка	29	505
Ближнее	39	497
Владимировка	38	496
Дальнее	43	494
Луговое	43	491
Поповы Юрты	48	486
Пустаки	51	489
Сусуйское	53	491
Березняки	54	478
Кресты	62	472
Большое Такоэ	$78\frac{1}{2}$	$466\frac{1}{2}$
Малое Такоэ	$73\frac{1}{2}$	$460\frac{1}{2}$
Галкино-Врасское	80	454
Романово	85	459

Названія округовъ и селеній.	Число верстъ.	
	Отъ Окружнаго Управленія.	Отъ Центральнаго Управленія.
Николаевское	82½	451½
Маловѣчкино	85	449
Лубки	88¾	445
Найбучи	92½	441
Мануэ	147	387
Ст. Даль	320	214
Постъ Техменевскій	304½	229
Аракуэ	114¾	528
Маука	115¾	529
Поро-Томари	119½	523
Серароко	236¾	354¼
Могунъ-Котанъ	189	345
Селютора	236¼	297¼
Найэро.	288	246
Косунай	181	421
Лютога.	34¾	550¾

Дополнительныя свѣдѣнія [1]):

Къ стр. 80. Cеледочнаго тука было вывезено въ Японію:

въ 1901 г.— 984,277 пудъ.

въ 1902 г.—1.136,025 пудъ.

Для полученія вѣса сырой сельди нужно количество тука увеличить въ 6 разъ. Подобный расчетъ правильнѣе, чѣмъ сдѣланный г. Крамаре нкомъ (см. стр. 79).

Къ стр. 81. Вывезено лѣсныхъ матеріаловъ административныхъ заготовокъ въ 1900 г.—10,092, въ 1901 г.—21,597, въ 1902 г.—24,576 штукъ лиственичныхъ и еловыхъ бревенъ.

Вознагражденіе поселенцевъ упало до 50 коп. за срубленное и доставленное къ опредѣленному пункту бревно.

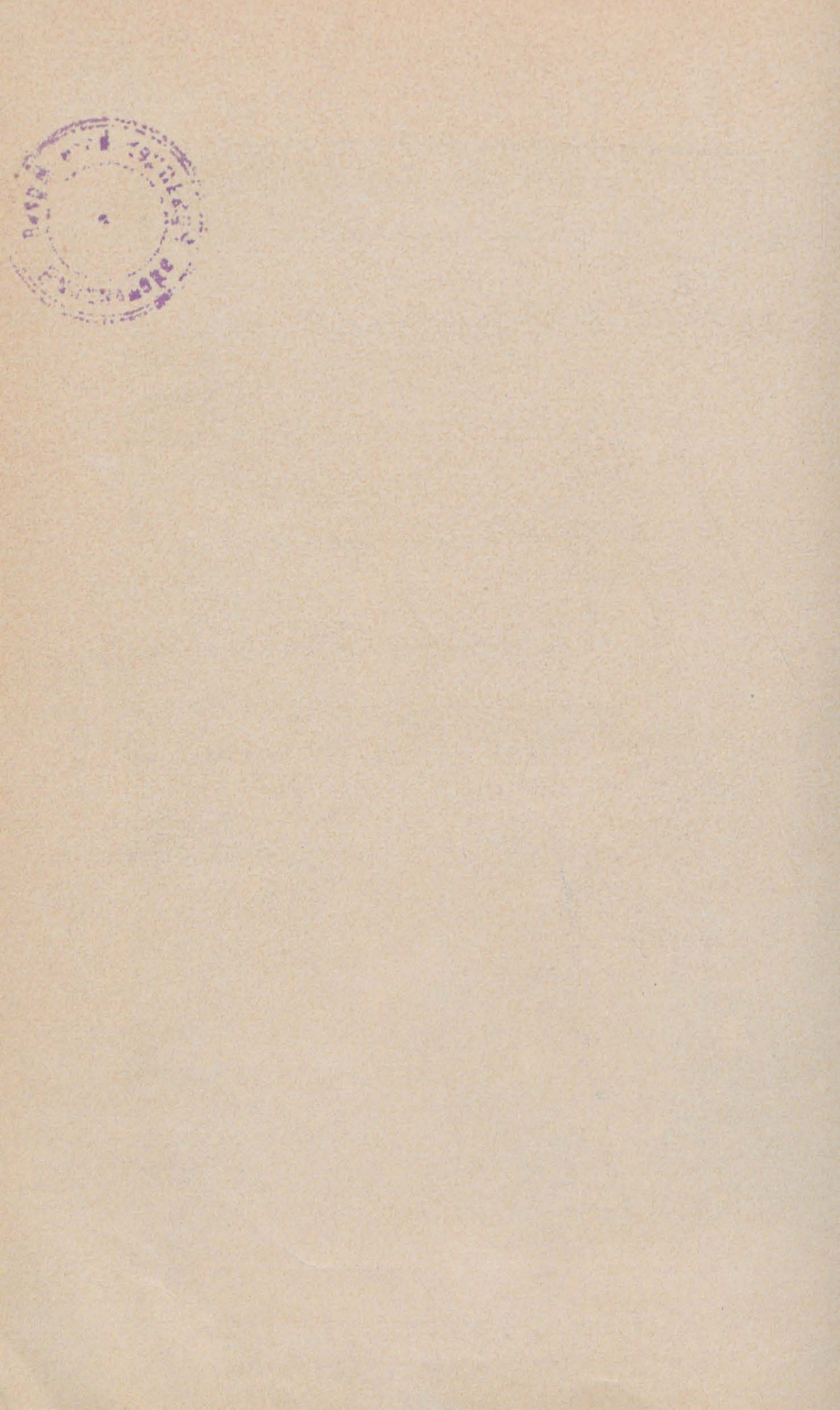
---

[1]) Приводимыя дополнительныя свѣдѣнія нами извлечены изъ дѣлъ инспектора сельскаго хозяйства А. фонъ-Фрикенъ послѣ напечатанія соотвѣтственныхъ страницъ очерка.

Автобіографія Феодора Широколобова.

Феодоръ Широколобовъ.

Вмѣсто предисловія.

Предлагаемая ниже автобіографія [1]) записана въ маѣ истекшаго года со словъ выдающагося убійцы Широколобова, о жизни котораго ходятъ по Сибири сотни легендарныхъ разсказовъ. Имя его, какъ убійцы высшаго искусства, стало нарицательнымъ даже на Сахалинѣ, этомъ коллекторѣ самыхъ необычайныхъ преступниковъ.

Эту интересную исповѣдь записалъ со словъ Широколобова его товарищъ по камерѣ. Полагая, что она можетъ имѣть значеніе только въ своемъ первоначальномъ видѣ, *совсѣмъ* не тронутая карандашомъ посторонняго человѣка, мы ее сдаемъ въ печать безъ всякихъ поправокъ, лишь выпустивъ немногія мѣста, неудобныя въ цензурномъ отношеніи.

Въ настоящее время, у насъ въ Россіи существуютъ спеціальныя изданія, посвященныя воспроизведенію по судебно-слѣдственнымъ матеріаламъ крупнѣйшихъ судебныхъ драмъ и процессовъ. Уродливости человѣческой психики, потемки преступной души привлекаютъ вниманіе своей страшной таинственностью.

Исповѣдь Широколобова не робкій и вялый разсказъ со скамьи подсудимаго, записанный судебнымъ хроникеромъ, а живая исторія цѣлой жизни, кровавая

---

[1]) Печаталась нами въ журналѣ „Юристъ“ за т. г. №№ 1, 3, 6, 9, 13 14, 28, 29 и слѣд.

повѣсть не только о преступленіяхъ раскрытыхъ, но, въ большей части, оставшихся внѣ раскрытія и наказанія.

Мы думаемъ, что не одному праздному любопытству можетъ удовлетворить это рѣдкое произведеніе русской каторги. Оно, съ одной стороны, представляетъ мѣткую бытовую картину сибирской жизни, съ другой, многогранное отраженіе преступной личности.

Весь инцидентъ съ засѣдателемъ чрезвычайно рельефно обрисовываетъ недавній засѣдательскій режимъ. Въ Сибири не было крѣпостного права, но давилъ гнетъ натуральныхъ повинностей, которыя могли быть доведены, по усмотрѣнію начальства, до настоящихъ каторжныхъ работъ или же раздробиться на отдѣльныя личныя услуги «вершителю судебъ». На этой именно почвѣ создалась «мірская рубашка»—клеймо, которымъ навсегда отнималась честь у женщинъ, обязанныхъ ради общественныхъ интересовъ поддерживать благосклонность сластолюбивыхъ начальниковъ.

Похожденія Широколобова среди инородцевъ также характерны для положенія этихъ несчастныхъ пасынковъ исторіи. Наконецъ всѣ изломы его интересной жизни въ яркихъ образахъ представляютъ язву сибирскаго быта—ссылку съ ея неизбѣжными почти кровавыми спутниками.

Широколобовъ былъ подвергнутъ тягчайшему наказанію, но оно не произвело въ душѣ его переворота въ сторону нравственнаго очищенія. Здѣсь есть, надъ чѣмъ задуматься...

Сифилисъ и алкоголизмъ подъ тяжелымъ молотомъ нищеты, невѣжества, дурныхъ примѣровъ улицы, отвратительныхъ условій домашней жизни куютъ человѣческую преступность, или по терминологіи Ломброзо типъ человѣка-преступника. Сложную, трудно-улови-

мую работу біологическихъ и соціальныхъ факторовъ преступности только довершаетъ уголовное наказаніе въ современной его организаціи. Тюрьма, къ какому-бы разряду она ни принадлежала, не исправляетъ порочнаго человѣка, а придаетъ ему самую совершенную шлифовку, кладетъ печать высшей формировки въ извѣстномъ отношеніи.

Наказаніе, не достигая цѣлей нравственнаго исправленія, вмѣстѣ съ обостреніемъ злой воли въ преступникѣ очень мало гарантируетъ общество отъ дальнѣйшихъ ея проявленій. Жизнь показываетъ, что у насъ нѣтъ тюрьмы, тяжелыя двери которой могли бы устоять передъ настойчивымъ стремленіемъ человѣка на волю. Паспортъ, пеленающій честнаго крестьянина, открываетъ преступнику безпрепятственный выходъ къ специфической «работѣ». Въ обширной Сибири сотрудники-спеціалисты всегда встрѣчаются во время. Тюрьма снабжаетъ каждаго своего питомца не только «видомъ», но и своеобразной картой. Кобылка, шпана идетъ къ своей цѣли по особому тракту, какъ говорятъ, по веревочкѣ, въ узлахъ которой обезпеченъ гостепріимный пріютъ и довольство. Здѣсь все организовано и предусмотрѣно. Случайности корректировались при старыхъ дореформенныхъ порядкахъ «бакшишомъ», а теперь такую-же роль играетъ присяга.

Въ потрясающей панорамѣ преступленій, о которыхъ разсказываетъ Широколобовъ, нельзя подмѣтить и тѣни хотя-бы мимолетнаго раскаянія. Воспоминанія о былыхъ подвигахъ въ душѣ автора вызываютъ то насмѣшливое отношеніе къ жертвамъ, то почти презрительное. Сознаніе собственнаго превосходства, личной силы не покидаетъ разсказчика. Его тянуло къ извѣстности, и черезъ десятки изуродованныхъ человѣческихъ труповъ онъ достигъ того, къ чему счи-

талъ себя призваннымъ. Когда былъ взятъ *послѣдній* призъ, онъ потерялъ охоту къ прежней жизни.

Еще поражаетъ въ преступникѣ изумительный реализмъ. Такъ, въ одномъ случаѣ, прострѣливъ своей жертвѣ голову, онъ добавляетъ: «не успѣлъ онъ окончить своего безсмысленнаго лепета, кака повалился на бокъ и прямо головой *въ воду, которая сдѣлалась отъ этого красной*». По другому поводу, о другой жертвѣ онъ говоритъ, что послѣ нанесеннаго имъ удара по головѣ: «кирпичъ разлетѣлся въ песокъ, а голова, *сѣдѣвшая уже, стала окрашиваться кровью, перемѣшанной съ мозгами*».

Полное спокойствіе при совершеніи преступленія и тонкая наблюдательность въ отношеніи мелочныхъ какъ-бы постороннихъ явленій чрезвычайно характерны для профессіональнаго преступника.

Мы ограничиваемся сдѣланными бѣглыми замѣчаніями, предполагая въ особой статьѣ разобрать болѣе детально настоящую исповѣдь въ связи съ автобіографическими матеріалами другихъ преступниковъ.

Научное значеніе автобіографіи преступниковъ въ настоящее время не оспаривается. Тюремныя надписи и признанія арестантовъ уже привлекли къ себѣ вниманіе Ломброзо. Имъ же придаетъ серьезное значеніе проф. Гансъ Гроссъ, издающій новый журналъ: «Archiv für Kriminalanthropologie und Kriminalistik».

Считаемъ нужнымъ добавить, что эта исповѣдь, при всей своей видимой полнотѣ, не все воспроизводитъ. Въ ней не нашли себѣ мѣста нѣсколько преступленій, совершенныхъ Широколобовымъ на Сахалинѣ во время побѣга. Опущены также подробности истязаній, которымъ подвергались его жертвы.

Широколобовъ составилъ себѣ репутацію не только количествомъ преступленій, но и пріемами и спосо-

бами убійствъ. Намъ приходилось слышать на Сахалинѣ о мрачныхъ подробностяхъ его ужаснаго искусства. Это былъ неподражаемый мастеръ уродовать трупы: одного убійства для него было мало, его неистощимый запасъ творчества требовалъ себѣ болѣе тонкой, болѣе адской работы... и на трупахъ оставалась марка, по которой въ мірѣ отверженныхъ догадывались объ авторѣ.

Н. Новомбергскій.

Приступая къ описанію своей жизни, считаю нужнымъ, господинъ начальникъ, сдѣлать оговорку, такъ какъ я пишу не изъ чувства раскаянія, а по вашей просьбѣ. Тѣ дѣянія, за которыя я былъ привлеченъ къ отвѣтственности, буду описывать безъ указанія времени и мѣста дѣйствія.

Родился я въ 1851 г. въ селеніи Черемховомъ, той-же волости, Балаганскаго уѣзда, Иркутской губерніи. Родители мои были рѣдкой честности крестьяне. Жили мы очень хорошо. Родители любили меня и хотѣли сдѣлать человѣкомъ: отдали въ училище, имѣвшееся въ нашемъ селеніи, учиться грамотѣ. Учился я порядочно, но за шалости былъ наказываемъ учителемъ неоднократно и жаловался на него роднымъ, которые смотрѣли съ родительской нѣжностью на это и послѣ частыхъ жалобъ, взяли меня изъ училища; послѣ этого я жилъ дома, ничѣмъ не занимаясь, до семнадцати лѣтъ. Жизнь я велъ въ это время свободную: родные меня не притѣсняли и я познакомился съ ребятами, занимавшимися темными дѣлишками, попадалъ съ ними въ просакъ, и роднымъ тогда приходилось платить за мои продѣлки не рѣдко по сто и болѣе рублей. Давалъ я своимъ друзьямъ отцовскихъ лошадей на кражу съѣздить или на убійство, самъ же еще на это не рисковалъ.

Однажды, будучи въ компаніи друзей, гулявшихъ послѣ заработочной ночи, я былъ ими обдѣленъ, благодаря моему нетрезвому состоянію. Тогда, потерявъ къ нимъ симпатію, я сталъ подыскивать себѣ новыхъ друзей.

Разъ, съ новымъ уже товарищемъ, мы отправились на «дѣло»: срѣзать чай у обозныхъ; срѣзали мы съ

нимъ два мѣста чаю, но будучи замѣчены ямщиками, сѣли на своихъ лошадей, впряженныхъ парой въ телѣгу, и пустились убѣгать. За нами, также на лошадяхъ, пустились въ погоню три ямщика. Мы начали отстрѣливаться изъ двухстволки, имѣвшейся у насъ, при чемъ отъ перваго выстрѣла была убита лошадь, а отъ второго былъ раненъ ямщикъ, но, несмотря на это, мы не спаслись: была близко деревня, жители которой знали моихъ лошадей, и поэтому я былъ дома арестованъ. И дѣло кончилось тѣмъ, что я, благодаря отцовскимъ хлопотамъ и затратѣ нѣкоторой суммы, былъ приговоренъ тогдашнимъ стряпчимъ или полиціей, не помню, на одинъ годъ къ тюремному заключенію. Это было начало вступленія моего въ тюрьму. Тюрьма мнѣ показалась не весьма пріятнымъ убѣжищемъ, въ которомъ приходится на своемъ вѣку не разъ отдыхать отъ бурной воли почти каждому, кто занимается такимъ дѣломъ, какъ я. Посидѣвъ въ тюрьмѣ мѣсяца два—три, я маленько попривыкъ къ своему новому положенію; познакомился съ нѣкоторыми ребятами, отъ которыхъ почерпнулъ нѣсколько мудрости въ нашемъ дѣлѣ и сталъ сидѣть такъ же беззаботно, какъ и мои товарищи по заключенію.

Родители мои настолько меня любили, что опять хотѣли сдѣлать человѣкомъ, но на этотъ разъ не путемъ ученья грамотѣ, а другимъ—женитьбой.

По ихнему всѣ мои продѣлки ничто иное, какъ результатъ втіянія дурныхъ товарищей, которые послѣ моей женильбы должны порвать со мною всякія связи. Болѣзнь матери моей содѣйствовала также моей женитьбѣ: мать при жизни своей хотѣла видѣть свое любимое дѣтище пристроеннымъ къ семейному очагу. Невѣста моя была избранницей моего сердца; препятствій къ браку не имѣлось, но такъ какъ мнѣ не было восемнадцати лѣтъ, то малолѣтіе мое являлось единственной помѣхой семейному желанію. Чтобы преодолѣть это препятствіе, отецъ по наставленію свѣдущихъ людей обратился къ архіерею за разрѣшеніемъ на мой бракъ, основываясь на болѣзни матери, желавшей при жизни осуществить свою завѣтную мечту—

женить своего единственнаго любимаго сына. Архіерей разрѣшилъ и свадьба была сыграна. Предчувствіе матери сбылось: она спустя три мѣсяца послѣ моей женитьбы умерла. Мы съ женой стали жить мирно, взаимно любя другъ друга; я бросилъ все дурное, что только признавалъ дурнымъ. Такъ я прожилъ съ женой полтора года, а потомъ жизнь моя измѣнилась къ худшему: жена умерла отъ родовъ, а спустя годъ умерла и виновница смерти своей матери—дѣвочка.

Не считая отца, я былъ опять одинокъ и, по свойственному мнѣ инстинкту стаднаго животнаго, пріобщился опять къ прежнимъ своимъ друзьямъ, съ которыми сталъ творить по прежнему разныя пакости.

Однажды съ однимъ товарищемъ мы отправились обворовать лавку въ другомъ селеніи, отстоящемъ верстахъ въ сорока отъ нашего. Пріѣхали ночью, взломали замки и нагрузили возъ всевозможными товарами, но тотчасъ были замѣчены и стали убѣгать на своихъ лошадяхъ вмѣстѣ съ награбленнымъ товаромъ; крестьяне намъ не могли что-либо сдѣлать, такъ какъ у насъ имѣлись хорошія средства къ самозащитѣ въ видѣ ружей, револьверовъ и ножей. Они обратились за помощью задержать насъ къ конвойной командѣ, находившейся въ двухъ верстахъ отъ селенія, въ обязанность которой входило тогда давать помощь населенію въ случаѣ подобнаго происшествія. Преслѣдуемые солдатами и крестьянами, соединившимися для этой цѣли вмѣстѣ, мы стали убѣгать отъ нихъ прямо по дорогѣ на своихъ коняхъ; но, благодаря разсвѣту, у насъ убили лошадь. Не имѣя возможности продолжать бѣгство на коняхъ вмѣстѣ съ товаромъ, мы бросились въ недалеко растущіе кусты и стали въ нихъ пробираться, убѣгая такимъ образомъ дальше отъ преслѣдователей, но въ это время мой товарищъ упалъ замертво, простреленный пулей. Я же бѣжалъ.

По лошадямъ и убитому товарищу было дознано, откуда были преступники. Привлеченная властями къ дознанію жена убитаго моего товарища созналась, что я съ ея мужемъ былъ участникомъ въ преступленіи. Провѣдавъ стороной, что грозитъ мнѣ отвѣтственность,

я нашелъ подставныхъ свидѣтелей, которые ради денегъ и водки показали подъ присягой истинную ложь, служившую мнѣ оправданіемъ. Такъ все и затихло.

Но коварную бабенку надо было наказать за то, что, будучи женой моего достойнаго товарища, не могла удержать языка за зубами. Для этого я отправился ночью туда, гдѣ жила болтунья, и, посмотрѣвъ черезъ окно въ избу, увидѣлъ, что тамъ было, помимо ея, двѣ постороннихъ личности, которыя могли-бы своимъ присутствіемъ помѣшать мнѣ произвести задуманное. Можно-бы было придти другой разъ или убить теперь всѣхъ находящихся въ избѣ, чтобы удовлетворить своей мстительной алчности, но я перваго не сдѣлалъ за отсутствіемъ терпѣнія, а на второе не рѣшился, такъ какъ двухъ ни въ чемъ невиновныхъ людей убить было бы глупо; поэтому я ограничился выстрѣломъ изъ револьвера черезъ окно, при чемъ ранилъ виновную въ ногу и скрылся. Этой местью я возобновилъ опять во всѣхъ властяхъ подозрѣніе на счетъ совершеннаго преступленія, отъ котораго, благодаря ложнымъ свидѣтелямъ, только что отдѣлался. Потерпѣвшая сказала, что больше въ нее стрѣлять некому, какъ мнѣ, такъ какъ она показала, что я былъ съ ея мужемъ на преступленіи.

На основаніи этихъ данныхъ заподозрѣли меня въ кражѣ и покушеніи на убійство. Я былъ посаженъ до выясненія слѣдствіемъ моей виновности въ «волосную», которая не уступала по своей строгости содержанія иной уѣздной тюрьмѣ. У насъ бывали частыя преступленія, поэтому необходимость имѣть подъ рукой такое помѣщеніе для лицъ, совершающихъ оныя, весьма понятна. Но не смотря на прочность и строгость содержанія, я въ числѣ другихъ своихъ товарищей убѣжалъ изъ крѣпости, перевязавъ приставниковъ.

Очутившись на волѣ, я подобралъ себѣ товарищей и началъ грабить бурятскіе улусы, при чемъ грабились только деньги и надо отнести къ моей честности, что не было совершено при томъ ни одного убійства. Великодушничать такъ мнѣ не пришлось долго: въ этихъ мѣстахъ въ одну недѣлю было совершено восемь такихъ грабежей, по случаю чего были разстав-

лены по улусамъ патрули съ цѣлью поймать или убить меня; со своей шайкой я перекочевалъ въ Енисейскую губернію.

Тамъ я раза три-четыре сходилъ на пріиски въ качествѣ спиртоноса, скупалъ золото. Увидавъ одного парня, похожаго на меня, и, убивъ его, я завладѣлъ его паспортомъ и проживалъ по немъ до тѣхъ поръ, пока не вышелъ ему срокъ; потомъ я нашелъ какого-то пьяницу, служившаго писаремъ въ одной деревушкѣ, и за пятнадцать рублей онъ мнѣ вытребовалъ новый паспортъ изъ того же селенія, гдѣ былъ приписанъ убитый владѣлецъ стараго паспорта. Пріобрѣтя новый видъ на жительство, позволявшій мнѣ срокомъ въ теченіе цѣлаго года жить, гдѣ мнѣ вздумается, я пристроился въ одномъ большомъ селеніи кабатчикомъ, вложивъ триста рублей залогу.

Торгуя въ кабакѣ, я слылъ хорошимъ парнемъ и обратилъ на себя вниманіе одной «маменьки», дочь которой была молодая вдовушка, изъявившая и свое согласіе на сочетаніе бракомъ со мною. Метрическія свидѣтельства были также вытребованы изъ того общества, что и паспортъ. Женившись на вдовушкѣ, я бросилъ кабацкую торговлю и по просьбѣ своей жены переселился къ ней въ домъ вести хозяйственную часть, касающуюся мужчины. Но полной воли по хозяйству старуха-теща мнѣ не представляла, ссылаясь на нашу съ женой неопытность по случаю молодости. Она говорила: «еще будетъ время самимъ ломать голову, а теперь пока живите въ свое удовольствіе семейной молодой жизнью».

Прійдя къ заключенію, что удаленіе тещи изъ семьи будетъ для меня выгодно, я началъ придумывать такой планъ убійства своей тещи, который бы не бросилъ на меня тѣни подозрѣнія. Надо было, чтобы она пропала безъ вѣсти, случай же къ тому былъ всегда подъ рукй: скотина паслась безъ пастуха и ее нужно было почти каждый день ходить загонять домой изъ тайги; это дѣлали иногда мат или дочка.

Какъ-то подъ предлогомъ извѣстнаго для семейства дѣла, я осѣдлалъ коня, и отправился въ тайгу... кара-

улить свою тещу. Наблюдалъ я тамъ за ней три дня, но все не представлялось случая осуществить свой замыселъ; первый вечеръ мѣшали мнѣ посторонія бабы, загонявшіе также коровъ. Я и не показался по этому ни тещѣ, ни кому... На другой вечеръ пришла жена, которой я также не показался, но на третій вечеръ я ухитрился задавить тещу. Задавивъ ее, я спряталъ трупъ ея подъ валежникъ и направился изъ тайги, но въ это время появился мужикъ — нашъ сосѣдъ и, поздоровавшись со мной, спросилъ, зачѣмъ я въ тайгѣ. Я ему сказалъ, что ищу своего коня, который куда-то ушелъ въ то время, какъ я отдыхалъ. Онъ усмѣхнулся себѣ въ усы и удалился на почтительное разстояніе, поглядывая на меня съ улыбкой. Я его спросилъ, чего онъ смѣется: «Да такъ себѣ» отвѣчаетъ и опять смѣется «Да чего, дуракъ, смѣешься и сторонишься такъ меня, что ты сумасшедшій, что ли?» «Нѣтъ я не сумасшедшій, а сторонюсь тебя, добрый человѣкъ, отъ того, что здѣсь тайга и ты можешь сдѣлать со мной такъ-же, какъ со своей тещей». Я вижу, что дѣло дрянь, хочу схватить его, но онъ, бестія, хитрый, сторонится. Такъ мы съ нимъ вышли на дорогу, а на встрѣчу намъ ѣдутъ мужики. Я изъ боязни быть ими схваченнымъ, удалился съ дороги въ тайгу, но мой спутникъ съ ними поздоровался и пошелъ себѣ дальше. Тогда я вернулся къ трупу тещи, взвалилъ его къ себѣ на сѣдло и поскакалъ по направленію къ той деревнѣ, куда мнѣ надо было ѣхать по дѣлу, извѣстному семейству, и на которое я ссылался, выѣзжая изъ дому. По дорогѣ я нашелъ укромное мѣстечко для своей тещи и спряталъ ее тамъ, засыпавъ толсто землею. Пріѣхавъ въ то селеніе, въ которомъ у меня было семейное дѣло, я справился съ нимъ, и поѣхалъ обратно домой. Была ночь, когда я пріѣхалъ домой.

Жена моя меня встрѣтила со слезами на глазахъ, говоря, что мамы вотъ уже четвертыя сутки нѣтъ, что она, навѣрно, утонула гдѣ-нибудь, что мужики ее искали въ рѣкѣ, но не нашли почему-то. Я вижу, что мужикъ не сказалъ ничего о томъ, что я сдѣлалъ съ тещей. «Но почему онъ не сказалъ? задавался я вопросомъ,

который, впрочемъ, скоро разъяснился; мужикъ потребовалъ съ меня за молчаніе коня и сорокъ рублей деньгами. Я ему далъ, но онъ этимъ не удовлетворился и продолжалъ свой шантажъ.

Мнѣ этотъ живой свидѣтель не былъ нуженъ. Я сталъ искать случая избавиться отъ такого свидѣтеля; черезъ небольшой промежутокъ времени мнѣ удалось застать своего врага, ночью, на рѣкѣ, лучащимъ рыбу въ одной лодкѣ со своимъ работникомъ-поселенцемъ. Народу на рѣкѣ было много. Лучили рыбу. Я изъ винтовки выпалилъ въ мужика; но такъ какъ онъ, сидя въ лодкѣ, качался на водѣ, то я убилъ не его, а сидѣвшаго недалеко работника-поселенца, мужика-же легко ранилъ въ поясницу, пролетѣвшей насквозь поселенца пулей. Видя неудачу, я хотѣлъ еще разъ въ него стрѣлять, но, пока заряжалъ для этого винтовку, онъ выпрыгнулъ изъ лодки и поплылъ къ берегу противоположному выстрѣлу; тѣмъ онъ и спасся.

Отправляясь домой, по пути я повстрѣчался съ двумя рыбаками, которые, поздоровавшись со мною, спросили: «Что на солонцы ходилъ, видно, съ ружьемъ-то?— Я имъ отвѣтилъ, что ходилъ на солонцы. Придя домой, я началъ придумывать другой какой-нибудь способъ избавиться отъ моего сосѣда. Но какъ стало разсвѣтать, меня пригласили въ волость. Тамъ рыбаки показали, что видѣли меня съ ружьемъ сейчасъ же послѣ происшествія и идущимъ какъ разъ съ того мѣста, откуда былъ произведенъ выстрѣлъ; мужичекъ-сосѣдъ показалъ, что стрѣлялъ въ него никто иной, какъ я,—за что только не сказалъ. Стали, какъ заподозрѣннаго, допрашивать меня въ покушеніи на убійство, но я не сознавался и видя, что грозитъ опасность, сталъ у волостныхъ властей проситься домой поужинать, объясняя, что я такой же крестьянинъ, какъ и они, и что, по случаю стеченія лишь какихъ-то обстоятельствъ, попалъ въ подозрѣніе, что моя невинность окажется, благодаря разъяснившемуся недоразумѣнію, и будетъ тогда имъ же, т. е. волостнымъ заправиламъ, совѣстно смотрѣть въ глаза мнѣ, какъ человѣку невинно страдавшему. Вернувшись къ себѣ, я захва-

тилъ нѣсколько денегъ и винтовку, и отправился бродить.

Прошлявшись въ тайгѣ съ недѣлю, я пришелъ ночью къ своей женѣ узнать, какъ обстоитъ дѣло насчетъ того покушенія. Жена моя заплакала и сообщила, что мужики цѣлую недѣлю по ночамъ меня караулили около избы, чтобы арестовать, и могутъ, пожалуй, и теперь притти за мной. Прежде чѣмъ убраться, я потолковалъ съ женой, подумалъ, что жить мнѣ было дома нельзя, да и не зачѣмъ: капиталъ своей тещи я наслѣдовать не могъ, распродавать хозяйство не было ни времени, ни возможности. Оставалось только убираться по добру, по здорову. Сказалъ я обо всемъ этомъ и женѣ своей, которая запротестовала горячо, имѣя свой планъ и свое желаніе, а именно: я долженъ удалиться опять изъ селенія куда-нибудь и дождаться тамъ, пока она не продастъ все хозяйство и не возьметъ материны деньги изъ банка, и тогда уже мы съ ней должны ѣхать ко мнѣ въ Томскую губернію и жить тамъ на моей будто бы родинѣ. Бѣдная! она вѣрила, что я крестьянинъ Томской губерніи и что дѣйствительно согласенъ на ея предложеніе уѣхать съ ней въ свою губернію. Взявши съ собой пятьдесятъ рублей денегъ и винтовку, я ушелъ, оставивъ ее беременной дожидаться моего возвращенія.

Съ тѣхъ поръ, какъ я оставилъ свои Палестины, прошло слишкомъ два года. Желаніе властей изловить меня или убить поулеглось уже. Можно было начинать опять свои дѣйствія въ знакомыхъ мѣстахъ. Пріѣхавъ на родину, я, не показываясь никому, пріискалъ притонъ у одного бывшаго казака, сосланнаго сюда изъ Россіи уже болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ. Живя у него, я обворовалъ много лавокъ и еще кое-что сдѣлалъ, но объ этомъ послѣ. Часто что-нибудь изъ краденаго я давалъ своей квартирной хозяйкѣ и хозяину, при чемъ хозяйка любила въ подаренномъ платкѣ или въ платьѣ изъ краденаго ситца пощеголять, а кумушки и сосѣдки, знавшія хорошо состояніе ихнее, поинтересовались спросить у нея, изъ какихъ источниковъ она такъ наряжается.—Та объяснила причину

пріобрѣтенія обновокъ откровенно и сосѣди съ кумушками стали искать сближенія со мной, въ надеждѣ и себѣ кое-что заполучить у добраго квартиранта. Такимъ путемъ извѣстія о моемъ пребываніи распространялись все болѣе и болѣе, и я долженъ былъ въ силу необходимости перемѣнить убѣжище.

Одинъ мужичекъ, изъ себя скромный такой, имѣлъ въ тайгѣ дегтярный заводишко; я, познакомившись съ нимъ, перебрался туда къ нему и былъ спокоенъ: я зналъ, что новый мой хозяинъ воровалъ у братскихъ [1]) кой-когда скотину. Однажды я далъ ему маленькое порученіе купить въ селеніи патроновъ для моей винтовки, такъ какъ у меня ихъ уже не было; онъ согласился. Но, вмѣсто того, чтобы выполнить свое обѣщаніе, отправился къ начальнику конвойной команды и заявилъ ему, что такой-то Широколобовъ находится у него на заводѣ и что его хорошо теперь будетъ арестовать, такъ какъ у него нѣтъ ни одного патрона. Начальникъ конвойной команды назначилъ и отправилъ восемь человѣкъ солдатъ для содѣйствія крестьянамъ въ заарестованіи меня. Я въ это время спалъ ничего не подозрѣвая, но выстрѣлы заставили меня проснуться. Я вскочилъ и вижу, что окруженъ со всѣхъ сторонъ солдатами и крестьянами, которые тутъ же начали въ меня стрѣлять, стараясь непремѣнно убить меня. Навѣрно, крестьяне хотѣли избавиться отъ меня разъ навсегда, какъ отъ опаснаго для нихъ человѣка, солдаты же въ меня не стрѣляли, потому что моя голова уже стала входить въ цѣну, и имъ было приказано меня ловить, а не убивать. Крестьяне же другое дѣло, они считали себя вправѣ убить меня, такъ какъ я вредъ дѣлаю не солдатамъ, молъ, и не начальству, пославшему ихъ ловить меня, а лишь крестьянамъ. Вотъ они на этомъ основаніи, не слушая приказаній фельдфебеля «не стрѣлять», хотѣли убить меня. Самъ кандидатъ (помощникъ старосты) два раза выстрѣлилъ въ меня изъ револьвера, но оба раза промахнулся, а другой кто-то, направивъ прицѣлъ повѣрнѣе, всадилъ мнѣ

[1]) Братскими называются въ Восточной Сибири буряты.

изъ двустволки порядочно дроби въ спину и ноги. Я тогда не сопротивлялся, сознавая невозможность борьбы. Меня взяли, связали и били такъ сильно, что разбивали объ мою голову раза два ружейные приклады.

Долго я не могъ прійти въ сознаніе послѣ этой передѣлки, лежа въ тюремной больницѣ города Балаганска, гдѣ я очутился. Въ Балаганской тюрьмѣ я сидѣлъ, пока длилось слѣдствіе, а затѣмъ былъ отправленъ въ Нижне-Удинскъ на судъ. По разнымъ преступленіямъ осудили меня въ Нижне-Удинскѣ въ исправительное арестантское отдѣленіе, а спустя полтора мѣсяца вызвали на слѣдствіе по дѣлу, которое я совершилъ въ то время, какъ пришелъ въ свои мѣста, съ однимъ парнемъ, при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Мы убили одного проѣзжаго барина изъ россійскихъ, при чемъ взяли у него въ числѣ денегъ и разныхъ вещей фляжку для вина (или чего хотите), изображавшую боченокъ, въ серебряной оправѣ съ иниціалами убитаго. Товарищъ мой по этому дѣлу пожелалъ фляжку взять себѣ, въ счетъ приходившихся на его долю вещей и денегъ. Я на это не соглашался, такъ какъ боялся, чтобы онъ не попался съ этой фляжкой, но онъ, увѣряя меня, что все серебро съ фляжки обдеретъ, продолжалъ настаивать на своемъ. Успокоенный его обѣщаніемъ, я сдѣлалъ уступку, но товарищъ обѣщанія своего не сдержалъ, сталъ продавать, какъ ребенокъ, вещицу и попался. На допросѣ разсказалъ все, какъ по писанному. За это убійство мнѣ назначилъ судъ семнадцать съ половиной лѣтъ каторжныхъ работъ.

Въ это время въ тюрьмѣ, гдѣ я содержался, какъ разъ производился ремонтъ; народу въ ней содержалось тогда около шести сотъ человѣкъ обоего пола. Главную часть надзора за содержащимися производили бабы,—какъ это ни странно покажется, но это было такъ. Мужчины и женщины содержались въ одномъ помѣщеніи и не были тѣснимы начальствомъ ни въ чемъ, касавшемся содержавшихся. «Ихъ будутъ бабы караулить», говаривалъ не одинъ начальникъ тогдашняго добраго стараго времени, отправляя этапомъ мно-

гочисленную партію арестантовъ съ малымъ почти ничтожнымъ числомъ конвоя. И дѣйствительно, это мудрое мнѣніе, что «будутъ бабы караулить» оправдывалось, какъ не можетъ быть лучше. Быть можетъ, и въ данномъ случаѣ, когда мнѣ понадобилось убѣжать, благодаря свободѣ въ тюрьмѣ, начальство полагалось на бдительность бабъ. Но я убѣжалъ изъ тюрьмы, благодаря бабамъ и одной бабѣ въ особенности, которая отвлекла вниманіе часового, охранявшаго, по понятію начальства, самое возможнѣйшее для побѣга мѣсто.

Я очутился на свободѣ, при мнѣ было два документа: одинъ на имя поселенца, другой вытравленный, который оказался негоднымъ, такъ какъ я его подмочилъ и на немъ выплылъ прежній слѣдъ письма. По поселенческому виду на жительство я сталъ работать по бурятскимъ улусамъ по плотницкой части; со мной расплачивались добросовѣстно. У одного богатаго бурята я, по его просьбѣ, остался, въ качествѣ батрака. Такое мѣсто мнѣ было на руку, тѣмъ болѣе, что я желалъ познакомиться съ казной бурята, благодаря знакомству съ Кампорой (одна изъ трехъ, имѣвшихся у него женъ, самая младшая), съ которой я завелъ сношенія до поступленія еще въ работники. Жилъ я у аржута (хозяина), какъ свой; онъ мнѣ очень довѣрялся. Съ его сыномъ, Тараемъ, я завелъ тѣсную дружбу, укрѣпившуюся на почвѣ медвѣжьей охоты. Мы съ нимъ часто ходили на медвѣдя и всегда успѣшно. Охотникъ онъ былъ отличный, да и я на свою руку не клалъ оплошки, онъ вполнѣ это цѣнилъ. Однажды я поѣхалъ съ отцомъ и сыномъ въ Жигалово продавать муку и настоялъ на томъ, чтобъ купить новую хорошую винтовку, которую аржутъ считалъ не нужной вовсе, такъ какъ у него имѣлись двѣ кремневки, я же хотѣлъ ею воспользоваться, когда придетъ время. Да и аржуту пришлось сознаться въ томъ, что имѣть такое ружье выгодно: вскорѣ мы съ Тараемъ убили изъ него двухъ медвѣдей удивительной величины.

Благодаря ловкости въ охотѣ, я въ короткое время

завоевалъ симпатіи не только своихъ хозяевъ, но даже всѣхъ почти сосѣдей. Аржутъ же былъ отъ меня на седьмомъ небѣ, часто подшучивалъ надо мной въ присутствіи Кампоры—очевидно. не подозрѣвая нашего съ ней интимнаго знакомства—на ту тему, что я человѣкъ молодой, мнѣ нужна баба и онъ можетъ со мной подѣлиться: ему хватитъ теперь двухъ бабъ. Кампора отъ шутки своего стараго мужа, бывало, краснѣетъ и, убѣгаетъ, смѣясь, изъ избы. Ко мнѣ она привязанность имѣла настолько, что позволила подготовить себя порядочно для достиженія моей цѣли, указала, гдѣ находятся у аржута деньги, изъ которыхъ я, какъ мы условились, долженъ былъ взять столько, чтобъ хватило намъ съ ней для побѣга. Говорить ей правду относительно похищенія всей суммы стараго мужа я не находилъ нужнымъ,—совѣсть у нея еще не совсѣмъ была выработана, чтобы, убѣгая, рѣшиться обобрать своего властелина, что называется, въ чистую. Она могла, испугавшись грандіознаго моего замысла, выдать меня. Къ тому же я не особенно довѣрялъ ея любви ко мнѣ. Соглашаться она могла, какъ я думаю, на мое предложеніе только по случаю нападокъ на нее двухъ старшихъ женъ, которыя злоупотребляли предоставленными имъ аржутомъ преимуществами. Соглашалась также и потому, что строгость и холодность къ ней ея мужа не отвѣчали на нея требованія совсѣмъ другого качества. Я ей предложилъ креститься и выйти за меня замужъ, она согласилась.

Приближалось время свадьбы Тарая, она являлась самымъ удобнымъ случаемъ для осуществленія нашего замысла, котораго ни Кампора, ни я не давали возможности подозрѣвать. Я горячо хлопоталъ по хозяйству, содѣйствуя предстоящей свадьбѣ. Женитьба Тарая состоялась какъ разъ подъ праздникъ Рождества Христова. Описывать свадебный обрядъ этихъ дикарей я не стану, такъ какъ не чувствую себя въ этомъ достаточно твердымъ; скажу только, что безъ вина у нихъ свадьба не обходится. Они накурили цѣлыя бочки самосадки «тарасунъ» и, созвавъ съ сосѣднихъ улусовъ своихъ родныхъ и знакомыхъ, пили ее до тѣхъ поръ,

пока, спившись, попадали, кто гдѣ попало. Когда это случилось, настала моя страда. У этихъ инородцевъ женщины носятъ на одеждѣ золотыя и серебряныя монеты разнаго достоинства и моржаны (кораллы) на шеѣ. Такъ какъ у нихъ и женщины соперничаютъ съ мужчинами въ этой вакханаліи, то ихъ здѣсь валялись не менѣе мужчинъ, въ особенныхъ нарядахъ, украшеніемъ которыхъ служили упомянутые монеты, которыя я и принялся съ нихъ обрывать. Наобрывалъ я монетъ и корралловъ много; потомъ, прійдя къ Кампорѣ, увидалъ, что она сидитъ и плачетъ. Я спросилъ ее о причинѣ слезъ и узналъ, что ей какъ-то жутко бѣжать отъ мужа, который, если побѣгъ — не дай Богъ, не удастся—убьетъ ее. Тогда я попробовалъ нарисовать ей перспективу ея будущей жизни, если она останется здѣсь жить съ двумя старшими его женами, которыя —говорилъ я—подозрѣвали мою съ ней интимность и послѣ моего ухода будутъ ее грызть пуще прежняго, а мужъ, увидѣвши также все, пожалуй, убьетъ ее. На мои доводы она пуще заплакала, но, поколебавшись немного, показала, гдѣ находятся стариковы деньги, причемъ упрашивала не брать только всѣхъ со шкатулкой. Я, разумѣется, пообѣщалъ исполнить ея просьбу, но взялъ все, со шкатулкой, затѣмъ запрегъ тройку тѣхъ коней, которые, какъ я зналъ, самые лучшіе, такъ что погоня ни въ какомъ случаѣ успѣшной быть не могла.

Запрягши лошадей, я ихъ поставилъ на гумнѣ съ тѣмъ, чтобы никто не видалъ ихъ, а самъ пошелъ въ избу къ Кампорѣ, которая, одѣвшись, какъ пугало, сидѣла на приготовленныхъ съ чѣмъ-то узлахъ. Я, захвативъ ту винтовку, что купили въ Жигаловѣ и сотни двѣ къ ней снаряженныхъ гильзъ, велѣлъ Кампорѣ итти на гумно съ узлами вмѣстѣ и садиться тамъ въ готовыя сани, а самъ принялся обшаривать напослѣдокъ въ сундукахъ, въ надеждѣ найти еще что-либо, но ничего не нашелъ, исключая трехъ шелковыхъ кушаковъ, которые снялъ съ лежавшихъ тутъ-же въ избѣ гостей. Прійдя на гумно, я увидалъ, что Кампора сидитъ въ саняхъ со своими узлами, закутавшись въ доху;

она заторопила меня поскорѣе уѣзжать отсюда, а то, чего добраго, что-нибудь помѣшаетъ, тогда «онъ» ее убьетъ, но я успокоилъ ее на этотъ счетъ.

Вскорѣ мы были верстахъ въ двадцати пяти отъ улуса. Она уже не безпокоилась и сидѣла смирно, закутавшись въ свою доху такъ, что только виднѣлась одна мордочка.

Ночь была морозная, луна свѣтила. Я началъ по пути присматриваться, куда бы получше спровадить свою Кампору. Она ничего не подозрѣвала и только время отъ времени задавала свои вопросы: скоро-ли мы пріѣдемъ въ мою избу... добавляя «креститься бы скорѣе да свадьбу сыграть». Въѣхавъ на р. Ангару, я остановилъ лошадей, подъ предлогомъ необходимости отыскать прорубь, чтобы напоить коней, съ которыхъ, такъ и валилъ паръ коромысломъ. Но мнѣ какое дѣло, пойметъ-ли она или нѣтъ. Проруби поискать мнѣ пришлось долго, но все-таки нашелъ.

Вернувшись къ своей Кампорѣ, я не зналъ, съ чего начать свое дѣло, а начать его мнѣ почему-то казалось нужнымъ. Она же ничего не подозрѣвала, все продолжая свои вопросы на ту же тему, скоро-ли пріѣдемъ ко мнѣ и т. д. Такимъ образомъ, потоптавшись около лошадей, не зная съ чего начать, я подошелъ къ ней со словами: «ну, Кампора слазь»! Она, показывая на виднѣвшуюся вблизи деревню, откуда слышались собачій лай и пѣніе пѣтуховъ, спросила: «развѣ твой домъ тутъ въ этой деревнѣ?» Я ей на это сказалъ, что здѣсь, она должна снять доху, такъ какъ мы должны (будто-бы) явиться въ деревню пѣшкомъ, такъ какъ собаки, увидавъ доху, взбудоражатся. Она покорно сняла свою доху, которая мнѣ мѣшала схватить свою Кампору за глотку: именно надо было такъ, а не иначе. Селеніе близко; если крикнетъ, что можетъ, конечно, случиться, если плохо схватить за голову, значить дѣлу крышка, можетъ будетъ погоня, пойдутъ розыски. Душить надо было непремѣнно, и вотъ, чтобы было удобнѣе и чтобы дать дѣлу, какъ говорится, законный видъ, я началъ съ того, что заставилъ свою жертву снять подъ извѣстнымъ уже предло-

гомъ сперва доху, а потомъ, что-то говоря, что по моему мнѣнію, не давало повода заподозрѣть злого намѣренія, но въ то же время и отвлекало вниманіе, схватилъ ее за глотку и задавилъ безъ особенной затраты на то своей энергіи.

Задавивъ такимъ образомъ свою невѣсту, я потащилъ ее, взваливъ себѣ на плечо, къ проруби. Раздѣвъ ее, я сунулъ тѣло въ воду, будучи увѣренъ, что близко трупъ нигдѣ не зацѣпится, такъ какъ видалъ, какъ его сразу потянуло теченіемъ подъ ледъ. Послѣ того я хотѣлъ и шубу туда спустить, но, замѣтивъ на ней серебряныя монеты, сталъ ихъ обдирать, а потомъ ужъ бросилъ подъ ледъ. Прійдя къ лошадямъ, я все нашелъ въ порядкѣ, несмотря на то, что какая-то бродячая собака рылась въ саняхъ. Ударилъ я по ней стволомъ имѣвшейся у меня въ рукахъ винтовки. Она, отбѣжавъ на середину рѣки и поднявъ голову къ лунѣ, завыла такъ жалобно, что мнѣ стало жалко ее. Я досталъ изъ сивника хлѣба и, посвиставъ ей, бросилъ его. «Поминай, молъ, бѣдную Кампору», подумалъ я и погналъ опять отдохнувшихъ коней.

Теперь я поѣхалъ въ свои мѣста, гдѣ у меня имѣлись счеты со многими личностями за причиненный мнѣ вредъ при арестованіи на дегтярномъ заводѣ.

Засвѣло. Ну-ка, думаю себѣ, сколько-же тутъ есть въ этой шкатулкѣ и ударяю ее прикладомъ, но она оказывается желѣзной, а выкрашена такъ, что и не подумаешь, что это не дерево. Когда я, попытавшись еще какъ-нибудь ее открыть или разбить, убѣдился, что ничего съ ней не подѣлаешь, оставилъ ее до тѣхъ поръ, пока пріѣду въ свои мѣста и тамъ, конечно, найду средство разбить или открыть. А пока, въ одномъ большомъ селеніи, я обмѣнилъ монеты и кораллы на чистыя деньги, при чемъ, разумѣется, не получилъ и половины той суммы, сколько значили сами собой монеты. Пріѣхавъ во-свояси, я себѣ нашелъ пріютъ у одного знакомаго человѣка, въ сосѣдней съ нашей деревнѣ, и жилъ у него, ни кѣмъ и ни въ чемъ не подозрѣваемый. Занимался я по большей части по хозяйству у своего хозяина, такъ какъ въ день-

гахъ я не нуждался: въ шкатулкѣ я нашелъ тысячу семьсотъ рублей. У меня было около двухъ тысячъ наличными деньгами, кромѣ того были кони (я ихъ, впрочемъ, подарилъ своему хозяину), одежда, дохи дорогія и пр.

Живя, такимъ образомъ, честною жизнью, я имѣлъ свободное время выслѣживать своего предателя дегтярника, который въ продолженіи всей зимы ходилъ по обыкновенію въ глубь тайги за матеріаломъ, т. е. за берестой, изъ которой онъ гналъ деготь. Но мнѣ приводить свой замыселъ въ исполненіе тогда было не подходяще, такъ какъ снѣгъ могъ показать слѣды преступленія, я же хотѣлъ сдѣлать почище, чтобы никому и въ носъ не ударило. Дождавшись весны, я сталъ выслѣживать хозяина, и вотъ въ одно прекрасное время застаю его въ тайгѣ, добывающимъ свой матеріалъ-бересту. Съ нимъ былъ мальчикъ, его сынъ, лѣтъ двѣнадцати-тринадцати, котораго оставить, какъ свидѣтеля, нельзя, убивать же ни въ чемъ неповиннаго мнѣ не хотѣлось. Поэтому я отложилъ свое намѣреніе до слѣдующаго, болѣе удобнаго случая. Меня ни отецъ, ни сынишка не видали. Случай же, ожидаемый мною, не заставилъ себя долго ждать. Вскорѣ я увидѣлъ опять своего предателя на добываніи матеріала, но уже одного. Онъ рубилъ березу, чтобъ содрать съ нея нужную ему бересту; я ожидалъ, пока онъ не сдѣлаетъ своего дѣла. Вотъ береза съ трескомъ падаетъ, и какъ разъ въ это самое время я быстро подскакиваю къ нему. Онъ, обезумѣвшій отъ страха и удивленія, не съ березы-ли я свалился, стоялъ растерянно, выпучивъ на меня свои глаза. Тогда я сказалъ, что явился сюда отомстить за причиненный мнѣ имъ вредъ. Онъ сталъ меня упрашивать, чтобы я у него не отнималъ жизни, такъ какъ онъ предо мной ни въ чемъ не виноватъ, онъ говорилъ, что, убивъ его, я осирочу его дѣтей, которыя будутъ плакаться на лишившаго ихъ ихняго кормильца. Но на этотъ разъ ему не пришлось уцѣлѣть, благодаря невиннымъ дѣтямъ. Короче, я его прострѣлилъ изъ винтовки насквозь.

Управившись со своимъ главнымъ врагомъ, мнѣ

случай далъ возможность свести счеты и съ другимъ, почти что не менѣе причинившимъ мнѣ вреда. Я не знаю, какъ это сложилось, что пришлось и къ нему добраться такъ скоро и при томъ, не зная вовсе, гдѣ его искать. Врагъ этотъ былъ никто иной, какъ одинъ изъ стрѣлявшихъ въ меня при поимкѣ на дегтярномъ заводѣ, который всадилъ мнѣ дробь въ спину и въ ноги. Въ лицо его я замѣтилъ хорошо, но гдѣ искать, не зналъ, такъ какъ онъ былъ, какъ я узналъ послѣ, однимъ изъ плотниковъ, строившихъ въ то время въ томъ селенiи церковь. Но случай далъ мнѣ возможность и съ нимъ расправиться. Однажды я ѣхалъ по своимъ дѣламъ въ сосѣднiй городишко Балаганскъ. По пути попалась мнѣ рѣченка, которая, по случаю выпавшихъ большихъ дождей, превратилась чуть-ли не въ цѣлую рѣку; переправа черезъ нее была нужна въ томъ мѣстѣ, гдѣ найдется бродъ. Въ поискахъ за бродомъ я направился вдоль берега къ виднѣвшемуся человѣку, который сидѣлъ и обувался. Подъѣхавъ къ нему, я не вѣрилъ своимъ глазамъ: передо мной былъ тотъ самый плотникъ, который стрѣлялъ въ меня при поимкѣ на дегтярномъ заводѣ. Не подавая никакого вида, что я узналъ его, я подъѣхалъ къ нему, со словами: «что, землякъ, тутъ мелко, вода не особенно холодна?» Онъ мнѣ отвѣчалъ, что мелко и что вода не особенно холодна. На мой вопросъ, кто онъ таковъ и откуда и куда идетъ, онъ отвѣтилъ: «я самъ изъ иркутскихъ мѣщанъ, а въ этихъ краяхъ обрѣтаюсь вотъ уже два года... строилъ церковь тутъ въ одномъ селенiи, мы по плотницкой части,—теперь же вотъ иду въ деревню изъ города; туда я ходилъ по маленьку, чтобы лечь въ больницу, а меня не положили; ноги болятъ, просто бѣда». Какъ только онъ сказалъ про ноги, я вспомнилъ и свои ноги.

Ты, землякъ, былъ, кажется, когда меня ловили и стрѣлялъ въ меня? Вотъ мнѣ, братъ, тоже худо съ больными ногами, которыя ты попортилъ мнѣ дробью тогда! Вотъ, гляди!—и я показалъ ему слѣды дроби въ ногахъ, снявъ съ нихъ сапоги. Во все это время мой собесѣдникъ молчалъ, разиня ротъ и вытаращивъ

глаза. Показавъ свои ноги, я взялся за винтовву, но тутъ мой врагъ упалъ на колѣни и началъ молить о пощадѣ, говоря: «я не зналъ, что придется когда-нибудь видѣться съ тобой... я не стрѣлялъ бы тогда»... Не успѣлъ онъ окончить своего безсмысленнаго лепета, какъ повалился на бокъ и прямо головой въ воду, которая сдѣлалась отъ этого красной. Я ему выстрѣлилъ прямо въ лобъ, затѣмъ, обыскавъ его, я нашелъ въ карманѣ его штановъ кошелекъ съ семью рублями и перочинный ножъ. Въ это время послышался выстрѣлъ, я бросился къ коню, сѣлъ на него и поскакалъ въ городъ. Погони за мной не было: то, навѣрно, охотники буряты стрѣляли.

Покончивъ, такимъ образомъ, съ двумя изъ своихъ враговъ, я началъ заниматься опять кражами и грабежами, при чемъ награбленное и наворованное сдавалъ своему новому хозяину. Онъ былъ мелкій торговецъ разнымъ мелочнымъ товаромъ, а жена его баба была только потому, что носила юбку. На самомъ же дѣлѣ она могла заткнуть за поясъ любого мужика. Ко мнѣ она была неравнодушна, несмотря на мою наружную непривлекательность. По случаю этого я переселился къ нимъ на квартиру и, живя у нихъ, занимался кражами, чрезъ которыя опять начали мирные жители подозрѣвать меня. У моихъ хозяевъ была еще дочь красавица, лѣтъ семнадцати, Маша, съ которой, впрочемъ, я не имѣлъ ничего общаго. Когда надо было съѣздить куда-нибудь, то баба или дѣвка возили меня на телѣгѣ, такъ какъ мужъ былъ всегда занятъ по своимъ дѣламъ, да и не такъ подозрительно было бабамъ ѣхать со мной, какъ это было бы при мужикѣ.

Пребываніе мое у нихъ становилось уже настолько опаснымъ, что надо было убираться или же удвоить свою осторожность. Однажды мнѣ надо было съѣздить за спрятаннымъ краснымъ товаромъ. Я поѣхалъ съ самой Анисьей Евстигнѣевной (бабой) на телѣгѣ, парой. Пріѣхавъ къ мѣсту, гдѣ былъ спрятанъ товаръ, мы сложили его на телѣгу и стали дожидаться, пока смеркнется, такъ какъ могли по дорогѣ встрѣтить когонибудь, а это было бы непріятно.

Въ ожиданіи сумерекъ, съ Анисьей Евстигнѣевной мы разговорились о нашей семейной жизни, которая, по ея словамъ, была для нея скучна и однообразна, такъ какъ мужъ ея былъ человѣкъ къ ней холодный. «Давай-ка, Федюха, его укокошимъ да съ тобой схлеснемся, то-то заживемъ!» Я изъ всего вижу, что она не шутитъ, не любезничая, со мной говоритъ такъ, отвергъ ея предложеніе, приводя ей въ примѣръ то, что онъ намъ не мѣшаетъ же жить и такъ, какъ мужу съ женой; зачѣмъ же тогда его убивать? вѣдь, убивши его, мы можемъ попасть за то въ каторгу и тогда не будемъ, стало быть, и такъ жить, какъ теперь, не убивая мужа и не боясь наказанія за удовольствіе, добытое не преступнымъ путемъ. Она только молча качала головой въ знакъ отрицанія моихъ доводовъ. Но вотъ стемнѣло. Мы выѣхали на дорогу и только что хотѣли тронуться дальше, какъ на насъ наѣзжаетъ верховой бурятъ. Я сейчасъ же легъ на возу, будто сплю, уткнувъ свою морду въ товаръ. Когда бурятъ подъѣхалъ, то, поздоровавшись съ моей спутницей, назвалъ ее по имени, соскочилъ съ коня и, привязавъ его къ оглоблѣ нашей телѣги, пустился въ разговоръ, любимое препровожденіе времени этихъ дикарей. Онъ разспрашивалъ, куда она ѣздила и что такое везетъ. Замѣтивъ меня, онъ обратился съ вопросомъ къ Анисьѣ Евстигнѣевнѣ: «кто это у тебя такой тутъ лежитъ?» Она ему сказала, что это ея мужъ, котораго бурятъ, впрочемъ, хорошо зналъ и съ которымъ мой ростъ не имѣлъ ничего общаго (мужъ ея былъ очень небольшого роста). Онъ не повѣрилъ словамъ моей спутницы, началъ раскрывать мнѣ голову съ наивнымъ смѣхомъ, но вдругъ я услыхалъ выстрѣлъ. Я встаю по этому случаю. И что же? бурятъ валяется убитый. Это что значитъ? спрашиваю я ее. Она мнѣ въ отвѣтъ: «а это я пробовала, какъ видишь, руку». Въ рукахъ у нея былъ большой револьверъ. Побранивъ ее, я стащилъ убитаго въ провалье и закопалъ тамъ въ глину; коня его отвязалъ, пустилъ въ тайгу.

За что же ты убила братскаго? спрашиваю я у своей Анисьи Евстигнѣевны. А какъ же, вѣдь онъ не

повѣрилъ, что ты мнѣ мужъ и сталъ удостовѣряться въ этомъ. Вотъ я и наказала за любопытство, отвѣтила она. Я подумалъ себѣ: «ну и жена же вышла бы изъ тебя, достойная своего мужа, да, ну, тебя ко всѣмъ чертямъ, отъ твоей дьявольской руки и моя жизнь не обезпечена, въ случаѣ какой-нибудь обиды, которую предвидѣть могу, зная свой характеръ». Пріѣхали мы домой благополучно, никѣмъ болѣе не замѣченные. Потомъ я слышалъ, что Тихона (убитаго бурята) искали вездѣ долго и не найдя приписывали его пропажу, Богъ знаетъ, чему. Анисья Евстигнѣевна еще все-таки попробовала дать мнѣ предлогъ убить ея мужа, но я пригрозилъ ей самой смертью, если она посмѣетъ еще хоть разъ заикнуться объ этомъ.

Такъ я жилъ у своихъ хозяевъ и самъ интересовался тѣмъ, что и они. Были у насъ общіе друзья и недруги. Отсюда вышла исторія. У моихъ хозяевъ былъ серьезный конкуррентъ по торговлѣ, котораго звали Миша-жидъ. Съ нимъ трудно было конкуррировать, кому бы то ни было, благодаря его системѣ въ этомъ коммерческомъ дѣлѣ, которую онъ изобрѣлъ собственнымъ умомъ. Дѣло въ томъ, что Миша-жидъ на двухъ телѣгахъ, въ которыхъ было впряжено по парѣ хорошихъ коней, разъѣзжалъ по селамъ и деревнямъ со всевозможными товарами. Торговалъ онъ не на чистыя только деньги, какъ это дѣлаютъ многіе изъ русскихъ подобныхъ промышленниковъ, но болѣе всего давалъ подъ хлѣбъ, который послѣ уборки, туда ужъ къ зимѣ, ѣздилъ и собиралъ.

Кричать онъ не кричалъ, какъ другіе торговцы, въѣзжая въ село, чтобъ вызвать крикомъ позасѣвшихъ въ избѣ бабъ и дѣвокъ, обычныхъ своихъ покупательницъ. А у него для этой цѣли имѣлась большущая гармонія, на которой онъ играть не умѣлъ, а пилилъ во всѣ голосишки, чтобы услышали всѣ и выходили покупать у него, что кому надо. Парень онъ былъ изъ себя хлесткій, и бабы съ дѣвками льнули къ нему, какъ мухи къ меду. Былъ онъ, можно сказать, и не трусъ, такъ какъ умѣлъ отрѣзать на слова нѣкоторыхъ покупательницъ, обращенныхъ, разумѣется, съ шуткой

къ нему,—или покупателей мужичковъ, которые путемъ острастки думали отвадить его отъ своихъ женъ, сестеръ и дочерей. Первыя говорили ему: «ты, Миша, не бери такъ дорого съ насъ, а то насоберешь много денегъ, а тебя кто-нибудь и убьетъ дорогой изъ-за нихъ». На это онъ разухабисто доказывалъ, что онъ не изъ такихъ зѣвакъ, которыхъ убиваютъ, и что онъ самъ, если попадетъ кто съ деньгами, то не прозѣваетъ. Бабенки смѣялись, вѣря въ то, что Миша дѣйствительно не дастъ себя убить, такъ какъ онъ изъ себя такой молодчина. На слова же мужиковъ, говорившихъ неопредѣленнымъ тономъ въ родѣ: «эй, Миша, гляди братъ, продавай мнѣ литовку подешевле, не то я тебя за свою Параньку пришибу изъ-за угла». Миша уже съ нѣкоторымъ сердцемъ огрызался: «Попробуй-ка, братъ, подумать только, такъ вотъ она закуска». При этомъ онъ вынималъ большой револьверъ и дѣлалъ жестами примѣръ, какъ онъ расправится съ тѣмъ, кто покусится на его особу. Дѣлалъ все это онъ съ такимъ паѳосомъ, чтобы и этимъ выиграть передъ бабенками и дѣвками, въ чемъ и не ошибался. А мужички понимали, конечно, шутки и отшучивались. Увидавъ у Миши красивый блестящій револьверъ, принимали уже другой интересующій ихъ видъ и спрашивали: «что далъ?» Миша отвѣчалъ: «стоитъ этотъ револьверъ, а не револьвертъ, какъ вы коверкаете, сто двадцать рублей, такого больше во всей Сибири нѣтъ и... можетъ быть, въ Россіи не найдется... не знаю, я его выписалъ изъ Америки». Для пущаго эффекта Миша при этомъ начиналъ изъ него стрѣлять вверхъ, входя въ такой экстазъ, что можно было подумать, будто онъ видитъ въ небѣ нападающаго на него изъ-за куста или угла Сидора, дочери котораго Паранькѣ онъ прижилъ сураза.

Чудакъ былъ этотъ Миша! Торговалъ и дѣлалъ свое появленіе въ каждой деревнѣ похожимъ на что-то вродѣ балаганной комедіи, но и отъ этого выигрывалъ много. Чудаки же и наши мужики. Знаютъ, что Миша ладитъ ихнимъ дочкамъ и женамъ ребятишекъ, портитъ ихъ всячески, и не могутъ, хоть бы поколотить

его. А все это глумленіе терпится потому, что «Миша» даетъ имъ всякій товаръ дешевле другихъ и получаетъ послѣ хлѣбомъ, а не деньгами, которыхъ имѣть при себѣ не всегда можетъ русскій мужичекъ. Бабы же, какъ только начнутъ ихъ упрекать Мишей, тотчасъ лѣзутъ въ защиту его. Дуракъ, ты дуракъ, говоритъ одна къ примѣру, да откуда ты взялъ, что я могла снюхаться, будь онъ проклятъ, я на него и смотрѣть не хочу, не то, чтобъ... Ты не вѣрь, это тебѣ наболталъ кто-нибудь, ты гляди, молъ, не вздумай и взаправду его, какъ Сидоръ говорилъ, изъ-за куста пришибить. Видалъ, какая у него штука есть? Какъ бацнетъ, убетъ нехристь, ему что! Думаешь, его бы не убили уже давно, еслибъ можно съ нимъ это сдѣлать? Вѣдь у него денегъ много при себѣ, а по дорогамъ же вѣдь другихъ грабятъ, а его нѣтъ. Онъ и вправду такой, что самъ смотритъ, кого бы убить; слыхалъ, какъ онъ Сидору сказалъ: «я, говоритъ, самъ смотрю, кого бы съ деньгами убить въ тѣсномъ мѣстѣ». Ты смотри, берегись его, заключаетъ баба. А мужикъ ей скажетъ только «ну, ужъ пускай, онъ меня не убиваетъ» и тѣмъ дѣло кончено. Миша гарантированъ и отъ покушенія мужиковъ поколотить его, благодаря тѣмъ же многочисленнымъ защитницамъ.

Торговалъ этотъ самый Миша уже лѣтъ десять по этимъ мѣстамъ. Сперва ходилъ пѣшкомъ, таская на плечахъ коробъ, затѣмъ купилъ коняшку и сталъ ѣздить и дошелъ до того, что есть въ настоящемъ.

Я сначала не зналъ, что Миша такой «Донъ-жуанъ» былъ по тому мѣсту. Не знаю, за что, но меня такое зло взяло на этого еврея, что я готовъ былъ убить его просто такъ, не изъ-за денегъ и не по просьбѣ моихъ хозяевъ, которымъ онъ не давалъ, что называется, никакого ходу въ торговлѣ. Можетъ быть, ненависть моя возникла къ нему въ то время, когда я однажды присутствовалъ при одной изъ его продажъ, въ которую онъ вкладывалъ всю свою душу, и прихваливалъ свой товаръ, и выставлялъ на видъ свою человѣчность, и льстилъ бабенкамъ, которыя на его подмигиванія глазами и подергиваніе усами искренно

хохотали и размякали такъ, что переставали торговаться и платили то, что назначалось. Миша, увѣрявшій, что не запрашиваетъ ни гроша, корчилъ изъ себя Некрасовскаго коробейника, вызывающаго Федорушекъ и Варварушекъ отпирать свои сундуки и выносить ему свои пятаки, такъ какъ у него есть и мыла пахучія и румяна не линючія и проч. Только для пущаго сходства съ Некрасовскимъ коробейникомъ не хватало одного—смерти, причиненной злымъ разбойникомъ. Благо, я это замѣтилъ во время, а то бы, пожалуй, прійдя домой, дѣтинушка повелъ бы свою зазнобушку въ синагогу.

Въ числѣ многихъ хитростей Миша обладалъ еще одной: онъ никогда не говорилъ правды, куда ѣдетъ; если ему надо ѣхать направо, то онъ поѣдетъ налѣво.

Но, какъ онъ ни хитрилъ, я его перехитрилъ. Однажды я узналъ, что Миша не сегодня такъ завтра, а не завтра, то послѣ завтра, долженъ будетъ ѣхать въ одно селеніе, въ которомъ еще не былъ; минуть же его было бы со стороны Мишиныхъ интересовъ глупостью. Я сталъ его ждать на дорогѣ, которой долженъ проѣзжать Миша. Прождавъ его два дня, на третій дождался. Ѣдетъ Миша по дорогѣ и самодовольно грызетъ орѣхи, не смотря на то, что былъ день не праздничный. Только поровнялся Миша со мной, т. е. съ мѣстомъ, гдѣ я засѣдалъ, какъ Миша занятый орѣхами, кувырнулся съ мѣста, на которомъ сидѣлъ. Я подскочилъ къ нему и увидалъ, что онъ былъ убитъ сразу: пуля попала туда, куда я цѣлился—прямо въ голову. Убѣдившись въ вѣрной смерти Миши, я обыскалъ его и нашелъ при немъ семьсотъ рублей денегъ, три кольца золотыхъ, часы и тотъ самый револьверъ, которымъ покойный Миша такъ хвалился. Затѣмъ обѣ пары лошадей, впряженныхъ по парѣ въ каждую телѣгу, я свелъ съ дороги въ тайгу и сталъ дожидаться вечера, чтобы пойти къ своимъ хозяевамъ и предложить имъ забрать весь товаръ бывшаго ихняго конкуррента Миши. Дождавшись сумерекъ, я отправился къ своимъ хозяевамъ съ пріятнымъ для нихъ извѣстіемъ. Что согласились они на то, чтобы забрать

Мишинъ товаръ себѣ, и говорить нечего. Какъ только я сообщилъ имъ о томъ, что убилъ Мишу, они сейчасъ же поторопились освѣдомиться на счетъ товара Михаила Давыдовича, которымъ поживиться сразу у нихъ явилась мысль.

Мы всѣ втроемъ, т. е. мои хозяева и я отправились за Мишинымъ товаромъ и лошадьми. Пришли, забрали Мишины подводы и на нихъ-же пріѣхали домой, гдѣ принялись товаръ размѣщать въ лавкѣ между своимъ, имѣвшимся тамъ товаромъ; а телѣги, порубили и поломали, чтобы помѣстить ихъ въ погребѣ и потомъ сжечь и не оставить слѣда. Лошадей я погналъ той же ночью къ братскимъ съ тѣмъ, чтобы продать ихъ тамъ. Пріѣхавъ къ братскимъ, я продалъ лошадей за двѣсти сорокъ рублей, и домой, т. е. къ своимъ хозяевамъ, не воротился больше, потому что опасался быть пойманнымъ, въ случаѣ мои хозяева какъ-нибудь попадутся съ товаромъ, который спрятали у себя въ лавкѣ.

Проживая въ другомъ уже селеніи, отстоящемъ верстахъ въ восьмидесяти отъ того, гдѣ жилъ прежде, я слыхалъ о дальнѣйшей судьбѣ моихъ хозяевъ. Мужъ, человѣкъ миролюбивый, выведенный изъ терпѣнія своей боевой женушкой, ударилъ ее одинъ разъ кулакомъ и убилъ. За это судился, но былъ оправданъ. Дочь свою выдалъ онъ за сына одного купчика, а самъ потомъ попалъ въ каторгу на восемь лѣтъ за укрывательство убійства. Это же дѣло съ Мишей такъ и присохло. Но ему, какъ онъ говорилъ, было безразлично нести каторгу: за Мишку или за что онъ теперь несетъ, такъ какъ человѣческая кровь никогда не пропадаетъ даромъ. Но я думаю, что за Мишу ему было бы больше восьми лѣтъ, стало быть не все равно. Однако онъ этого не хотѣлъ различать, повторяя свое: человѣческая кровь не пропадаетъ даромъ.

Проживая въ другомъ селеніи, я и тамъ подыскалъ себѣ знакомыхъ, которымъ также сдавалъ краденый товаръ и гдѣ укрывался отъ гоненія, порой происходившаго. Знакомые мои были мелкіе купчики, торговавшіе мелочнымъ товаромъ. Продавали они и крас-

ный товаръ; но на такого рода торговлю не имѣлось свидѣтельства, потому къ нимъ наѣхалъ однажды засѣдатель съ тѣмъ, чтобъ привлечь ихъ къ отвѣтственности. Хозяина дома не было, онъ уѣхалъ въ Иркутскъ за товаромъ, а купчиха—изъ себя бабенка была недурная. Засѣдатель былъ человѣкъ со вкусомъ и... несмотря на то, что лавка была сперва запечатана, торговля пошла попрежнему, какъ и до этой ревизіи. Штрафъ былъ примѣненъ разумнымъ администраторомъ къ красивой хозяйкѣ такой, что тягостью на ея бюджетъ не ложился. Подобныя же ревизіи повторились еще два раза, съ такими же послѣдствіями и штрафомъ. Это, однако, безправной купчихѣ не понравилось, она выбрала изъ золъ меньшее и взяла свидѣтельство на право торговли аршиннымъ товаромъ. Но не смотря на это, къ ней являлся попрежнему преслѣдователь, превратившійся въ горячаго защитника безпатентной торговли. Онъ говорилъ ей постоянно что она промахнулась, взявъ свидѣтельство, можно бы было и безъ него торговать и что это было бы ей выгоднѣе.

Нужно замѣтить здѣсь, что мужъ купчихи былъ человѣкъ безхарактерный, дѣлавшій все по указкѣ своей жены, которая, надо отдать справедливость, была бабенка рабитная, бойкая. Она, не оскорбляя своего обожателя, съумѣла сдѣлать такъ, какъ въ поговоркѣ говорится «и козы сыты, и сѣно цѣло», т. е., когда тотъ пріѣзжалъ къ ней въ домъ, по старой привычкѣ, въ надеждѣ путемъ пристрастки или еще какъ-нибудь провести съ ней время въ удовольствіи, она ставила на свое мѣсто другую бабу. Въ одно изъ такихъ посѣщеній засѣдателемъ купчихи, я пріѣхалъ поздно вечеромъ къ ней же и увидѣлъ свѣтъ въ окнахъ, чему не мало удивился. Взойдя на крыльцо, я былъ встрѣченъ хозяйкой, которая мнѣ и объяснила причину свѣта въ комнатахъ въ такое позднее время. Оказалось, что пріѣхалъ засѣдатель, который теперь находился съ «Ѳеклухой» въ той комнатѣ, гдѣ также и купчиха съ нимъ была раза три, отбывая повинность. Войдя въ домъ, я подошелъ къ двери «засѣдатель-

ской» и, пріотворивъ ее немножко, посмотрѣлъ, что тамъ дѣлается. Обернувшись, я увидѣлъ около себя хозяйку, которая, отведя меня въ сторону, добавила, что однажды засѣдатель ей говорилъ такъ: «здѣсь, въ этихъ мѣстахъ бродитъ одинъ разбойникъ Широколобовъ, такой изъ себя здоровый, рыжій и рябой; если увидишь такого молодца, то дай знать сейчасъ же сельскому старостѣ. Я ему прикажу, чтобы твой доносъ взялъ въ резонъ непремѣнно». Услыша это, я посмотрѣлъ на дверь, и подумалъ такъ: «Эхъ ты, ловецъ! ловишь другихъ, самъ же залѣзаешь въ ловушку». Какъ-то инстинктивно я хотѣлъ ринуться въ ту комнату и пригвоздить на мѣстѣ этого толстяка, но хозяйка, замѣтивъ, навѣрное, мое желаніе, позвала меня въ сосѣднюю комнату и стала упрашивать не дѣлать имъ бѣды путемъ убійства засѣдателя въ ихнемъ домѣ, такъ какъ они останутся тогда козлами отпущенія. Я дѣйствительно согласился съ ней и вышелъ изъ дому на улицу.

Я рѣшился, во что бы то ни стало, проучить этого толстяка. Зная хорошо, гдѣ земская квартира, на которой остановился пріѣхавшій сюда засѣдатель, я сталъ на дорогѣ поджидать его возвращенія. Жду. Слышу: идетъ какая-то баба съ пѣсней прямо на меня. Я отошелъ къ сторонѣ, чтобы не быть замѣченнымъ идущей пѣвуньей, въ которой я узналъ ту самую Ѳеклуху, которая, освободившись наконецъ отъ засѣдателя и, имѣя при себѣ три рубля (какъ я узналъ впослѣдствіи), заработанные ею такъ легко, понятно радовалась. Послѣ этого черезъ полчаса, не болѣе, показался и самъ засѣдатель. У меня въ карманѣ была хорошая толстая веревка, которую я захватилъ съ собою, выходя изъ дому своей хозяйки. Идя навстрѣчу засѣдателю, и, поровнявшись съ нимъ, я сдѣлалъ видъ человѣка, узнавшаго большое начальство, съ которымъ случайно, невзначай столкнулся, и, моментально снявъ фуражку, почтительно ему поклонился. Онъ какъ-то пріостановился, какъ будто не ожидалъ и самъ такой встрѣчи съ почтеніемъ. Я принялъ другой видъ какъ-то непроизвольно и обратился къ нему съ вопросомъ,

который мнѣ показался самымъ подходящимъ въ этомъ случаѣ, чтобъ подойти къ его особѣ поближе. Я его спросилъ, что онъ ищетъ, кажется, Широколобова, который въ настоящее время здѣсь въ селеніи гуляетъ. «А ты развѣ знаешь его?» въ свою очередь спросилъ меня засѣдатель.—«А ты его знаешь?» вскричалъ я и моментально закрутилъ его веревкой за шею такъ сильно, что онъ упалъ на землю, не пискнувъ даже. Я его сейчасъ же потащилъ на ближайшій огородъ, который былъ предусмотрѣнъ ранѣе; я какъ разъ и норовилъ поймать его поближе къ этому огороду. Притащивъ его на пустой огородъ, я снялъ съ шеи веревку и завертѣлъ ему голову его же полотенцемъ, съ нимъ бывшимъ, а веревку намочилъ въ какой-то грязи, въ которую я попалъ нечаянно по самое колѣно, и началъ ею бить засѣдателя по брюху такъ сильно, что онъ вертѣлся, какъ бѣсъ, и поэтому мнѣ каждый разъ приходилось попадать его именно по брюху, по которому почему-то мнѣ хотѣлось бить какъ можно больнѣе и сильнѣе. Билъ я его до тѣхъ поръ, пока онъ не пересталъ вертѣться. Затѣмъ, развязавъ ему голову, я посадилъ его въ ту грязь, въ которой мочилъ веревку.

Послѣ этого, опасаясь усиленнаго преслѣдованія, я отправился на Лену. Такъ какъ мѣстность эта была для меня незнакомая, такъ какъ я тамъ до этого не бывалъ никогда, то сразу заниматься кражами или грабежами не сталъ. Я нанялъ квартиру и занимался охотой; меня такъ всѣ и знали, какъ охотника. Жилъ я по чужому виду одного поселенца. У меня оказался тамъ, чего я не ожидалъ, одинъ парень своего круга. Когда-то съ его отцомъ я сиживалъ въ одной тюрьмѣ; онъ шелъ тогда въ Александровскій централъ *), въ которомъ окончилъ срокъ и его поселили здѣсь на Ленѣ, какъ ссыльнаго поселенца. Послѣ этого со

*) Въ сел. Александровскомъ Усть-Болейской вол., въ 60-ти верстахъ отъ г. Иркутска. Въ этой тюрьмѣ давно не примѣняются тѣлесныя наказанія, есть изъ арестантовъ пѣвческіе хоры, оркестръ, кружокъ актеровъ. Каторга центральную тюрьму называетъ театральной.

всѣмъ семействомъ онъ здѣсь и жилъ, пока не попалъ опять въ каторгу за сбытъ фальшивыхъ денегъ на шесть лѣтъ. У него было два сына и жена старуха; звали ихъ хохлами, такъ какъ они были дѣйствительно хохлы.

Познакомившись съ Тимошкой хохленкомъ, я получилъ отъ него предлогъ на одно хорошее дѣло, которое онъ и самъ бы сдѣлалъ давно, но одному не ловко было, а товарища подходящаго не было. Дѣло же само состояло въ слѣдующемъ: отъ золотыхъ пріисковъ: «Компанія» ѣздилъ жидъ закупать скотину по всѣмъ селеніямъ и деревушкамъ въ томъ раіонѣ. Имѣлъ онъ при себѣ для закупки скота хорошія деньги, которыя и надо было взять у него путемъ убійства. Вотъ однажды жидъ пріѣхалъ закупать скотину въ наше селеніе, потомъ изъ него поѣхалъ въ другое селеніе, отстоящее верстахъ въ восьми отъ этого. Мы отправились съ хохленкомъ ранѣе его на ту дорогу, по которой онъ долженъ былъ ѣхать. Дорога шла тайгой, а на эту дорогу выходила другая, тоже тайгой, изъ сосѣдняго съ нашимъ селеніемъ. Мы сдуру и засѣли, какъ разъ въ этомъ мѣстѣ, гдѣ немного дальше сходились дороги. Жида намъ долго ждать не пришлось. Какъ только онъ поровнялся съ мѣстомъ нашей засады, то упалъ съ коня, на которомъ ѣхалъ; пуля ему угораздила въ ухо. Мы его сейчасъ же затащили въ тайгу и обыскали, а лошадь, заведя въ чащу, подтянули за морду къ высокой вѣткѣ такъ, что она не могла своимъ ржаніемъ привлечь кого бы то ни было. Мы хотѣли вечеромъ прійти и скрыть слѣды преступленія: лошадь увели бы, а трупъ жида припрятали бы лучше. Сдѣлавъ это дѣло, мы возвратились въ селеніе. Я пошелъ прямо къ себѣ на квартиру и сѣлъ пить чай.

Немного спустя, ко мнѣ явилась хозяйка и объяснила, что къ хохленковой избѣ собралась куча народа. Я, посмотрѣвъ въ окно, увидалъ, дѣйствительно, то, что говорила хозяйка. Тогда я у нея спросилъ, зачѣмъ это тамъ собрался народъ, но она не знала. Я ее послалъ узнать, что тамъ случилось. Какъ только она отошла отъ избы на небольшое разстояніе, я,

сейчасъ же одѣвшись, сталъ убѣгать вонъ изъ деревни. Отошедши верстъ пятнадцать до другой деревушки, я нанялъ тамъ лошадей и поѣхалъ дальше. Проѣхавъ верстъ полтораста, я остановился въ одномъ селеніи, гдѣ меня и арестовали, благодаря телеграммѣ изъ Киренска, въ которой были описаны мои примѣты. Хохленокъ меня выдалъ, извиняя свой поступокъ тѣмъ, что его били сильно, чтобы допроситься, кто съ нимъ былъ другой. Мужики видѣли двухъ убійцъ на мѣстѣ преступленія, они какъ разъ ѣхали по той боковой дорогѣ, которая выходила на ту, гдѣ мы совершили преступленіе, такъ что при соединеніи двухъ дорогъ они видѣли сквозь рѣдкую тайгу все происходившее. У хохленка былъ братъ, какъ я уже сказалъ, вотъ на него и думали мужики, что онъ соучастникъ въ убійствѣ жида. Поэтому товарищъ мой, чтобы защитить своего родного брата отъ незаслуженной каторги, выдалъ меня. Черезъ семь мѣсяцевъ насъ осудили въ Киренскѣ: каждаго на двадцать лѣтъ въ каторгу. Я былъ сужденъ подъ именемъ того поселенца, по документу котораго проживалъ.

Спустя мѣсяцъ, насъ отправили въ Иркутскъ, чтобы оттуда слѣдовать въ какіе тамъ назначать рудники. Но не дойдя до Иркутска, я бѣжалъ съ двумя товарищами съ этапнаго станка, въ которомъ мы остановились на дневку. Этапъ былъ о трехъ камерахъ, которыя бываютъ всѣ сразу заняты только тогда, когда идетъ большая партія пересыльныхъ; а такъ какъ наша партія состояла изъ сорока человѣкъ, то двѣ камеры были свободны и заперты на висячіе, старой конструкціи замки: ихъ отпереть не составляло никакого труда. Ночью камера наша была отперта, такъ что мы безъ труда могли войти въ пустую камеру и бѣжать черезъ прорѣзъ въ потолкѣ, который сдѣлали въ нѣсколько часовъ еще днемъ. Вылѣзли мы сперва на чердакъ, затѣмъ черезъ слуховое окно на крышу, съ крыши спустились на солдатскій дворъ, но тамъ былъ четвертый изъ насъ убитъ часовымъ, а трое бѣжали.

Очутившись на волѣ, мы съ Василіемъ (о немъ еще буду говорить) пошли вмѣстѣ, третій пошелъ

самъ по себѣ. Василій, мой товарищъ, былъ парень такой, какихъ поискать только надо. Я радъ былъ, что насъ съ нимъ свела судьба. Не будь Василія, то, пожалуй, я и не ухитрился-бы бѣжать. Онъ былъ не то чтобъ человѣкъ образованный, а все-же и не чета другимъ изъ нашей братьи: его выгнали изъ гимназіи, кажется, изъ пятаго класса. Родители его были люди интеллигентные, отецъ былъ чѣмъ-то въ губернскомъ судѣ. Была у него и сестра замужняя, т. е. не замужняя, а вдова. Жила она въ Томской губерніи у своего тестя, который былъ пайщикомъ въ одномъ золотопріискательномъ обществѣ и постоянно проживалъ на своей дачѣ, возлѣ Томска.

Василій меня и пригласилъ подѣлить съ нимъ, какъ онъ говорилъ благопріобрѣтенное своего свата. Я, разумѣется, согласился и мы съ Василіемъ отправились въ Томскую губернію.

По пути туда намъ пришлось сдѣлать нѣсколько кражъ, но все болѣе такихъ себѣ, на слѣпую [1]). Сдѣлали одно убійство на скорую руку, которое намъ дало только четыреста рублей, несмотря на то, что было убито четыре души. Дѣло это произошло при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Мы остановились у одного знакомаго человѣка въ одной изъ деревень Нижне-Удинскаго уѣзда. Тотъ намъ и далъ дѣло, т. е. указалъ убить бывшаго татарскаго муллу, который ѣхалъ со своимъ семействомъ изъ Тулуна въ Томскую губ. на постоянное жительство. У муллы, мы, по словамъ этого знакомца, могли на худой конецъ взять тысячъ десять. Дожидать намъ долго не пришлось свою жертву. На другой день, съ утра узнавъ, что мулла уже выѣзжаетъ изъ этой деревушки, мы отправились по той дорогѣ, которою онъ долженъ ѣхать, и засѣли въ канавѣ, идущей параллельно съ дорогой, служившей для стока воды и предохранявшей такимъ образомъ дорогу отъ порчи. Уговоръ съ Василіемъ у насъ на счетъ нападенія былъ таковъ: я, какъ только поровняется поѣздъ муллы съ мѣстомъ нашей засады, дол-

[1]) Наугадъ, безъ предварительнаго изученія дѣла.

женъ выскочить и схватить коней подъ уздцы, а онъ въ это время долженъ вскочить на телѣгу и расправиться съ пассажирами. Ладно.

Вотъ ѣдетъ кто-то, мы всмотрѣвшись видимъ, что масть коней и проч. сходится съ описаніемъ поѣзда муллы; приготовились. Телѣга уже подъѣзжаетъ, но муллы нѣтъ на ней. Что-же это значитъ —думаемъ мы. Но, обративъ вниманіе на идущаго за телѣгой человѣка, узнаемъ въ немъ муллу по пестрому одѣянію, Онъ, навѣрно, сходилъ по естественной надобности и теперь тянется за телѣгой, которая чуть-чуть движется. Когда телѣга поровнялась съ нами, мы спрятались и были не замѣчены. Когда-же поровнялся мулла съ нашей засадой, то Василій, пропустивъ его шаговъ десять такъ, чтобы мулла не могъ его замѣтить съ боку, когда онъ выйдетъ изъ канавы, набросилъ ему на шею свой шарфъ, который служилъ у него вмѣсто пояса. Захвативъ, такимъ образомъ, муллу, Василій притащилъ его въ канаву ко мнѣ, гдѣ мы его сейчасъ-же прикрутили такъ, тѣмъ-же шарфомъ, что мулла только потянулся... Моментально обыскавъ его карманы, мы не нашли ничего при немъ. Тогда мы пустились догонять телѣгу, пассажиры которой не подозрѣвали пока исчезновенія своего провожатаго. Недоходя до телѣги шаговъ пятидесяти, мы стали итти тише и, какъ только поровнялись съ ней, то, по заранѣе условленному соглашенію, я схватилъ лошадей подъ уздцы. а Василій, какъ тигръ вспрыгнулъ на телѣгу и одной рукой забралъ возжи изъ рукъ мальчишки, а другой схватилъ бабу за горло. Я въ это время также вспрыгнулъ на телѣгу, схватилъ мальчишку, который уже пытался задать стрѣкача въ тайгу. Пока я душилъ мальчишку, Василій уже вытаскивалъ дѣвченку изъ-подъ разнаго борахла, въ которое она зарылась съ испуга. Передавивъ всѣхъ, мы сложили на телѣгу, упавшіе во время душенія, трупы, повернули лошадей къ тому мѣсту, гдѣ лежалъ трупъ муллы, и положивъ и его на телѣгу, свернули съ дороги въ тайгу. Отъѣхавъ отъ дороги на порядочное разстояніе, мы начали производить тщательный обыскъ всѣмъ тру-

памъ, и всякимъ вещамъ. Но, какъ мы тщательно ни искали, не могли найти тѣхъ тысячъ, про которыя говорилъ нашъ знакомецъ. Нашли всего на всего четыреста рублей и нѣсколько мелочи, да нѣсколько старинныхъ монетъ серебряныхъ, служившихъ украшеніемъ для головъ татарскихъ женщинъ.

Ругая, на чемъ свѣтъ стоитъ, подлаго человѣка за то, что навравши про тысячи, искусилъ насъ на такое дѣло, какъ убійство четырехъ душъ, за которое, въ случаѣ поимки, не миновать петли, мы начали замѣтать слѣдъ своего преступленія, т. е. принялись раскладывать большой костеръ, чтобы сжечь трупы.

Мы могли-бы ихъ просто закопать въ землю, если ужъ такъ хотѣли скрыть слѣды преступленія, но странно: ни мнѣ, ни Василію не пришло это тогда почему-то въ голову. Когда разгорѣлся костеръ до настоящаго пожара, мы начали бросать въ огонь трупы. Отъ нихъ сталъ такой смрадъ распространяться, что могъ бы каждый, кто только случился бы, понять, въ чемъ дѣло. Тогда мы стали ихъ вытаскивать оглоблями изъ разгорѣвшагося, какъ пожаръ, костра и обгорѣлыхъ, скорчившихся, съ лопнувшими глазами и кожей засыпать землей. Покончивъ съ ними и забравъ лошадей, мы пошли опять на дорогу, а пройдя верстъ десять, пустили коней. Пустить коней—разъ людей не сожгли и не закопали—нужно было непремѣнно для нашей-же безопасности, такъ какъ ѣхать намъ на нихъ было нельзя; кони были неосѣдланы и мѣстность не знакомая, насъ тамъ никто не зналъ и, слѣдовательно, каждый встрѣчный могъ придраться къ намъ и какъ не имѣвшихъ никакого вида на жительство арестовать. Для болѣе безопаснаго путешествія мы прибѣгнули къ одному подходящему средству, наняли лошадей и ѣхали какъ пріискатели, чему охотно всѣ вѣрили и не спрашивали никакихъ документовъ.

Такимъ образомъ мы добрались до Томска, гдѣ, благодаря знакомству Василія съ разными своими ребятами, достали хорошіе документы. Сдѣлали мы въ Томской губерніи нѣсколько кражъ и грабежей и отправились въ Енисейскую губернію, гдѣ у Василія

имѣлось хорошее дѣло, которое, по его понятію и извѣстнымъ ему причинамъ, надо было сдѣлать прежде, чѣмъ браться за его тестя.

Пріѣхавъ въ Енисейскую губернію, мы отыскали въ городѣ тѣхъ знакомыхъ Василія, которые давали это дѣло. Человѣкъ, давшій это дѣло, былъ жидъ, а у него былъ товарищъ русскій, оба они должны были участвовать въ преступленіи. Дѣло, которое мы собирались сдѣлать, было дѣло рискованное, за успѣхъ котораго никто изъ насъ не могъ ручаться. Но сумма, которую мы могли захватить въ случаѣ удачи, подстрекала насъ на рискъ. Для большей ясности я считаю нужнымъ описать подробный планъ этого дѣла. Домъ купца Н. былъ на углу двухъ улицъ, не особенно глухого квартала въ городѣ; своими пристройками занималъ онъ довольно большое пространство; во дворѣ была большая цѣпная собака, на которую хозяева полагались, какъ на лучшаго сторожа, хотя и таковой у нихъ имѣлся, но онъ занималъ свой постъ снаружи, караулилъ лавку, которая была рядомъ съ домомъ и имѣла два раствора, какъ вообще всѣ лавки, выходящія на улицу. Кромѣ этого сторожа у этихъ хозяевъ имѣлась и кухарка, она же и прачка и проч.

Самъ купецъ былъ человѣкъ религіозный, стариннаго закала. Образъ его жизни и внѣшность его особы составили ему въ городѣ эпитетъ «киржака» [1]). Жена его была такая-же толстая и такого-же нрава, какъ и мужъ ея. Былъ у нихъ и сынъ, недавно женившійся. Онъ обѣщалъ, кажется, въ будущемъ быть такимъ какъ и его папаша. Говоря короче, это была патріархальная семья старо-русскаго купечества, если хотите сибирскаго купечества. Спали старики вмѣстѣ, въ одной спальнѣ; молодые тоже въ одной.

Отправляясь на преступленіе, мы, всѣ четверо распредѣлили между собой, что кому дѣлать. Пришли мы ночью часовъ такъ въ десять. Патріархальная семья уже спала глубокимъ сномъ. Первымъ дѣломъ было поаккуратнѣе убрать сторожа, который ходилъ себѣ

---

[1]) Киржакъ—въ сибирскомъ просторѣчьѣ, раскольникъ.

ничего не подозрѣвая возлѣ лавки. Василій, проходя мимо, схватилъ его такъ мастерски, что тотъ и не пикнулъ. Тутъ мы помогли ему задавить сторожа, что было дѣломъ трехъ минутъ. Для пущей скорости мы перерѣзали удушенному горло и бросили его въ имѣвшійся возлѣ дома полисадникъ, гдѣ его никто бы не могъ замѣтить. Задавивъ и прирѣзавъ сторожа, мы пошли къ тому мѣсту, гдѣ было удобнѣе всего пробраться черезъ заборъ во дворъ и схватить собаку, если она будетъ въ этомъ концѣ проволочнаго провода, по которому бѣгаетъ на цѣпи. Съ этой же стороны была ея конура, въ которой она часто лежала. Перевалившись съ большой осторожностью черезъ высокій заборъ, усаженный большими гвоздями, мы замѣтили, что четвертаго нашего товарища нѣтъ съ нами. Собаку я, тутъ же поймавъ за цѣпь, задавилъ. Исчезновеніе нашего товарища-жида заставило насъ поколебаться въ томъ, продолжать - ли начатое такъ удачно дѣло или бросить и уходить. Подумавъ немного, мы объяснили себѣ исчезновеніе еврея просто трусостью и рѣшили продолжать начатое.

Мы направились къ двери, ведущей во внутрь дома, но она оказалась запертой довольно плотно, такъ что ломать намъ ее не приходилось по случаю могущаго быть сильнаго треска. Тогда мы направились къ окну кухни, которое не имѣло, какъ другія окна, ставни, съ крѣпкой желѣзной штабой. Мы отперли шпингалеты и влѣзли въ кухню сперва вдвоемъ съ Василіемъ. Прислушавшись, съ какой стороны слышится храпъ кухарки, направились мы по его направленію и задавили спящую. Когда старуха кухарка была готова, въ кухню влѣзъ черезъ окно третій нашъ товарищъ. Изъ кухни мы проникли черезъ незапертыя двери въ комнаты. Василій пошелъ въ спальню стариковъ, а я съ другимъ парнемъ отправился къ молодымъ супругамъ. Войдя въ ихъ спальню, мы потихоньку такъ же, какъ и въ кухнѣ, прислушались къ сопѣнію спящихъ и, держась той стороны, откуда оно слышалось, подползли къ самой кровати. Такъ какъ женщина спала съ краю, то я схватилъ ее за горло и моментально сдернулъ съ

кровати на полъ, давая этимъ манеромъ свободное мѣсто своему товарищу для удобнѣйшаго дѣйствія съ мужчиной. Но мужчина вырвался у моего товарища и скрылся въ глубинѣ комнатъ. Всадивъ въ это время женщинѣ ножъ въ грудь, я погнался за убѣгавшимъ, но вмѣсто него столкнулся съ Василіемъ, бѣжавшимъ изъ спальни стариковъ и... чуть-чуть мы не посадили на ножи одинъ другого! Но огня не зажигали, несмотря на такого рода катастрофу. Оказалось, что и у Василія старикъ убѣжалъ, когда онъ убивалъ старуху, которая своими конвульсіями разбудила спавшаго мужа.

Какъ только къ намъ подошелъ третій нашъ товарищъ, мы начали искать бѣглецовъ, не думая однако ихъ найти. Сомнѣнія наши разсѣялись, когда мы замѣтили проникавшій изъ замочной скважины двери одной комнаты свѣтъ. Подойдя къ этой двери и посмотрѣвъ въ замочную скважину, увидали, что отецъ и сынъ стоятъ—съ ружьемъ одинъ и съ револьверомъ другой—среди комнаты, въ которой не было ни одного окна: это была какая-то кладовая или что-то вродѣ того. Мы попробовали выломать дверь, но въ это время послышались изнутри выстрѣлы и пули пробили въ дверяхъ отверстіе, въ которое началъ Василій съ тѣмъ парнемъ стрѣлялъ. А мнѣ Василій велѣлъ итти во дворъ и тамъ караулить, чтобы не накрыли насъ мокрымъ рядномъ, благодаря начавшейся пальбѣ, которая въ ночное время могла, конечно, привлечь чье угодно вниманіе.

Выйдя на дворъ, я прислушался, но ничего такого не было, что могло бы грозить намъ опасностью. Выстрѣлы, такъ сильные въ домѣ, слышались здѣсь на дворѣ чуть-чуть, и то лишь потому, что я зналъ, что тамъ стрѣляютъ и напрягалъ весь свой слухъ къ тому; воображеніе, разумѣется, помогало разслышать. Я вернулся опять въ комнаты узнать, какъ дѣло. Войдя туда, я увидалъ, что отецъ лежитъ уже убитый, а сынъ продолжаетъ отстрѣливаться. Василій съ тѣмъ парнемъ стрѣляли въ то самое отверстіе, которое было пробито въ двери, но ничего не могли сдѣлать съ сыномъ, такъ какъ онъ, прижавшись къ стѣнѣ, стрѣлялъ въ дыру

изъ-за угла. Замѣтивъ меня, Василій спросилъ, сильно ли слышны на дворѣ выстрѣлы, производимые ими здѣсь. Я сказалъ, что не особенно, но что лучше бы бросить, такъ какъ съ нимъ, т. е. съ сыномъ ничего не подѣлаешь. Но Василій на это не согласился, говоря: «все равно, не удастся дѣло сдѣлать, такъ я его проучу, а въ случаѣ чего, то мы вѣдь всегда съ пустыми руками уйти сумѣемъ». Затѣмъ онъ опять велѣлъ мнѣ итти на дворъ и караулить тамъ. Я вышелъ опять во дворъ и опять ничего не было слышно, за исключеніемъ глухихъ выстрѣловъ, производившихся внутри дома. Благо, что имѣлись такія плотныя ставни въ этомъ домѣ, которыя служили плохимъ проводникомъ звука! Постоявъ еще немного во дворѣ и не замѣчая ничего опаснаго, я вошелъ опять во внутрь дома. Тамъ я увидѣлъ, что и сынъ былъ уже готовъ. Его Василій сперва ухитрился ранить, а помомъ уже растерявшагося пристрѣлилъ. Въ этой крѣпостцѣ отца и сына не было ни одного окна, куда они могли бы выскочить, поэтому, я думаю, они и держались тамъ въ оборонительномъ положеніи. Возлѣ нихъ лежащихъ убитыми, валялись ружье двухствольное, револьверъ военнаго образца большого колибра и гильзы пустыя и снаряженныя для ружья и револьвера. Василій опять послалъ меня караулить во дворѣ, а я имъ велѣлъ хорошенько обшарить всѣ закоулки, чтобы не оставить гдѣ-нибудь денегъ.

На этотъ разъ, выйдя во дворъ, я услыхалъ, что къ дому подъѣзжаетъ какой-то экипажъ. Прислушиваюсь: экипажъ подъѣхалъ къ воротамъ и, затѣмъ, послышался стукъ въ нихъ. Я сейчасъ же побѣжалъ сообщить Василію объ этомъ. А много-ли ихъ тамъ пріѣхало, спросилъ меня Василій. Я ему сказалъ, что кажется двое, такъ какъ я слышалъ разговоръ подъѣзжающихъ и опредѣлилъ по нему число пріѣхавшихъ. Ну, пойдемъ, сказалъ мнѣ Василій. Мы вышли. Я направился къ воротамъ, чтобы отворить, а Василій остался на крытомъ крыльцѣ дожидаться появленія пріѣхавшихъ. Я согласно даннымъ мнѣ Василіемъ инструкціямъ отворилъ ворота смѣло, какъ будто свой и

поздоровался съ въѣхавшими во дворъ, которыхъ было дѣйствительно двое: мужчина и женщина. Въѣхавъ во дворъ, старуха освѣдомилась у меня о здоровьѣ моей хозяйки. Я ей отвѣтилъ, что хозяйка теперь плоха, сильно заболѣла.

Услышавъ такое сообщеніе отъ меня, старушенка поспѣшно схватила съ воза какія-то покупки что ли, и побѣжала въ комнаты, гдѣ на крыльцѣ Василій ее и прихватилъ. Я же подошелъ къ мужику, который выпрягалъ коней, какъ будто хочу ему помочь, и, выждавъ удобный моментъ, когда онъ зубами началъ развязывать какой-то ремень, схватилъ его сзади за горло и, поваливъ его, упалъ и самъ. Онъ оказался до того сильнымъ, что я его съ трудомъ удержалъ только, не давая ему этимъ убѣжать или закричать. Къ счастью, подоспѣлъ Василій на эту свалку, и со словами, что ты тутъ съ нимъ барахтаешься, всадилъ ему въ грудь большой ножъ, послѣ чего мужикъ угомонился. Покончивъ съ послѣднимъ, въ недобрый часъ попавшимъ подъ замахъ, мы направились опять въ комнаты, чтобы забирать тамъ все, что найдемъ подходящаго для насъ. Тутъ же валялась задушенная Василіемъ пріѣзжая гостья. Обыскавъ всѣ закоулки и ту каморку, гдѣ укрывались отецъ съ сыномъ, мы нашли болѣе семнадцати тысячъ наличными деньгами и много золотыхъ и серебряныхъ вещей. Захватили все съ собой и ушли благополучно.

Раздѣливъ между собою поровну деньги, мы съ Василіемъ отправились опять въ Томскую губ., а нашъ третій товарищъ остался на мѣстѣ. Пріѣхавъ въ Томскъ, мы начали съ Василіемъ гулять во всю. Для пущей свободы въ полученіи удовольствій, мы разошлись съ нимъ, но съ тѣмъ, чтобы потомъ сойтись опять вмѣстѣ. Другіе друзья послѣ заработка всегда расходятся, потому что не вѣрятъ одинъ другому... Такихъ случаевъ бываетъ много, что заработали два товарища хорошій купъ, смотришь, одинъ другого и норовитъ пришить изъ-за той доли товарища, которая досталась бы ему послѣ этого. Но у насъ съ Василіемъ, я говорю, этого не водилось. Гулялъ я, гулялъ и догулялся до

того, что схватилъ болѣзнь, которую при всемъ моемъ отвращенiи къ лѣченiю долженъ былъ лѣчить у славившейся своимъ искусствомъ во всемъ околодкѣ—Пѣвухи. Пѣвуха вылѣчила меня хорошо и скоро. Я ей за это обѣщалъ большую благодарность, которую впрочемъ, затянулъ, по свойственной мнѣ забывчивости въ такихъ случаяхъ до зимы.

Буранъ былъ такой сильный, какого не помнили уже за много лѣтъ наши сибирскiе старожилы, когда я ѣхалъ благодарить Пѣвуху на своемъ гнѣдкѣ, впряженномъ въ кошевку, гдѣ были разные гостинцы: ситчикъ темненькiй, который такъ идетъ къ лицу и лѣтамъ старухи, голова сахару, четыре фунта чаю хорошаго, двѣ шали, большая фляга водки и проч. Буранъ и темнота ночи, захватившей меня въ дорогѣ, были причиною того, что мы съ гнѣдкомъ сбились съ дороги. Ѣхали мы по бездорожью уже давно, но это замѣтить было трудно, такъ какъ, убаюкиваемый свистомъ мятели, я дремалъ, сидя въ кошевкѣ, закутавшись плотно въ доху. Нырянiе саней по снѣжнымъ наметамъ заставило меня проснуться. Проснувшись, я понялъ, что сбились съ дороги, но отыскивать ее не пошелъ, такъ какъ, отыскивая дорогу, я могъ въ глубокомъ снѣгу замочиться и потомъ мокрый тѣмъ вѣрнѣе замерзнуть. Я зналъ такихъ случаевъ много и потому, не желая изъ подражанiя моимъ предшественникамъ по заблужденiю замерзнуть, не рѣшился отыскивать дорогу. Я ограничился только тѣмъ, что пустилъ своего гнѣдка на его инстинктивное усмотрѣнiе. Гнѣдко тщетно нырялъ по сугробамъ снѣга, обнюхивая воздухъ, а я, свѣсившись черезъ бортъ своей кошевки, присматривался къ свѣту въ надеждѣ увидѣть какiе-нибудь признаки дороги. Барахтались мы въ сугробахъ снѣга почти до полночи. Но, вдругъ, наѣхали на что-то большое, черное, похожее на домъ. Тутъ-же стояла чья-то лошадь, запряженная въ такую же кошевку, какъ моя, и заваленную снѣгомъ такъ, что нельзя было разобрать сидѣвшую въ ней фигуру. Вылѣзши изъ кошевки, я подошелъ ближе къ сидѣвшей въ саняхъ фигурѣ и, обращаясь къ ней съ вопросомъ, что здѣсь

такое, увидалъ, что сидѣвшая фигура почти замерзаетъ. Тогда я обошелъ весь зародъ (это былъ зародъ сѣна) въ надеждѣ найти еще, быть можетъ, кого-нибудь изъ заблудившихся путниковъ, но болѣе никого не было. Возвратившись къ заблудившейся особѣ, я хотѣлъ зажечь сѣно, но, обдумавъ это, счелъ за лучшее не зажигать костра, а, пересадивъ себѣ замерзшую въ кошевку и привязавъ ту лошадь къ своей лошади, поѣхалъ туда, гдѣ въ недалекомъ разстоянiи что-то чернѣло. Это была тайга и мы въ нее въѣхали.

Въ тайгѣ въ небольшой падушкѣ [1]), защищенной почти со всѣхъ сторонъ чащей отъ вѣтра, я замѣтилъ большую, когда-то сломанную бурей сухую сосну, къ которой и направился. Тутъ же разложилъ костеръ. Сухiя вѣтви сосны запылали съ трескомъ и при яркомъ свѣтѣ я увидалъ, что замерзающая путница была дѣвушка-подростокъ, очень красивая, и въ это время спала или такъ закрыла глаза—не знаю. Снѣгъ вокругъ быстро оттаивалъ, да я его еще примялъ ногами, такъ что образовалась хорошая площадка, на которую я опрокинулъ кошевку. Такимъ образомъ я устроилъ гнѣздо для дѣвушки. Положивъ ее въ него, я принялся приводить ее въ чувство, т. е. досталъ изъ своей кошевки флягу съ водкой, которая предназначалась въ подарокъ вылѣчившей меня Пѣвухѣ, и началъ помаленьку, черезъ соломенку переливать ей въ ротъ водку изъ своего рта. Затѣмъ я снялъ съ ея ногъ башмаки и началъ ей тереть побѣлѣвшiя отъ мороза ноги. Высушивъ ея ботинки и обувъ ея ноги опять въ нихъ, я началъ снимать съ нея платье, которое было мокрое отъ того, что она вѣроятно ходила искать дорогу и въ снѣгу замочила его такъ, что оно на морозѣ стояло коломъ. И такъ, когда я сталъ снимать съ нея платье, она открыла глаза и, держась рученкой за него, что-то говорила. Я сперва не могъ разобрать, что она говоритъ; но она потомъ стала, хотя робко, но довольно уже внятно изъявлять свое нежеланiе быть раздѣтой. Тогда я растормошилъ ее посильнѣе, чтобы она могла

[1]) Падушка—родъ балки или котловины.

сама возлѣ костра обсушиться. Обсушившись хорошенько, мы стали съ ней дожидать въ тайгѣ, когда прекратится буранъ и наступитъ утро. Дѣйствительно, буранъ постепенно стихъ. Настало утро. Мы выѣхали изъ тайги. Мѣстность эта, гдѣ мы заблудились, находилась, какъ оказалось, въ четырехъ верстахъ отъ той деревни, въ которой жила дѣвочка.

Дѣвочка мнѣ разсказала причину своей поѣздки въ буранъ: она возила свою тетку въ другое селеніе домой къ ней, такъ какъ та гостила у ея родныхъ по случаю крестинъ. Деревня эта отстояла на восемнадцать верстъ отъ ихней. Дѣвченка просила меня, чтобы я ѣхалъ къ ея родителямъ, которые меня отблагодарятъ, но я не согласился на ея предложеніе, а спросилъ у нея дорогу туда, гдѣ жила Пѣвуха, и поѣхалъ къ ней. Пѣвуху я, разумѣется, отблагодарилъ.

Спустя послѣ этого мѣсяца три, ко мнѣ пріѣхалъ Василій; деньжонокъ у него такъ же, какъ и у меня, не было. Я былъ радъ его пріѣзду, такъ какъ съ нимъ можно было заработать хорошія деньги. Теперь мы отправились уже за благопріобрѣтеннымъ его свата въ Томскъ. Пріѣхавъ туда, мы дождались подходящей ночки и отправились на дѣло.

Былъ дождикъ, особеннаго плана у насъ не было на это дѣло. Всѣ наши мысли сосредоточились на томъ только, какъ-бы завладѣть деньгами стараго скареда. У него былъ сторожъ, былъ кучеръ и была стряпка. Вся эта прислуга служила порознь самому старику и его невѣсткѣ, Васильевой сестрѣ, которая жила здѣсь же на дачѣ, но только занимала другую половину дома. При дачѣ былъ садъ. Когда мы пришли, то пролѣзли черезъ заборъ въ садъ, изъ сада въ отворенное окно одной изъ комнатъ старика. Очутившись, такимъ образомъ, въ комнатѣ, мы изъ нея направились въ другую, а изъ той же попали въ спальню старика. Когда мы вошли въ его спальню, то онъ, очевидно, не спалъ, такъ какъ вскочилъ съ кровати и схватился за висѣвшій надъ кроватью кинжалъ, но не успѣлъ онъ обернуться, какъ мы набросились на него, отняли это оружіе и, тутъ же задавивъ его, положили опять

на кровать. Послѣ этого мы принялись обшаривать всѣ закоулки спальни и другихъ комнатъ. Но въ другихъ комнатахъ я напрасно искалъ: все состоянiе старика находилось въ его спальнѣ, въ небольшомъ окованномъ сундукѣ. Отобравъ деньги отъ разныхъ бумагъ, такъ какъ они были между собой перемѣшаны, мы насчитали ихъ двадцать четыре тысячи, какъ одну копѣйку. Захвативъ съ собой золотую пепельницу, высокой пробы, въ шесть фунтовъ вѣсомъ, изображавшую собой пушку и забравъ все прочее, мы вышли благополучно, не причинивъ никому больше вреда.

На другой день мы съ Василiемъ подѣлили между собой поровну добытыя деньги и отправились каждый своей дорогой. Василiй, впрочемъ, уговаривалъ меня тогда ѣхать вмѣстѣ съ нимъ въ Бiйскъ, гдѣ онъ проживалъ послѣднее время и, бросивъ все дурное, заняться торговлей и жить по-человѣчески. Но я на его предложенiе не согласился, такъ какъ не находилъ въ себѣ способности къ этому дѣлу да и при томъ не хотѣлъ мѣнять образа своей жизни, такой свободной и не безпокойной. Пробовать быть купцомъ, чтобы добывать себѣ средства къ жизни и даже удовольствiю посредствомъ торговли, я не хотѣлъ, а гулять тамъ, гдѣ купцы гуляютъ, дѣлая, впрочемъ и свои дѣла, я съ охотой поѣхалъ. Я поѣхалъ въ Нижнiй-Новгородъ. Василiй же избралъ лучшую часть и живетъ даже сейчасъ, сдѣлавшись человѣкомъ, въ Бiйскѣ.

Въ Нижнемъ я выдавалъ себя за торговаго человѣка-сибиряка и гулялъ почемъ попало, не жалѣя денегъ. Я запиралъ тамъ заведенiя и гулялъ въ нихъ съ прекраснымъ поломъ, наслаждаясь, какъ какой-нибудь султанъ турецкiй. Ярмарка только начиналась, я побывалъ на цыганскихъ и русскихъ хорахъ, при чемъ не скупился положить на бубенъ хорошенькой цыганочкѣ или русской дѣвицѣ въ традицiонномъ сарафанѣ и кокошникѣ, побывалъ также въ развеселомъ селѣ Кунавинѣ. Погулявъ, такимъ образомъ, въ Нижнемъ недѣли три, я вернулся опять въ свою Сибирь, такъ какъ деньги уже выходили, а доставать тамъ денегъ я не рѣшился, такъ какъ Россiя оказалась не такъ

проста насчетъ этого, какъ наша матушка Сибирь. Слова нѣтъ, я и тамъ могъ бы рискнуть, но не съ кѣмъ было. По дорогѣ въ Сибирь, я ничего не сдѣлалъ, исключая друхъ кражъ, изъ которыхъ одна дала мнѣ пользы семьсотъ рублей.

* * *

Добравшись до Каинскаго Округа, я пристроился въ одномъ селеніи по чужому виду на одного поселенца, который я пріобрѣлъ дорогой. Проживши въ этомъ селеніи мѣсяцевъ семь, познакомился я съ одной дѣвушкой и женился на ней, оставивъ по себѣ потомство дѣвочку Грушу, которая и сейчасъ жива: ей теперь уже 16 лѣтъ. Жена моя померла.

Имѣя въ виду одно дѣло, я рѣшилъ его сдѣлать. Дѣло это было—убійство церковнаго старосты. Я хотѣлъ его выполнить для большей скромности ночью, но обстоятельства этому вовсе не благопріятствовали и я принужденъ былъ волей-неволей дѣлать его днемъ или совсѣмъ не дѣлать. Я подумалъ, подумалъ и рѣшился на первое. А въ крайнемъ случаѣ, если-бы не удалось, я могъ бы оставить эту мѣстность и не быть все-таки въ отвѣтѣ. У этого старосты была единственная старуха жена и больше никого. Жилъ онъ своимъ домомъ, который находился близъ церкви. Выбравъ удобный случай днемъ, съ топоромъ, спрятаннымъ за поясомъ подъ полой, я отправился на дѣло. Вошелъ я въ сѣни, дверь которыхъ была открыта по случаю только-что прошедшаго дождика, и на крыльцѣ стояли горшки съ цвѣтами; окна домика также были открыты. Итакъ, войдя въ сѣни, я увидалъ, что старуха возится въ кладовкѣ. Я поздоровался съ ней, но она на мои слова ничего не отвѣтила и не взглянула даже. Это меня крайне удивило. Я не зналъ, что дѣлать. Увидавъ старуху въ кладовкѣ, хотѣлъ уже спросить что-нибудь для виду и уйти, не солоно хлебавши, но она меня не замѣтила по случаю своей глухоты и мнѣ надо было пользоваться случаемъ. Я такъ и сдѣ-

лалъ: вошелъ въ открытую дверь комнаты. Изъ первой комнаты чрезъ открытую дверь, ведущую въ другую комнату, я увидѣлъ, что спиной къ двери сидитъ староста за столомъ и что-то пишетъ, щелкая отъ времени до времени счетами такъ громко, что мои шаги были совершенно не слышны. Подойдя къ старостѣ неслышными шагами такъ уже близко, какъ мнѣ было надо, я вынулъ изъ-подъ полы свой топоръ и ударилъ имъ старосту по головѣ такъ сильно, что голова раздвоилась на двѣ части до самыхъ плечъ, и онъ неслышно соскользнулъ со стула на полъ. По раздвоенной головѣ нетрудно было убѣдиться въ дѣйствительной смерти старосты. Затѣмъ я направился въ кладовку къ старухѣ. Она такъ-же, какъ и въ то время, когда я вошелъ только въ сѣни, возилась съ какими-то горшками и что-то про себя бормотала. Я ударилъ ее по головѣ обухомъ топора, она упала съ раздробленнымъ черепомъ и разбившимся горшкомъ, который она держала въ рукахъ.

Уложивъ и старуху, я притворилъ сѣничную дверь и пошелъ въ комнаты искать деньги. Тамъ я началъ ломать сундуки и рыться въ нихъ, но обернувшись, увидѣлъ полную комнату народа съ ружьями, дрекольями. Былъ я тутъ-же схваченъ и связанъ. Случилось это все по той причинѣ, что сосѣдская дѣвочка зачѣмъ-то прибѣжала къ старостѣ и, увидавъ въ кладовой убитую старуху, вернулась домой и разсказала все ею видѣнное домашнимъ своимъ, которые собрали народъ и пришли меня арестовать. Били меня тогда такъ сильно, что не знаю, какъ я тогда живъ остался.

Произведя допросъ, меня отправили въ городъ въ тюрьму. Въ городѣ меня судили, какъ поселенца по документу, по которому я проживалъ въ этомъ селеніи, такъ какъ судебно-слѣдственныя справки подтвердили, что я дѣйствительно поселенецъ такой-то. Осудили меня безъ срока въ каторгу, а спустя мѣсяцъ послѣ суда я убѣжалъ изъ тюрьмы. Бѣжалъ я при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Насъ былу двое рѣшившихся на побѣгъ, другой былъ осужденъ на во-

семь лѣтъ. Камера, въ которой мы содержались, не отличалась особенной прочностью запоровъ, поэтому намъ не составляло большого труда выйти ночью на дворъ тюрьмы. Во дворѣ былъ дневной сортиръ для арестантовъ. Въ этомъ сортирѣ мы оторвали доску, но къ несчастью нашему не безъ треска, который послужилъ гибелью для моего товарища. Приставивъ доску къ оградѣ, я забрался по ней наверхъ. А товарищъ мой, увидѣвъ или услыхавъ что-то опасное, бросился въ сортиръ и заперся тамъ. Въ это же время я увидѣлъ нѣсколько человѣкъ караульныхъ солдатъ, появившихся возлѣ сортира. Я столкнулъ на нихъ доску, по которой мнѣ удалось взобраться на ограду и соскочилъ съ нея на землю—на волю! Тутъ какимъ-то чудомъ удалось мнѣ увернуться отъ часового, который, подскочивъ, хотѣлъ меня посадить на штыкъ. Отбѣжавъ на нѣсколько шаговъ отъ тюремной стѣны, я услыхалъ за собой выстрѣлъ, затѣмъ еще другой. Выстрѣлы эти, какъ я узналъ впослѣдствіи были: первый часового по мнѣ, второй былъ вѣстью о смерти моего товарища, который не хотѣлъ отвориться на требованіе караула во главѣ съ начальникомъ тюрьмы, изъ боязни быть заколотымъ или застрѣленнымъ. Несмотря на слова начальника тюрьмы, увѣрявшаго, что онъ не позволитъ убить его, онъ... былъ проколотъ двумя штыками сразу и прострѣленъ пулей навылетъ.

Убѣжавъ изъ тюрьмы, я направился опять въ Россію. По дорогѣ туда я кое-что приворовывалъ. Въ Россію я шелъ затѣмъ, чтобы тамъ, заграницей осудиться за бродягу и пріобрѣсть такимъ манеромъ чистое мѣсто и стушеваться нѣсколько отъ знавшихъ меня не особенно точно преслѣдователей. Я могъ бы судиться за бродягу въ Сибири, но неохота было получать пять лѣтъ каторги, которая полагалась въ то время каждому бродягѣ, судившемуся въ Сибири. Въ Россіи же ничего подобнаго не было. Добравшись до Перми (тамъ граница Сибири), я и былъ арестованъ и осужденъ на водвореніе въ отдаленныя мѣста Сибири. Изъ Перми я былъ препровожденъ въ числѣ

многихъ бродягъ и всевозможной категоріи ссыльныхъ въ Тюменскій приказъ о ссыльныхъ, а изъ Тюмени былъ отправленъ въ Томскъ, изъ Томска надо было въ Иркутскъ, но я дошелъ только до Нижне-Удинска, гдѣ меня уличилъ старый надзиратель, который служилъ во время моего побѣга, совершеннаго благодаря ремонту тюрьмы и содѣйствію бабы, отвлекавшей часового. Тогда я былъ, какъ Широколобовъ, осужденъ на семнадцать лѣтъ и шесть мѣсяцевъ (это было до побѣга изъ тюрьмы). Теперь же уличеннаго меня осудили еще на пять лѣтъ и сорокъ плетей.

Просидѣлъ я въ Нижне-Удинской тюрьмѣ два мѣсяца и потомъ былъ подъ особымъ карауломъ, съ такимъ же скакуномъ, какъ я, отправленъ въ рудники Алгачи. Въ Алгачахъ я просидѣлъ два года, а затѣмъ былъ отправленъ съ другими плотниками въ сел. Александровское строить тюрьму. По прибытіи туда мы сперва ходили на работу подъ конвоемъ, но затѣмъ начальникъ каторги г. Коморскій [1]), велѣлъ насъ освободить. Тюрьма, которую мы выстроили, предназначалась для богодуловъ [2]).

Въ числѣ богодуловъ, присланныхъ въ новую тюрьму, былъ одинъ мой знакомый нѣкто Скорбенко, которому на одной кражѣ искалѣчили ноги и онъ былъ поэтому богодулъ. Какъ семейный человѣкъ, онъ получилъ разрѣшеніе жить на квартирѣ, куда и я къ нему частенько хаживалъ. Тамъ у него былъ настоящій садомъ; парни и дѣвки къ нему собирались со всего селенія и была отъ этого цѣлая сводня. Бывая тамъ постоянно, я втрескался въ одну дѣвку Татьяну, какъ чертъ въ сухую грушу, но она меня вовсе не хотѣла знать. Тогда Скорбениха задѣлалась свахой и благодаря ея спеціальности въ этомъ дѣлѣ, Татьяна была моя. Родители Тани, узнавши, что она со мной хороводится, пригрозили ей, въ случаѣ она набѣгаетъ, убить «щенка» и ее «суку». Но я позаботился эту

[1]) Въ настоящее время издатель - редакторъ газеты „Восточный Вѣстникъ“.

[2]) Богодулами называются каторжные, содержащіеся въ тюремныхъ богадѣльняхъ.

опасность предотвратить, помѣстивъ свою сожительницу къ одной знакомой мнѣ старухѣ, пока она разрѣшится отъ бремени. Татьяна родила дѣвочку. На другой день, послѣ родовъ, я попросилъ у одного крестьянина коня и повезъ свою дочку въ Акатуй, чтобы подбросить ее начальнику тамошней тюрьмы. Но вышло лучше, т. е. не надо было подбрасывать. Я вошелъ въ кухню и отдалъ завернутаго ребенка старухѣ въ руки вмѣстѣ съ конвертомъ, въ которомъ была записка, значущая, что ребенокъ не крещенъ. Кухарка, разумѣется, не успѣла еще сообразить, въ чемъ дѣло, какъ я уже скрылся.

Жилъ я въ Александровскомъ хорошо, такъ что и убѣгать не особенно думалъ, но обстоятельства такъ сложились, что противъ воли долженъ былъ бѣжать. Стали поступать начальству жалобы и заявленія по случаю многократныхъ кражъ, вотъ начальство и стало разузнавать черезъ нашихъ же каторжныхъ, кто это орудуетъ. Я оказался заподозрѣннымъ серьезно и основательно. Мнѣ грозили безсрочная каторга, плети и строгое содержаніе. Не желая получать увеличенія сроса, сопряженнаго со строгостью содержанія, я бросилъ отбывать свою каторгу.

Сперва я появился въ Нерчинскѣ и, прогулявъ тамъ деньги, наворованныя за длинную дорогу, тянувшуюся туда изъ Александровскаго почти два мѣсяца, отправился въ Читу. Здѣсь я побылъ мѣсяца два и передался въ городишко Акшу. Тамъ я сталъ на квартиру къ одному плотнику. У меня былъ хорошій документъ на имя одного крестьянина, по которому я и проживалъ. Тѣмъ временемъ я пронюхалъ два дѣла, которыя сдѣлалъ и потомъ попался. Я считаю нужнымъ описать подробности этихъ дѣлъ, такъ какъ за нихъ отбываю и теперь каторгу.

Первое дѣло произошло такъ. Въ Акшѣ была одна старая дѣва, дочь священника: отъ роду она имѣла лѣтъ пятьдесятъ и на видъ была очень безобразна, въ добавокъ же къ тому была глуховата; если бы пришлось кому-нибудь ее увидѣть въ первый разъ, то каждый бы понялъ, что она идіотка. У нея жили му-

жикъ и баба преклонныхъ лѣтъ, между собой супруги. Первый исполнялъ должность кучера, сторожа и дворника, вторая—кухарки, скотницы и проч. Чтобы поближе ознакомиться съ дѣломъ, я пришелъ къ старой дѣвѣ покупать свиней, которыхъ у нея было много. Придя къ ней на дворъ, я былъ встрѣченъ лаемъ цѣпной собаки. Выбѣжавшая ко мнѣ кухарка, освѣдомившись, что мнѣ надо, велѣла обождать на дворѣ, пока она доложитъ барышнѣ. Мнѣ хотѣлось посмотрѣть внутри дома, что мнѣ было надо, чтобы ночью не путаться тамъ попусту. Барышня вышла на крыльцо и спросила оттуда, что мнѣ, мужичку, надо. Я подошелъ къ крыльцу и объяснилъ ей, что хочу купить у нея пару свиней. Она меня спросила, кто я и откуда. Я ей назвался крестьяниномъ изъ ближайшей деревни, но что живу теперь здѣсь, въ городѣ. Она тогда сказала, что свиней продажныхъ у нея нѣтъ, такъ какъ получила уже задатокъ отъ начальника мѣстной команды за восемь штукъ тѣхъ взрослыхъ свиней, которыя у нея были. Она предложила мнѣ купить подсвинковъ, которыхъ сейчасъ пока нѣтъ дома,—пасутся, а если хочу, то могу придти посмотрѣть ихъ, когда сядетъ солнце, когда пастухъ пригонитъ всю скотину домой. Я согласился придти въ назначенное время. Тѣмъ нашъ разговоръ съ поповной и кончился.

Спустя дней шесть, послѣ этого разговора, ночью (когда уже давно сѣло солнце), я пошелъ на дѣло, захвативъ съ собою винтовку. Ночь была дождливая, вѣтряная. Прислуга поповны помѣщалась на противоположномъ концѣ большого заросшаго бурьяномъ двора, въ какой-то амбарушкѣ; собаки не было слышно, она, должно быть, забилась въ свою конуру и сладко спала. Придя къ дому, я взломалъ штабу и отворилъ ставню окна, черезъ которое проникъ въ небольшую комнатку. Изъ этой комнаты была открыта дверь, ведущая въ другую комнату, служившую спальней поповнѣ. Поповна, по глухотѣ своей, быть можетъ, и не слыхала бы того треска, который происходилъ отъ ломаемой мною ставни; но собаченка, про существованіе которой я и не зналъ даже, услыхавъ шумъ, залилась звонкимъ лаемъ, ко-

тораго уже никакая глухая не могла не слышать. Проснувшаяся поповна подняла крикъ. Я вышелъ обратно на улицу и сталъ прислушиваться и присматриваться, не будутъ-ли сбѣгаться на крикъ поповны изъ близъ находящихся казармъ солдаты. Прослѣдивъ, такимъ образомъ, нѣсколько минутъ, я ничего такого не замѣтилъ, что-бы могло грозить опасностью и даже не слыхалъ уже никакого крика въ домѣ проснувшейся поповны. Чтобы окончательно убѣдиться въ своей безопасности, я пошелъ къ солдатскимъ казармамъ посмотрѣть, нѣтъ-ли тамъ какого волненія; но ничего подозрительнаго не было. На одномъ окнѣ казармы я замѣтилъ подсумокъ съ патронами. Не долго думая, я открылъ окно и взялъ его, такъ какъ патроны мнѣ были нужны. Вернувшись тогда опять къ своему дѣлу черезъ поломанное уже ранѣе окно, я проникъ опять въ ту же комнату, т. е. кухню. Дверь, ведущая въ другую комнату, была уже заперта. Тогда я пустился на хитрость, началъ стучать въ дверь, какъ будто человѣкъ, шедшій мимо ея дома въ то время, когда изъ него слышался крикъ, и теперь пришедшій изъ любви къ ближнему, узнать въ чемъ дѣло. На мой стукъ въ дверь послышался вопросъ: кто тамъ такой? Притомъ поповна спросила такъ жалобно, что я думалъ—вотъ сейчасъ отворится дверь. Согласно взятой на себя роли, я началъ искренно ей что-то врать, но не могъ расположить свою барышню къ довѣрію. Она все-таки находила страннымъ появленіе своего ближняго съ добрымъ намѣреніемъ черезъ взломанное грабителемъ окно. Тогда пользуясь глухотой ночи и осаждаемой, я началъ разбирать замѣченный мною промежутокъ между печкой и потолкомъ, заложенный кирпичемъ въ одинъ рядъ толщиной и въ четыре кирпича вышиной. Пробирать такую брешь въ импровизированной крѣпости было довольно сложной задачей, но благодаря нѣкоторой тактикѣ въ этомъ стратегическомъ дѣлѣ, я преодолѣлъ ее.

Нашелъ я въ кухнѣ какую-то кадочку и, подставивъ ее себѣ подъ ноги, досталъ такимъ манеромъ руками до того промежутка, который и началъ ломать. Одной

рукой я взялъ ручку двери и стучалъ ею для того, чтобы глухая барышня сосредоточила все свое вниманіе на трясущейся двери, а на пробираемый промежутокъ не обращала вниманія; это я дѣлалъ, перекосивъ свой корпусъ, стоя на кадкѣ. Когда я пробралъ отверстіе въ промежуткѣ настолько, что могъ просунуть голову, то увидѣлъ, что барышня стояла возлѣ двери, припавъ ухомъ къ замочной скважинѣ и держала въ рукахъ большой револьверъ. Не имѣя возможности продолжать дергать дверь рукою, я сталъ это дѣлать ногою. И въ это время, пробравъ быстро еще нѣсколько кирпичей, такъ что могъ уже пролѣзть, взялъ полкирпича и ударилъ имъ поповну съ такой силой, что она упала. Падая она произвела выстрѣлъ, очевидно, отъ судорожнаго сжатія рукъ. Я вскочилъ тогда въ комнату и ударилъ храбрую барышню еще разъ тѣмъ же кирпичемъ по головѣ: кирпичъ разлетѣлся въ песокъ, а голова, сѣдѣвшая уже, стала окрашиваться кровью, перемѣшанной съ мозгами. Собаченка, которая во все время продѣлываемой мною манипуляціи скребла дверь и звонко лаяла, бросилась къ своей госпожѣ, визжала, стала царапать ей грудь, но я ее тутъ же убилъ объ уголъ печки. Отворивъ дверь и взявъ свою стоявшую въ корридорѣ винтовку, я вышелъ на крыльцо послушать, нѣтъ-ли чего подозрительнаго. Затѣмъ, затворивъ опять всѣ двери, я началъ обшаривать всѣ сундуки и закоулки. Въ разныхъ мѣстахъ я нашелъ болѣе пяти тысячъ наличными деньгами и много иностранныхъ прусскихъ монетъ, золотыхъ и серебряныхъ. Серебряныя монеты были до того черны, что я не рѣшался ихъ брать, считая ихъ за мѣдныя.

Покончивъ съ этимъ, я отправился въ тайгу и началъ тамъ приготовлять лошадей для предстоящаго бѣгства, предположеннаго мною послѣ совершенія другого преступленія, на которое идти ранѣе недѣли нельзя было. Я задался мыслью добыть хорошихъ денегъ и ради этого готовъ былъ перебить полъ Акши. Но зная хорошо, что по случаю убійства поповны будетъ сильная тревога, я рѣшился выжидать въ тайгѣ успокоенія города. Я не могъ не приняться за дру-

гое дѣло, которое, по моему соображенію, должно было дать мнѣ по крайней мѣрѣ столько же, сколько дало первое. Второй мой замыселъ касался убійства китайца, который торговалъ въ Акшѣ лавкой и звался Николашей. Онъ былъ крещенъ, кажется.

Спустя недѣлю времени, я отправился на это дѣло. У меня имѣлись долото и центровка, какъ орудія взлома и топоръ съ револьверомъ, какъ оружія убійства. Пришелъ я ночью и, снявъ съ себя на огородѣ сапоги, направился босякомъ къ дому. Китаецъ, какъ я уже сказалъ, торговалъ всевозможными товарами и торговалъ очень бойко: якшался онъ со всей Акшинской знатью, а болѣе всего съ офицерами, которые частенько ходили къ нему играть въ карты. При лавкѣ находился сторожъ, который сторожилъ, положимъ, и во дворѣ, гдѣ кромѣ его для того же имѣлась большая цѣпная собака. Лавка эта была, какъ обыкновенно бываютъ лавки, растворомъ на улицу. Брать эту дверь я находилъ неудобнымъ, такъ какъ сторожъ, karауливщій ее, могъ замѣтить взломанную дверь и ничего бы не вышло. Для того же, чтобы проникнуть во внутрь дома, я счелъ лучшимъ остановиться на двери, которая выходила во дворъ. Просверлить четыре дыры посредствомъ имѣвшейся для того у меня центровки и затѣмъ выбрать долотомъ то пространство двери, что окажется между четырьмя дырами, сдѣлать это можно тихо и скоро; а когда дыра будетъ уже готова, то откинуть крючекъ, запирающій изнутри дверь,—вотъ и все, что нужно въ подобномъ случаѣ.

Но прежде, чѣмъ это сдѣлать, я пошелъ потихоньку къ собакѣ, которая лежала въ это время въ своей конурѣ и что-то грызла. Я потихоньку подобралъ цѣпь, на которой она была прикована, и дернулъ за нее съ такой силой, что собака, какъ пружиной выброшенная, выскочила изъ своей конуры. Я ее тутъ и пристукнулъ обухомъ имѣвшагося въ рукахъ топора.

Убивши собаку, я приступилъ къ сверленію двери, которую преодолѣлъ скоро, тихо и легко. Бѣлѣвшееся мѣсто я запачкалъ грязью, чтобы сторожъ не обра-

тилъ вниманія. Очутившись въ корридорѣ, я принужденъ былъ и вторую дверь такъ же сверлить, какъ и первую, такъ какъ она была также заперта. Дверь эта вела въ лавку, а изъ лавки уже къ китайцу въ комнату. Отперъ я и эту дверь такимъ-же путемъ, какъ и первую. Войдя въ лавку, я наступилъ на половицы, которыя такъ заскрипѣли, что я было усумнился въ своемъ успѣхѣ, но прислушавшись и убѣдившись, что все обстоитъ благополучно, пошелъ къ двери комнаты китайца. Дверь была отдѣлена отъ меня прилавкомъ, въ которомъ имѣлась и дверца, но я не замѣтилъ ея и сталъ перелѣзать черезъ него. Когда я перелѣзалъ то онъ такъ заскрипѣлъ, что я второй разъ усумнился къ возможности выполнить свое дѣло, но недолго пришлось сомнѣваться въ точности своего предположенія. Въ комнатѣ, за дверью послышался безпокойный шорохъ и я бросился стремглавъ туда, не замѣтивъ, какъ сорвалъ дверной крючекъ. Какъ только я вскочилъ въ комнату, съ порога другой комнаты раздались одинъ за другимъ два револьверныхъ выстрѣла, сдѣланные въ меня китайцемъ, пока я не успѣлъ подскочить къ нему и ударомъ топора прорубить насквозь голову, отъ одного уха до другаго. На мнѣ были прострѣлены только штаны и рубаха. Китайца я не сталъ больше бить, такъ какъ у него была прорублена какъ я уже сказалъ, насквозь голова. Я сталъ искать деньги, но такъ какъ долго не могъ найти, то пошелъ въ лавку послушать у двери, не произошло-ли чего подозрительнаго за это долгое послѣ двухъ выстрѣловъ время, но ничего не оказалось. Тогда я принялся снова искать въ лавкѣ и, вспомнивъ про тѣ половицы, которыя такъ скрипнули, поднялъ ихъ. Не найдя подъ ними ничего такого, бросилъ туда топоръ и центровку, а долотомъ мнѣ было нужно еще ломать нѣкоторые сундуки, поэтому я его оставилъ. Только я хотѣлъ итти опять въ комнаты, какъ услыхалъ возлѣ двери на улицѣ чей-то разговоръ, котораго, впрочемъ, не могъ понять. Потомъ уже, когда попался, то изъ обвинительнаго акта узналъ, что это шли съ «винта» частный полицейскій приставъ и одинъ армейскій офицеръ. Они

спрашивали у сторожа, спитъ-ли его хозяинъ и, получивъ утвердительный отвѣтъ, пошли себѣ дальше, а хотѣли они зайти къ китайцу. Но счастливъ ихъ Богъ! я принялся опять искать деньги и съ большимъ трудомъ нашелъ ихъ тамъ, гдѣ и не ожидалъ, именно: въ шкатулкѣ, прикрѣпленной къ кровати изъ-подъ низу. Хитрый народъ, эти китайцы! Денегъ было десять тысячъ семьсотъ рублей. Забравши ихъ, я выбралъ себѣ въ лавкѣ хорошіе сапоги съ высокими голенищами для предстоящаго путешествія, взялъ мѣдный чайникъ, сахару большой кусокъ, чаю и два шелковыхъ кушака цѣной рублей по двадцати пяти каждый. Когда я вышелъ, то уже разсвѣло.

Долото я ткнулъ, какъ попало, подъ крыльцо, и пошелъ на улицу прямо, не заходя на огородъ за брошенными сапогами. Когда я шелъ по улицамъ проснувшагося уже городка, то меня многіе изъ встрѣчныхъ оглядывали какъ-то подозрительно потому, что они видѣли на мнѣ новые сапоги, а въ рукахъ покупки, которыхъ въ такую рань я не могъ нигдѣ купить, такъ какъ были закрыты всѣ лавки. Но скоро городишка долженъ былъ взволноваться по обнаруженіи совершеннаго въ эту ночь убійства, которое сходилось своимъ характеромъ съ первымъ убійствомъ, совершеннымъ недѣлю тому назадъ. Волнуется Акша отъ этихъ дерзкихъ преступленій, которыя по понятію жителей городка могутъ повторяться еще неоднократно, такъ какъ дѣлавшій ихъ преступникъ не постѣснялся солдатскихъ казармъ и полицейскаго управленія, учрежденій, находившихся возлѣ мѣстъ преступленій. Надо убѣгать!

Прійдя къ мѣсту, гдѣ стояли мои кони, я сѣлъ на одного изъ нихъ, а другой былъ съ вьюкомъ, и поѣхалъ сейчасъ же цѣльной тайгой. Проѣхавъ цѣлый день, я остановился кормить своихъ лошадей. Распорядившись лошадьми, я отошелъ отъ нихъ на порядочное разстояніе и разложилъ костеръ, чтобы сварить себѣ чаю. Въ это время лошади мои начали съ визгомъ другъ друга грызть, я поспѣшилъ къ нимъ, чтобы помирить ихъ. Помиривъ лошадей, я вернулся опять

къ костру, который разгорѣлся до громадныхъ размѣровъ. Вдругъ вижу—казакъ идетъ... безъ ружья... согнулся какъ-то и не думаетъ вовсе подойти ко мнѣ. Я его позвалъ и онъ подошелъ, какъ-то нехотя, съ опаской. Я его спросилъ, кто онъ такой, куда и откуда идетъ. Онъ началъ мнѣ объяснять какъ-то неправдоподобно причину своего появленія здѣсь. Онъ гововилъ, что былъ въ станицѣ у своей любовницы, напился пьянымъ и пошелъ домой въ другую станицу, но дорогой его разобралъ хмѣль и онъ, войдя въ попавшійся ему на дорогѣ балаганчикъ, проспалъ тамъ до этихъ поръ, а теперь проснувшись, продолжаетъ свой путь домой. При этомъ онъ попросилъ у меня позволенія погрѣться у моего огня: такой вѣжливости съ его стороны я не могъ себѣ объяснить. Онъ мнѣ показался не то сумасшедшимъ, не то какимъ-то, не умѣющимъ дѣлать своего дѣла, фискалишкой, появленіе котораго здѣсь, въ тайгѣ, казалось мнѣ возможнымъ по той причинѣ, что, когда я выходилъ изъ города послѣ совершеннаго преступленія, то на меня смотрѣли такъ подозрительно встрѣчавшіеся со мной, успѣвшіе встать въ такую рань. Мнѣ казалось, что кто-нибудь изъ этихъ любопытныхъ, основываясь на своемъ подозрѣніи, захотѣлъ его провѣрить путемъ незамѣтнаго для меня прослѣживанія до того мѣста, гдѣ были мои кони. Когда же выяснилось, что я сажусь на коня и пускаюсь въ путь тайгою, то подозрѣнія, уже оказавшіяся, значитъ, основательными, могли подстрекнуть дальнѣйшее любопытство. Любопытному ничего не оставалось, какъ только воротиться въ городъ, или преслѣдовать меня незамѣтно и въ тайгѣ такъ же, какъ въ городѣ, до тѣхъ поръ, пока я не окажусь недалеко отъ какой-нибудь станицы или жилья, въ которомъ можно было-бы найти помощь для заарестованія меня если заявить тамъ населенію. А можетъ быть, невольно подсѣвшій ко мнѣ казакъ, намѣревался, дождавшись удобнаго случая, когда я буду спать, напасть на меня, завладѣлъ моей винтовкой и препроводить, такимъ образомъ, въ городъ подъ конвоемъ и потомъ гордиться своимъ подвигомъ. Какъ-бы то ни было, но по закону

той профессіи, къ которой я принадлежу и по другому, болѣе безпощадному закону тайги, я долженъ былъ устранять даже кажущуюся опасность, могущую грозить чѣмъ-нибудь моей личности. У тебя табачекъ есть, спрашиваю я у шпіона. Да нѣту у меня ничего, отвѣчалъ онъ. Тогда я ему далъ табачку и бумажки (хотя я самъ курилъ трубку, но бумага у меня была). Онъ, присѣвъ къ огню, сталъ свертывать себѣ папироску, а я зашелъ въ это время сзади его и когда онъ сталъ закуривать, я его стволомъ винтовки подковырнулъ съ такой силой, что, перекувырнувшись раза два черезъ голову, онъ очутился въ самой серединѣ костра, который разгорѣлся до того уже, что невозможно было стоять близко. Онъ попытался было выскочить оттуда, бросившись безъ памяти прямо въ ту сторону, съ которой былъ втолкнутъ, какъ будто-бы это былъ единственный выходъ, но я его опять толкнулъ дуломъ въ грудь и онъ болѣе не пытался оттуда выскочить. Сгорѣлъ казакъ! Можетъ быть онъ и не былъ для меня опаснымъ, кто его знаетъ, но, значитъ, такая его судьба, а мнѣ нельзя-же было «пропустить очко».

Отдохнувъ ночь, съ утра я опять пустился въ путь и проѣхалъ весь день безъ приключеній. Переночевавъ въ тайгѣ другую ночь, на слѣдующій день я пріѣхалъ къ одной рѣченкѣ, впадающей вь Ононъ, названіе которой не помню. Я нашелъ ее невозможной для переправы на другой берегъ по случаю ея топкости. Для того, чтобы переправиться на другую сторону, я долженъ былъ поискать переправы вдоль берега. Подвигаясь, такимъ образомъ, по теченію рѣки и не находя переправы, совсѣмъ незамѣтно для себя, подъѣхалъ къ какой-то станицѣ или селенію, вблизи котораго былъ мостикъ, черезъ который я и переправился. Когда я ѣхалъ, то жители станицы меня понятно видѣли. Отъѣхавъ верстъ десять, я остановился покормить коней и отдохнуть. Только что расположился пить чай, какъ внизу (я помѣстился на горѣ) я замѣтилъ человѣкъ десять казаковъ, разъѣзжающихъ съ винтовками. Я понялъ, что это ищутъ меня казаки,

замѣтившіе мою переправу черезъ ихъ мостъ. Имъ изъ Акши, можетъ быть, была телеграмма, но какъ бы тамъ ни было, я долженъ былъ убираться съ этого мѣста.

Отъѣхавъ еще верстъ восемь, я опять остановился и сталъ наблюдать своихъ коней съ возвышенности. Одного изъ нихъ «рыжку», который не отличался спокойствіемъ нрава, я спуталъ, за неимѣніемъ чего-либо другого, кушакомъ, который я взялъ въ лавкѣ китайца. Наблюдая такимъ манеромъ своихъ коней и находясь также въ это время незамѣченнымъ, я увидѣлъ одну человѣческую фигуру, крадущуюся съ винтовкой въ рукахъ; затѣмъ и другая фигура показалась, также съ винтовкой. Я насторожился. Смотрю: одна фигура подходитъ къ моему «рыжкѣ» и осматриваетъ его, затѣмъ наклоняется и начинаетъ развязывать кушакъ, связывающій «рыжкѣ» ноги. Я взялъ винтовку и, прицѣлившись, выстрѣлилъ въ этого человѣка. Когда я подошелъ къ убитому, то онъ оказался бурятомъ; товарищъ же его убѣжалъ. Тотчасъ, сѣвъ на коня, я направился дальше.

Черезъ часъ времени я подъѣхалъ къ рѣкѣ Онону и увидѣвъ, послѣ недолгихъ поисковъ переправы, балаганъ перевозчиковъ на томъ берегу, кликнулъ ихъ. Они подплыли вдвоемъ: одинъ былъ старикъ, другой — молодой, здоровенный парнище поразительнаго сходства со старшимъ (это былъ его сынъ). На мой вопросъ, могутъ-ли они перевезти меня вмѣстѣ съ лошадьми, получился отвѣтъ, что нельзя, такъ какъ Ононъ по случаю шедшихъ дождей разлился и бѣснуется, а лодка у нихъ мала, не можетъ поднять такого груза, какъ три человѣка и двѣ лошади. Привязывать же коней или вести за лодкой вплавь опасно, такъ какъ они, попугавшись плывущихъ коряжинъ, могутъ потопить лодку или, по крайней мѣрѣ, сами утонутъ. Затѣмъ старикъ, подозрительно оглядывая меня, спросилъ, кто я такой и откуда ѣду. Я ему сказалъ, что самъ я крестьянинъ изъ Аракала (я слышалъ, что естъ такое селеніе въ этомъ раіонѣ), а ѣду въ братскую думу по общественному дѣлу. Но старикъ моимъ словамъ, вижу,

не довѣряетъ и торопится отчалить отъ берега подъ предлогомъ того, что у него есть тутачко недалеко большая лодка, въ которой онъ меня благополучно и переправитъ на тотъ берегъ, вмѣстѣ съ лошадьми.

Замѣтивъ, образовавшееся въ старикѣ намѣреніе, я снялъ висѣвшую за спиной винтовку и приказалъ везти себя сейчасъ же на ту сторону вмѣстѣ съ лошадьми. Несмотря на всѣ прежнія доказательства невозможности переправы, старикъ и молодой опѣшили отъ такого поступка съ моей стороны, но сопротивляться не стали, а только говорили, что не знаютъ, выйдетъ-ли эдакъ, какъ я думаю, что-нибудь хорошее. Я имъ сказалъ, что самъ распоряжусь безъ нихъ и приказалъ старику садиться на руль. Держа за поводъ плывущихъ лошадей, я правилъ ими, а сына заставилъ грести, благо онъ былъ здоровый такой. Сидя по срединѣ лодки, между ними, я могъ наблюдуть, чтобы пепрaва производилась добросовѣстно. Лошади сперва не хотѣли было плыть за лодкой, но, увидавши себя безпомощными среди плывущихъ бревенъ и дѣйствительно громадныхъ коряжинъ самой причудливой формы, которыхъ впору и человѣку пугаться, не только скотинѣ, поплыли спокойно, какъ на буксирѣ судно. Насъ хотя и снесло по теченію на версту или больше, но всетаки мы благополучно переправились на другой берегъ расходившагося Онона. Переправившись на этотъ берегъ, я спросилъ отца и сына, не скажутъ-ли они кому-нибудь, что меня перевезли. Они сказали, что нѣтъ, и я имъ далъ двадцатипяти-рублевую бумажку и пригрозилъ, что убью, если они кому-нибудь посмѣютъ сказать обо мнѣ. Я поѣхалъ дальше.

Погони за мной ужъ не было, и облавы тоже; здѣсь потерялся мой слѣдъ, и я благополучно добрался до Читы. Въ этомъ городѣ я повстрѣчался съ однимъ своимъ знакомымъ парнемъ, который меня и продалъ. Впрочемъ, остерегаться я не имѣлъ бы никакого основанія, такъ какъ ничего ему не говорилъ по поводу своихъ дѣлъ. Вредить онъ мнѣ имѣлъ другіе пути. Онъ зналъ по данной изъ Акши телеграммѣ, въ которой были описаны примѣты преступника, что совершившій

тамъ преступленіе былъ никто иной, какъ Широколобовъ. Заключеніе это онъ могъ сдѣлать потому, что зналъ о моемъ исчезновеніи изъ Александровской тюрьмы, и перебравши кое-что въ своемъ умѣ, будучи самъ воромъ, онъ могъ быть компетентнымъ предполагателемъ личности преступника, совершившаго эти два преступленія. Зная всѣхъ мастеровъ кроваваго дѣла, онъ пришелъ къ тому выводу, что я именно и былъ тотъ самый рыжій, рябой, большого роста, о которомъ говорилось въ акшинской телеграммѣ. Предположенія его были уже не сомнительны, когда онъ встрѣтилъ меня въ Читѣ «при фартѣ» [1]).

Теперь надо воротиться въ Акшу и узнать, какимъ путемъ стало извѣстно тамъ, что виновникъ двухъ убійствъ былъ именно тѣхъ примѣтъ, какъ я. За первое преступленіе я не былъ попримѣтно описанъ и даже совсѣмъ заподозрѣнъ; но за второе—съ китайцемъ—былъ открытъ вслѣдствіе слѣдующихъ правдивыхъ обстоятельствъ. Долото, которое я ткнулъ коекакъ подъ крыльцо, было найдено явившимися на мѣсто преступленія властями. По понятію, вовсе не согласующемуся ни съ чѣмъ, долото признано было принадлежащимъ какому-нибудь плотнику, который долженъ быть непремѣнно убійцей китайца, а такъ какъ это преступленіе сходится съ предыдущимъ преступленіемъ, то —и убійцей поповны. Изъ толпы, любопытной къ кровавому происшествію, публики—двое или трое подтвердили догадки лицъ судебнаго слѣдствія, заявивъ, что они, дѣйствительно, знаютъ одного плотника, жившаго на квартирѣ у плотника, ихняго сосѣда. Вотъ этого самаго квартиранта и можно считать, пожалуй, преступникомъ, такъ какъ онъ, послѣ перваго совершившагося преступленія, въ городѣ пропалъ съ квартиры неизвѣстно куда, и что послѣ, спустя недѣлю, его видѣли утромъ, какъ разъ того дня, когда былъ убитъ «китаецъ», шедшаго въ новыхъ сапогахъ и съ какими-то свертками. Тутъ же нашлись въ толпѣ и тѣ, которые меня видѣли въ достопамятное утро.

[1]) Фартъ—удача, успѣхъ, денежное состояніе послѣ преступленія.

Другіе разсказали то, что знали обо мнѣ т. е., что я слылъ плотникомъ, проживалъ на квартирѣ у ихняго знакомаго, также плотника, Ивана, но, чтобы я работалъ когда-нибудь, имъ не случалось видѣть. Власти сейчасъ же отправились со свидѣтелями на ту квартиру, гдѣ я стоялъ у плотника, начали производить тамъ допросъ моимъ бывшимъ хозяевамъ и производить обыскъ, въ надеждѣ найти что-нибудь изъ вещественныхъ доказательствъ преступленія. На допросѣ властей бывшіе мои хозяева показали, что у нихъ, дѣйствительно, стоялъ квартирантъ, назвавшій себя плотникомъ и никогда не работавшій этой работы; показали, что постоялецъ, дѣйствительно, исчезъ съ квартиры въ то время, когда было обнаружено въ городѣ первое изъ двухъ преступленій. Отдали властямъ и тотъ документъ, по которому я проживалъ у нихъ на квартирѣ. При этомъ они добавили, что безъ документа они не пускаютъ на квартиру никогда никого. Говорили они это, надѣясь, что будутъ менѣе виноваты въ укрывательствѣ преступника. Между прочимъ же они, дѣйствительно, не знали, кто у нихъ на квартирѣ, такъ какъ я имъ не говорилъ о себѣ ничего настоящаго. При обыскѣ была найдена шаль, собственность моей бывшей квартирной хозяйки, которую ей купилъ къ свадьбѣ покойный первый ея мужъ (она была за вторымъ мужемъ) двадцать четыре года уже тому назадъ. Полиція придралась къ этой шали, какъ къ вещественному доказательству участія моихъ бывшихъ квартирныхъ хозяевъ, въ совершенномъ мною преступленіи. За давностью времени и отсутствіемъ свидѣтелей, которые могли-бы подтвердить, что видѣли у старухи когда-нибудь эту шаль, старуха не могла доказать законной принадлежности себѣ этой вещи, и была привлечена къ отвѣтственности за сообщничество и укрывательство. Мужъ ея также былъ пристегнутъ тѣмъ болѣе, что онъ не могъ доказать, что долото, найденное подъ крыльцомъ, не его, такъ какъ изъ постороннихъ никто не зналъ его инструментовъ, слѣдовательно, не могъ подтвердить его показаніе, отрицающее принадлежность ему этой вещи. По сте-

ченію несчастныхъ обстоятельствъ бывшіе мои квартирные хозяева были осуждены.

По оставленному документу меня не преслѣдовали, такъ какъ догадались, что онъ былъ не мой, а по дознаннымъ примѣтамъ дали телеграммы повсюду. По одной изъ нихъ я былъ арестованъ въ Читѣ знакомымъ моимъ, ставшимъ въ то время сыщикомъ. Въ Читу были вызваны изъ Акши всѣ свидѣтели и я былъ уличенъ. Сидѣлъ я въ читинской тюрьмѣ подъ военнымъ карауломъ, содержаніе было строгое, потому, что я былъ преданъ временному военному суду и долженъ былъ быть приговоренъ имъ къ повѣшенію. Судомъ я судился за побѣгъ изъ Александровской тюрьмы, за совершеніе цѣлаго ряда кражъ въ томъ же селеніи Александровскомъ, слѣдствіемъ которыхъ и былъ мой побѣгъ оттуда, потомъ за эти два убійства—китайца и старой дѣвы. За все это присудили меня къ смертной казни черезъ повѣшеніе. До суда я просидѣлъ восемь мѣсяцевъ въ одиночкѣ, въ ручныхъ и ножныхъ кандалахъ, подъ военнымъ сильнымъ карауломъ.

Дожидать своей участи мнѣ не пришлось долго: черезъ двадцать одинъ день благодаря поданному моимъ защитникомъ прошенію на Высочайшее Имя, я былъ помилованъ и мнѣ осталась еще кромѣ жизни—безсрочная каторга. Спустя восемь мѣсяцевъ, я былъ, по распоряженію губернатора Забайкальской области, Маціевскаго, отправленъ въ линейный батал іонъ до Стрѣтенска. Во все время, когда мы плыли по Ингодѣ и Шилкѣ на плотахъ, т. е. въ продолженіе девяти сутокъ, я былъ прикованъ цѣпью къ столбу, собственно для того устроенному на плоту, и охранялся тремя часовыми, находясь въ то же время въ ручныхъ и ножныхъ кандалахъ. Въ Стрѣтенскѣ въ ожиданіи партіи, которая должна будетъ отправляться на о. Сахалинъ, я находился не въ тюрьмѣ, а въ казармахъ музыкантской команды все въ тѣхъ-же ручныхъ и ножныхъ кандалахъ и также прикованный къ столбу и охраняемый тремя часовыми. Въ такомъ положеніи я дожидался тамъ партіи полтора мѣсяца и дождавшись былъ пріобщенъ къ ней и отправленъ сюда, на Сахалинъ.

По прибытіи на Сахалинъ я былъ посаженъ въ кандальной въ одиночку и прикованъ къ тачкѣ. Просидѣлъ я въ одиночкѣ при тачкѣ всю зиму и лѣто; затѣмъ начальникомъ тюрьмы г. Зелинскимъ былъ выпущенъ изъ одиночки и помѣщенъ въ общую камеру № 1 корпуса.

Въ общей камерѣ я познакомился съ покойнымъ Пащенкомъ. По его инициативѣ совершили побѣгъ. Сперва мы хотѣли получить свободу посредствомъ подкопа, но дѣло наше не выгорѣло, такъ какъ свои же засыпали [1]). Тогда мы убѣжали ночью черезъ прорѣзъ въ потолкѣ. Когда мы спускались съ палей [2]), часовой насъ замѣтилъ и началъ стрѣлять, а потомъ закричалъ; но все это намъ не было опасно, такъ какъ около почтово-телеграфной конторы мы уже спустились внизъ къ сгорѣвшей теперь банѣ и побѣжали по дорогѣ, прямо въ Шустову падь. Тамъ, нѣсколько уставшіе мы стали итти тише. Но вдругъ посыпались градомъ выстрѣлы. Мы бросились убѣгать, а вслѣдъ за нами бѣжавшіе солдаты стали непрерывно стрѣлять. Это были конвойные, пересѣкшіе намъ дорогу, благодаря близкому по Лазаретной улицѣ разстоянію до Шустовой пади. Стрѣляли въ насъ солдаты до тѣхъ поръ, пока были у нихъ заряды; а потомъ насъ преслѣдовали съ цѣлью поколоть штыками. Люди они были свѣжіе, не измученные заключеніемъ, какъ мы, и поэтому могли-бы достигнуть своей цѣли—поколоть насъ, но случай насъ выручилъ. Я упалъ и, будучи не замѣченъ, остался цѣлъ. Пащенку спасла его находчивость и отвага. Видя, что гибель неминуема, онъ сталъ спиною къ лиственицѣ и выхватилъ большой ножъ (который такъ тщательно сохранялся въ тюрьмѣ отъ обыска). Ставъ въ оборонительную позу, онъ крикнулъ нападающимъ, что живой въ руки не дастся и, если кому изъ нихъ жизнь надоѣла, то пусть попробуетъ подойти поближе со своимъ штыкомъ. Солдаты не подошли къ нему, а начали искать меня. Я

---

[1]) Засыпали—выдали.
[2]) Пали—тюремная ограда изъ торчмя поставленныхъ бревенъ.

же пустился убѣгать, и, убѣжавъ отъ солдатъ, разрознился съ Пащенкомъ.

Кричать было глупо, вѣдь не за ягодами пошли мы въ тайгу, чтобы аукаться. Я долженъ былъ куда-нибудь итти, но куда было итти, чтобъ найти Пащенку, я не зналъ. Мы ранѣе не условились объ этомъ, потому что не думали когда-нибудь быть разлученными. Просто, чтобы итти куда-нибудь, я пошелъ черезъ Камышевый хребетъ въ Тымовскій округъ. Шелъ я туда восемь сутокъ, не зная дороги и ничего не ѣвши, кромѣ ягодъ. Нога моя не давала мнѣ итти, такъ какъ при многочисленныхъ паденіяхъ я разбилъ ее въ колѣнкѣ; но съ горемъ пополамъ, проклиная сахалинское бродяжество, я дотащился до Верхняго Армудана. Тамъ я ночью облазилъ чуть-ли не всѣхъ крестьянъ, добылъ хлѣба, масла и надушилъ пять штукъ куръ. Не стерпѣвши мучившаго меня голода, я сталъ ѣсть добытую мною провизію тутъ-же въ деревнѣ, возлѣ крайней избушки. Здѣсь я увидѣлъ троихъ людей, шедшихъ по улицѣ и разговаривавшихъ между собою о томъ, что Мерказинъ [1]) приказалъ непремѣнно убить «ихъ», гдѣ только они будутъ, такъ какъ это самая головка кандальной тюрьмы, что ихъ приказано во что бы то ни стало уничтожить, а то они много по острову бѣдъ надѣлаютъ. Затѣмъ, одинъ изъ нихъ сказалъ: надо быть повнимательнѣй, можетъ, они здѣсь гдѣ-нибудь. Я понялъ, что это былъ караулъ, выслѣживающій насъ съ Пащенкомъ вездѣ по селеніямъ. Давъ имъ отойти отъ мѣста, гдѣ я поддерживалъ питаніемъ свои физическія силы, я всталъ и пошелъ тотчасъ же въ Александровку. Здѣсь я встрѣтился съ Пащенкомъ у своего знакомаго парня, работавшаго тамъ на ямахъ [2]).

— Добудемъ нужной провизіи, а тогда сдѣлаемъ плотъ и переплывемъ на другую сторону, говорилъ Пащенко. Съ этою цѣлью мы пошли на рудникъ. Придя на ямы, мы остановились недалеко отъ жилья.

---

[1]) Мерказинъ—бывшій губернаторъ острова.
[2]) Яма - каменноугольная шахта.

Пащенко отправился къ одному знакомому парню, а я остался его поджидать, недалеко въ тайгѣ. Онъ нашелъ своего знакомаго парня и далъ ему на покупку нужной провизіи денегъ и вернулся ко мнѣ. Какъ онъ, бѣдный, радовался тогда тому, что, наконецъ, дастъ Богъ, избавится отъ этого проклятаго о. Сахалина! Провизію знакомый парень Ивановъ долженъ былъ въ тотъ же день ночью вынести на условленное мѣсто.

Вотъ, наступила желанная ночь. Мы ждемъ. Вдругъ слышимъ: «Пащенко! Пащенко! гдѣ ты тутъ?» Пащенко вышелъ. «А Широколобовъ гдѣ?» «Да здѣсь», отвѣчаетъ Пащенко. «Ну, вотъ хорошо! Сейчасъ Митька притащитъ вамъ провизію». Дѣйствительно, какой-то человѣкъ шелъ, согнувшись подъ тяжестью мѣшка. Пащенко, при видѣ такого изобилія, кинулся на встрѣчу къ несшему мѣшокъ человѣку, но не успѣлъ онъ приблизиться, какъ раздался выстрѣлъ и Пащенко, вскинувъ руками, упалъ на землю. Въ этотъ же моментъ послышались еще изъ тайги выстрѣлы, чуть ли не со всѣхъ сторонъ, по моему уже адресу. Я бросился убѣгать и, съ прострѣленнымъ халатомъ въ двухъ мѣстахъ (на плечѣ и на боку), ушелъ. Но, чтобы не быть выслѣженнымъ по выпавшему въ эту ночь снѣгу, я вошелъ въ незамерзшую еще рѣченку и сталъ по ней итти, избѣгая такимъ путемъ опасности оставить слѣдъ. Вода была холодна до того, что я передвигался, едва держась на ногахъ. Пройдя съ четверть версты, я не имѣлъ болѣе терпѣнія продолжать такое путешествіе, я принужденъ былъ выйти на берегъ. Выходя на берегъ, я старался ступать на непокрытые снѣгомъ сучья валежника, чтобы такимъ путемъ также скрыть свои слѣды. Пройдя нѣкоторое разстояніе, я сталъ итти, какъ попало, направляясь опять въ Тымовскій округъ. Ноги мои разгорѣлись такъ, что я не чувствовалъ холода обмерзшей одежды. На четвертыя сутки, я, голодный какъ волкъ, добрался до селенія Дербинскаго. Прійдя туда, я отправился въ богадѣльню и переночевалъ тамъ.

На другой день, захвативъ съ собой немного про-

визіи, я, по наставленію одного старика богадѣльщика, направился внизъ по теченію Тымовской рѣки, съ цѣлью пробраться на Охотскій берегъ и тамъ у орочен дождаться, пока станетъ море. Про человѣчность этихъ инородцевъ мнѣ много пришлось наслушаться, такъ что я шелъ къ нимъ довѣрчиво, какъ къ своимъ знакомымъ. Пройдя трое сутокъ по тайгѣ вдоль рѣчки, я нечаянно наткнулся на гиляцкія юрты, гдѣ въ меня начали стрѣлять, какъ въ звѣря, причемъ всадили мнѣ изъ дробовика въ спину и ноги порядочно дроби. Я бросился убѣгать въ тайгу, преслѣдуемый выстрѣлами и собаками гиляковъ. Отъ собакъ мнѣ пришлось опять лѣзть въ рѣченку и идти по ней, укрывая свои слѣды отъ ихняго чутья. Итти по водѣ пришлось съ полверсты или болѣе, а когда я вышелъ, то сѣлъ, а потомъ и прилегъ на снѣгу отдохнуть и перевязалъ свои раны. Отдыхалъ я часа полтора; поднявшись, не могъ игти вслѣдствіе потери крови и сильной, жгучей боли. Долго я не могъ двинуться въ путь, сидѣлъ и замерзалъ, но сознаніе неминуемой гибели придало мнѣ энергіи настолько, что двинулся, несмотря на усталость, боль и застывшіе отъ холода члены. Раскачавшись по мѣрѣ движенія, я сталъ не такъ сильно чувствовать боль и усталость, и пошелъ тверже и быстрѣе. Шелъ я къ тѣмъ же ороченамъ. Прошелъ я еще весь почти день и, достигнувъ мѣста, гдѣ паслось стадо оленей, я подумалъ, что это-то и есть становище орочен; но это оказались не орочены, а тунгусы. Впрочемъ, я не знаю, могъ-ли я получить такой пріемъ у орочен, какой оказали мнѣ эти, благословляемые и сейчасъ мною, тунгусы. Войдя къ нимъ въ юрту, я по-русски объяснилъ причину своего появленія, т. е. показалъ имъ свои раны и началъ просить ихъ дать мнѣ возможность оправиться отъ мучающихъ меня ранъ. Они понимали по-русски отлично и были крещены (я замѣтилъ это, какъ только вошелъ въ юрту, такъ какъ висѣла тамъ икона, изображающая святителя Николая), поэтому я началъ свою просьбу, напирая на «ради Христа» и прочія, магически дѣйствующія фразы на душу христіанина.

Тунгусы мнѣ позволили побыть у нихъ, пока заживутъ мои раны. Они показали мнѣ лежащую въ юртѣ больную дѣвушку, которая была серіозно больна: у нея былъ прострѣленъ тазъ. Благодѣтели мои объяснили, что она была въ тайгѣ, недалеко отъ юрты, и ей кто-то прострѣлилъ насквозь поясницу. Кто бы могъ это сдѣлать—они не могли понять. По ихнему понятію, бродягѣ не изъ-за чего было стрѣлять; солдаты тамъ не ходятъ никогда; а гиляки могли, пожалуй, это сдѣлать, такъ какъ живутъ съ ними не въ дружбѣ и къ тому же народъ—хуже волка. Видя ихнюю антипатію къ гилякамъ, началъ я, путемъ различныхъ вымышленныхъ случаевъ, поддерживать въ нихъ это отношеніе, полагая, такимъ образомъ, упрочить свое у нихъ пребываніе. Они спросили меня, не могу-ли я лѣчить такъ же, какъ себя, и ихнюю больную. Я изъявилъ на то свое согласіе, оставляя ихъ въ пріятномъ заблужденіи относительно своего медицинскаго искусства. Сталъ я шаманить возлѣ больной, которая, между прочимъ, черезъ двѣ недѣли умерла. Тогда, по просьбѣ дикарей, я взялъ на себя роль священника и началъ отправлять погребальную процессію, распѣвая во все горло, что приходило на умъ или на языкъ изъ погребальнаго репертуара, надѣясь этимъ поддержать въ глазахъ своихъ благодѣтелей поколебленную репутацію врача. Во все время моего пѣнія они набожно крестились и лепетали навѣрно молитву. Пѣніе мое имъ, навѣрно, понравилось, иначе они не заставляли-бы меня и послѣ похоронъ такъ часто пѣть молитвы.

Спустя недѣли двѣ послѣ похоронъ, я отправился съ ороченами на медвѣдя. Хотя я не совсѣмъ оправился отъ своихъ ранъ и усталости, чтобы участвовать въ охотѣ за медвѣдемъ, но я хотѣлъ чѣмъ-нибудь заслужить пищу и уголъ, которые мнѣ давали эти дѣти природы и которые я такъ цѣнилъ въ то критическое время. Медвѣдя надо было завалить въ берлогѣ и затѣмъ уже приступать къ дальнѣйшему, но собака своей молодой горячностью испортила все дѣло. Пришлось съ нимъ безъ приготовленій вести

борьбу. Раненый уже въ лапу однимъ изъ двухъ тунгусовъ, онъ началъ яростно наступать на меня, такъ какъ я попросилъ своихъ благодѣтелей не мѣшаться въ нашъ поединокъ. Дѣло это мнѣ было знакомое. У якутовъ еще, въ своей Сибири, я почерпнулъ нѣкоторую тактику ходить на медвѣдя съ ножомъ и съ рогатиной. Съ раненымъ медвѣдемъ мнѣ нечего было дѣлать. Для пущаго эффекта я поманежилъ его немного, а потомъ съ незабытою еще ловкостью всадилъ ему рогатину. Тунгусы такъ и раскрыли рты, стоя въ своей оборонительной позѣ, держа на готовѣ винтовки. Затѣмъ они начали меня хвалить за смѣлость и способности въ этой охотѣ, говоря, что настоящій бродяга такимъ долженъ быть: на то онъ и бродяга, чтобы ничего не бояться, и проч. Заколовъ медвѣдя, я былъ теперь увѣренъ, что репутація охотника будетъ теперь прочнѣе врачебной.

Пожилъ я у тангусовъ мѣсяца полтора и поправился здоровьемъ. Я жилъ бы у нихъ до той поры, пока станетъ море (а то, пожалуй, выѣхалъ бы съ ними и на ту сторону [1]), но они перемѣнили пастбище для своей скотины—оленекъ. Въ этомъ мѣстѣ куда мы перекочевали, оказались по сосѣдству гиляки—этотъ бичъ сахалинскихъ бродягъ, которые, пронюхавъ, что у прибывшихъ ихнихъ сосѣдей-тунгусовъ укрывается бродяга, стали моимъ благодѣтелямъ грозить донесеніемъ на нихъ капитану [2]), что они держатъ у себя бродягу, котораго, по ихъ мнѣнію, надо было убить или отвести куда слѣдуетъ. Не желая быть убитымъ или арестованнымъ, я счелъ за лучшее для себя удалиться изъ этихъ мѣстъ. Мои благодѣтели собирались ѣхать въ Рыковское [3]). Я сѣлъ съ ними и пріѣхалъ туда на оленяхъ, вмѣсто того, чтобы плестись на своихъ, начинающихъ гнить послѣ поморожѣнія, ногахъ. Въ Рыковскомъ я прожилъ на квартирѣ до мая мѣсяца по пріобрѣтенному мною случайно поселенческому билету, добывая у знакомыхъ ребятъ

---

[1]) Та сторона—на языкѣ сахалинца—материкъ Сибири.
[2]) Капитанъ—тюремный чиновникъ.
[3]) Рыковское -главный центръ Тымовскаго округа.

провизію и средства платить за квартиру. Итти, какъ я думалъ, зимою по льду нельзя было, потому что у меня стали гнить на ногахъ пальцы, которые я отморозилъ во время своего исканія орочен. Я приходилъ въ Дербинскую больницу, чтобы отрѣзать эти пальцы, но фельдшеръ вмѣсто этого хотѣлъ меня отправить въ Рыковскую больницу. Боясь быть тамъ открытымъ, я ушелъ изъ Дербинской больницы безъ всякой помощи.

Въ маѣ мѣсяцѣ, когда мои ноги зажили, благодаря мазямъ, которыя мнѣ давали ребята, добывавшіе ихъ какимъ-то путемъ въ лазаретѣ, насъ собралось семь человѣкъ бродягъ, съ цѣлью обойти островъ и, прійдя къ узкому мѣсту, переѣхать на ту сторону, на украденной гдѣ-нибудь лодкѣ. Но планъ намъ не удался. Изъ семи человѣкъ нашей компаніи никто не былъ знакомъ съ островомъ. Одинъ же изъ насъ назвался знающимъ: водилъ-водилъ насъ голодныхъ по тайгѣ и привелъ къ однимъ орочевамъ, которые объяснили мнѣ, что «Лиманъ» недалеко. Они говорили, что стоитъ только пересѣчь тайгу въ продолженіе сутокъ и очутимся на Лиманѣ. По указанному ороченами направленію, мы направились тайгой къ Лиману. Провизіи у насъ не было никакой, а тутъ поднялись туманы, пошли дожди; итти стало трудно; у насъ не было компоса и мы время отъ времени поднимались на деревья, чтобы какъ-нибудь оріентироваться. Но это намъ не удавалось, такъ какъ не только лазить на деревья, но кое-какъ передвигать ноги мы не были въ состояніи по случаю отощанія и усталости. Между нами начались ссоры, упреки, и партія наша, состоявшая изъ семи человѣкъ, раздѣлились на двѣ.

Мы пошли впятеромъ и вышли къ одной рыбалкѣ находившейся на Охотскомъ берегу, а двое другихъ не знаю куда двинулись. Послѣ я слыхалъ, что ихъ арестовали. Двое изъ нашей партіи, прійдя къ рыбалкѣ, отправились туда за хлѣбомъ и были арестованы. Оставшись втроемъ, мы начали придумывать, что дѣлать. Я давалъ своимъ товарищамъ совѣтъ напасть врасплохъ на гиляковъ, отобрать у нихъ оружіе

и съ нимъ въ рукахъ заставить дикарей перевезти насъ на ту сторону. Но товарищи мои на то не рѣшались, такъ какъ не находили въ себѣ силы, исполнить этотъ планъ. Они говорили: сдѣлаемъ это тогда, когда добудемъ какой-нибудь провизіи, наѣдимся и поправимъ такимъ образомъ, свои физическія силы, требующіяся для этого предпріятія. Добыть же что-нибудь было трудно. Рыба шла плохо и украсть у гиляковъ не представлялось никакой возможности болѣе двухъ трехъ штукъ, такъ какъ изъ малаго числа, которое они налавливали, нельзя было брать много безъ того, чтобы они не догодались, куда дѣвалась рыба. Терпѣливость въ голаданіи оставила одного изъ насъ: онъ пошелъ на рыбалку и арестовался. Оставшись вдвоемъ, мы начали напрягать больные свои отъ лишенія мозги къ тому, гдѣ бы достать поѣсть. Наконецъ, товарищъ, Ванька, додумался до того, чтобы мы пошли съ нимъ къ одному знакомому парню, который работалъ на одной изъ ближайшихъ рыбалокъ, за хлѣбомъ.

Когда мы цришли къ той рыбалкѣ, гдѣ работалъ Ванькинъ знакомый, я остался недалеко въ тайгѣ, а товарищъ пошелъ за хлѣбомъ. Я дожидалъ его возвращенія почти цѣлыя сутки, но онъ все не приходилъ. Тогда я самъ пошелъ туда справиться на счетъ того, куда онъ дѣвался. Подходя къ жилью, я замѣтилъ одного человѣка, собиравшаго дрова, спросилъ у него про своего товарища и узналъ отъ него, что товарищъ мой арестованъ и велѣлъ мнѣ уходить, чтобы также не арестовали и меня. Поплелся я опять голодный къ другой рыбалкѣ, въ надеждѣ добыть тамъ чего-нибудь съѣстного. Я шелъ туда влекомый голодомъ, и какъ, животное, не разсуждалъ даже, какимъ путемъ буду добывать себѣ ѣсть--выпрашивать или красть. Прійдя къ рыбалкѣ, я направился къ жилью. Навѣрно, внѣшность моя показалась рабочимъ какой-то необыковенной: они съ ружьями и дрекольями аттаковали меня и связали. Тутъ дали мнѣ ѣсть и отправили по гилякамъ на ближайшій кордонъ. Короче говоря, я былъ водворенъ опять въ кандальную. Какъ только привели

меня, сейчасъ же заковали въ тачку и посадили въ одиночку.

Тачку я таскалъ всего пять лѣтъ и четыре мѣсяца. Сперва меня гоняли съ тачкой на работу, а затѣмъ не стали гнать. Когда я ходилъ на работу съ тачкой, то она меня въ такое зло вгоняла, что я не зналъ, что и дѣлать. Я мучился съ ней (работа была не тяжелая, я возилъ съ кирпичной кирпичъ), какъ скотина, ничего не соображая и не сознавая. Когда же былъ отставленъ отъ работъ, то, имѣя свободное время, я сознавалъ съ большою ясностью свое животное положеніе. Я пришелъ къ такому мнѣнію, что хотя я не былъ человѣкомъ, если на это посмотрѣть съ нравственной точки зрѣнія, но я пересталъ уже имѣть *подобіе* человѣка: казна меня сдѣлала какой-то смѣшной рабочей скотиной. Посмотрю я, посмотрю на свою супругу-тачку и дѣлается горько, и смѣшно, и стыдно. Да, стыдно-то главное было не какъ-нибудь, эдакъ по бахвальству что-ли, а стыдно стыдомъ человѣческимъ. Можетъ быть, покажется невѣроятнымъ, что такой нравственный уродъ, какъ я, могъ имѣть человѣческій стыдъ. Жаль же однако, что насъ, т. е. преступниковъ, или же отверженныхъ, или, наконецъ, несчастныхъ не знаютъ, какъ слѣдуетъ, люди, торопящіеся осудить и не желающіе потщательнѣе заняться душей нашей. Я стыдъ человѣческій чувствовать имѣлъ несчастье, будучи прикованъ къ тачкѣ и имѣлъ свободное время для того, чтобы сосредоточиться на самомъ себѣ въ подобной обстановкѣ. Душа моя возмущалась этимъ наказаніемъ до крайности. Если бы я не испыталъ этого, а услышалъ-бы или какъ-нибудь узналъ, то ни за что не повѣрилъ бы, что такой, какъ я, преступникъ, мучился человѣческимъ стыдомъ отъ того, что его приковали къ тачкѣ. Напротивъ, я думалъ-бы, что въ такомъ случаѣ такому человѣку-звѣрю надо гордиться, такъ какъ онъ герой своего рода: не за богомолье же дали ему тачку, вѣдь онъ, навѣрно, много головъ посшибалъ. Быть страшнымъ преступникомъ, чтобы о немъ много говорили, это мечта многихъ тѣхъ, которые имѣютъ въ крови манію къ извѣстности, къ

славѣ. А какая тамъ слава, это уже зависитъ отъ обстоятельствъ и того направленія, прямого или косвеннаго, которое дается родителями, воспитателями и средой.

Извѣстность же и слава, и какія онѣ—въ этомъ различія мало для того, кто въ крови имѣетъ эту манію. Къ числу таковыхъ людей и я принадлежалъ, поэтому такъ былъ чувствителенъ къ оскорбленію и униженію, къ насмѣшкѣ надо мной путемъ прикованія къ тачкѣ. До этого я не могъ терпѣть середины ни въ чемъ, но разбирая свою душу и жизнь, проведенную такъ глупо, я пришелъ къ тому что средина выигрываетъ такъ много въ жизни. Придерживаясь этой середины, я не былъ-бы въ каторгѣ и не таскалъ-бы той тачки и этихъ кандаловъ, которые моей натурѣ не даютъ забыться.

Я часто вспоминаю про крыловскаго разбойника, который напалъ на возъ съ пузырями и послѣ долгой и трудной борьбы съ ямщикомъ завладѣлъ этимъ товаромъ. Когда же увидѣлъ, что это надутые пузыри, а не воображаемый товаръ, насчетъ котораго онъ думалъ разжиться, сознаіъ свою ошибку неисправимою и стоившую ему чуть-ли не жизни. Сидя съ тачкой на каторгѣ, я былъ похожъ на крыловскаго героя, сорвавшаго трофей побѣды—пузыри. Но говоря такимъ манеромъ, я не раскаиваюсь, какъ это дѣлаютъ многіе изъ нашихъ, имѣя въ виду извлечь этимъ какую-либо пользу для себя. Нѣтъ, я пишу свою біографію, господинъ начальникъ, по вашей просьбѣ и не могу удержаться отъ своихъ умозрѣній, а, главное, воспоминанія о своей прошлой жизни, которой не возмущаюсь, такъ какъ сознаю, что пошелъ я не той дорогой въ началѣ своей жизни. Я сознаю, что не такъ надо было жить. Но что дѣлать! Такова ужъ, видно, судьба моя, что не видать уже воли и не жить на ней спокойно. Мнѣ сейчасъ пятьдесятъ одинъ годъ, а имѣю испытуемости тринадцать лѣтъ. Если я выживу ихъ здѣсь въ кандальной, при теперешней строгости содержанія (что, впрочемъ, едва-ли), то мнѣ будетъ тогда шестьдесятъ четыре года. Возрастъ почтенный, гово-

рить нечего! И при хорошей жизни, вольные люди становятся едва-ли куда годными въ такихъ годахъ, а я вѣдь какъ дикій кабанъ ношу въ себѣ нѣсколько зарядовъ дроби, которая даетъ себя знать, кости мои грызетъ ревматизмъ и въ груди чувствуется сильная одышка, словомъ, я никуда уже не буду черезъ тринадцать лѣтъ способенъ. Приближается старость и я уже ставлю ружье въ козлы. Я не привыкъ къ тюрьмѣ, какъ Шильонскій узникъ. Душа моя хочетъ дышать не тюремнымъ воздухомъ. Я могъ бы попытать счастья, я могъ бы попробовать убѣжать такъ же, какъ бѣжали многіе за эти восемь лѣтъ моего пребыванія здѣсь въ кандальной, но я не хочу болѣе безпокойной жизни: мнѣ надо думать о другомъ, чтобы не быть дважды дуракомъ и преступникомъ въ другой жизни.

Я написалъ свой отчетъ вамъ, но я живъ еще и, слѣдовательно, имѣю желанія, мысли и потребности, быть можетъ, вамъ будетъ угодно знать, къ чему они относятся? Свобода, жизнь и смерть—вотъ тѣ духовные предметы, возлѣ которыхъ вертится все мое помышленіе. Слово «свобода» звучитъ для меня еще соблазнительно, но подкупить меня не можетъ, такъ какъ я вижу въ поискѣ ея насильственную смерть. Если я убѣгу, то долженъ же ею и пользоваться, а пользоваться свободой можетъ только тотъ, кто имѣетъ къ жизни средства матеріальныя. Я же, очутившись на свободѣ, долженъ ихъ добывать только тѣмъ путемъ, какимъ привыкъ и какимъ умѣю, стало быть, преступленіемъ. Отъ поимки за это я не гарантированъ, а пойманный отъ повѣшенія.

Теперь коснусь жизни. Жизнь свою я провелъ во зло себѣ и другимъ. Гдѣ деньги, которыя я добывалъ путемъ лишенія стольких жизней? Нѣтъ у меня ничего и ничего я не завоевалъ себѣ въ жизни, кромѣ пузырей. Жизнь уже пройдена и возврата нѣтъ къ тому распутью, съ котораго я пошелъ не той дорогой, которой пошли вы и другіе честные люди. Да если-бъ и былъ возвратъ къ тому мѣсту, гдѣ сходятся тѣ двѣ жизненныя дороги, то и тогда бы ничего не вышло, чѣмъ я бы могъ искупить свою ошибку жизни, такъ

какъ не хватило бы на это самой жизни. И такъ, жизнь моя кончена, осталось одно послѣднее существованіе, съ которымъ я не могу покончить то-ли отъ животной трусости передъ произвольной смертью, то-ли потому, что я не думаю, что всему конецъ. Видите-ли, когда человѣкъ постепенно утрачиваетъ жизнь, то не придаетъ этому особеннаго значенія, но когда приходитъ эта жизнь уже къ концу, тогда думаешь о другой, въ которую не вѣришь, можетъ быть, неизвѣстной и страшной, именно этой неизвѣстностью и отчасти привитыми ученіями о ней (вродѣ напр. страшнаго суда и проч.).

Я не разъ задумывался о той жизни при видѣ ящика, выпачканнаго въ черную краску, который служитъ гробомъ. Здѣсь у насъ есть шутка даже на эту тему, но какая въ ней горькая иронія слышится. Когда видитъ наша кобылка, что тащитъ гробъ, то, какъ бы изъ желанія спрятать свои впечатлѣнія, произведенныя появленіемъ того ящика, начинаетъ надъ нимъ острить: «вотъ человѣкъ получилъ право крестьянства» [1]), а другой заключаетъ: «ну, нѣтъ, братъ, онъ правъ никакихъ не получилъ, а будетъ теперь съ Рачкова [2]) итти подкопомъ черезъ Татарскій проливъ въ Де-Кастри». Или, напримѣръ, когда вытаскиваемъ бревна на гору къ лазарету, то отдыхаемъ возлѣ покойницкой часовни; затѣмъ, когда приходимъ домой, т. е., въ тюрьму, то начинаемъ обсуждать злобы дня и разсказывать другъ другу о томъ, каково пришлось тому-то легко, а другому тяжело, такъ какъ попалъ въ сѣверную артель, которая ничуть не тянетъ, и пока выѣхали къ «мѣщанской управѣ» [3]), то у него и глаза на лобъ вылѣзли. Хотя я, собственно, и не видѣлъ, но, тѣмъ не менѣе, знаю, что на «Рачковомъ» закапываютъ въ яму, въ которой полно воды. Когда заходитъ у насъ разговоръ на эту тему, то нѣкоторые изъ

---

[1]) На Сахолинѣ все населеніе живетъ надеждой получить права крестьянства и выбраться на материкъ.

[2]) Рачково— кладбищенское мѣсто въ посту Александровскомъ, гдѣ находится самая большая тюрьма.

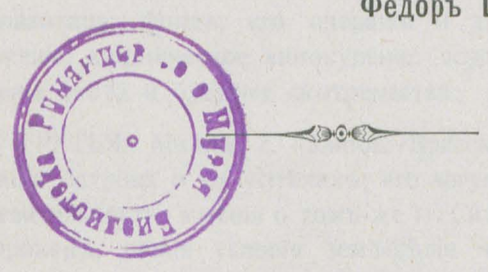
[3]) Мѣщанской управой называютъ тюремную покойницкую.

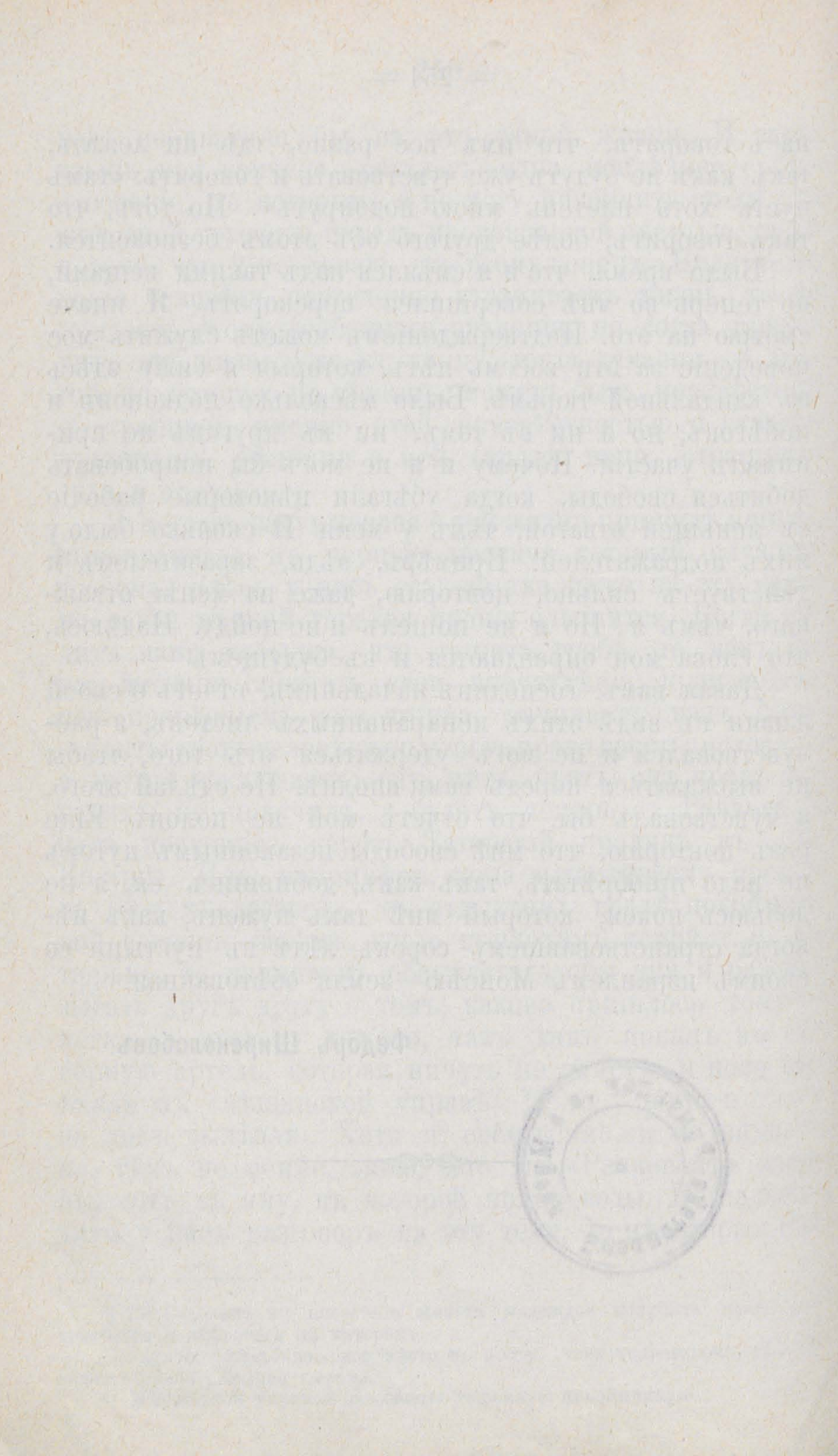
насъ говорятъ, что имъ все равно, гдѣ ни лежать, такъ какъ не будутъ уже чувствовать и говорятъ: «тамъ пусть хоть плетень мною подопрутъ». Но тотъ, что такъ говоритъ, болѣе другого объ этомъ безпокоится.

Было время, что и я смѣялся надъ такими вещами, но теперь во мнѣ совершился переворотъ. Я иначе смотрю на это. Подтвержденіемъ можетъ служить мое поведеніе за эти восемь лѣтъ, которыя я сижу здѣсь въ кандальной тюрьмѣ. Было нѣсколько подкоповъ и побѣговъ, но я ни въ томъ, ни въ другомъ не принималъ участія. Почему и я не могъ бы попробовать добиться свободы, когда убѣгали нѣкоторые рабочіе съ меньшей отвагой, чѣмъ у меня. И сколько было у нихъ подражателей! Примѣръ, вѣдь, заразителенъ и дѣйствуетъ сильно, повторяю, даже на менѣе отважнаго, чѣмъ я. Но я не пошелъ и не пойду. Надѣюсь, что слова мои оправдаются и въ будущемъ.

Давая вамъ, господинъ начальникъ, отчетъ о своей жизни въ видѣ этихъ исцарапанныхъ листовъ, я расчувствовался и не могъ удержаться отъ того, чтобы не высказаться передъ вами вполнѣ. Не сдѣлай этого, я чувствовалъ бы, что отчетъ мой не полонъ. Еще разъ повторяю, что мнѣ свободы незаконнымъ путемъ не надо пріобрѣтать, такъ какъ, добившись ея, я не добьюсь покоя, который мнѣ такъ нуженъ, какъ нѣкогда странствовавшему сорокъ лѣтъ въ пустыни со своимъ израилемъ Моисѣю – земля обѣтованная.

Федоръ Широколобовъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Вступленіе. 3

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Историческія свѣдѣнія объ островѣ и занятіе его русскими; естественно-историческія изслѣдованія; орографическія, геологическія и почвообразовательныя условія; флора и климатъ.—Первыя извѣстія объ угольныхъ богатствахъ острова; ссылка и ея первоначальныя задачи; колонизація, ея пріемы и результаты 6

ГЛАВА ВТОРАЯ. Первоначальныя предположенія относительно состава ссылаемыхъ на Сахалинъ и результаты; движеніе водворяемыхъ по пятилѣтіямъ.—Домообзаводство поселенцевъ и трудности; заработки, казенное довольствіе и его недостатки; общая нищета и деморализація; казенное пособіе на обсѣмененіе и инвентарь; фондъ, его операціи и деморализующее вліяніе; хищническое винокуреніе; ссуды на пріобрѣтеніе скота и будущее скотоводства. 21

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Мнѣніе г. Галкина-Врасскаго о колонизаціи острова и ея успѣхахъ; его аргументація и дѣйствительность; мнѣнія о томъ-же гг. Саломона и фонъ-Фрикенъ; общія условія земледѣлія и ихъ значеніе; урожайность и ея отношеніе къ обезпеченности населенія; доставка на островъ грузовъ и семействъ

стр.

ссылаемыхъ; обратные переселенцы; каменный уголь и его достоинства; исторія разработки и современное состояніе; нефть, рыбопромышленность, лѣсопользованіе 41

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Благосостояніе удачниковъ и объясненіе этого; мнѣніе г. Галкина-Врасскаго о порядкѣ отбыванія каторжныхъ работъ и его проектъ; положеніе привиллегированнаго труда и семейныхъ; арестантскія помѣщенія; отзывы о нихъ гг. Саломона и губернатора острова; тѣлесныя наказанія и безработица; вліяніе каторги на внѣтюремное населеніе и сахалинскіе подростки; отсутствіе безопасности; убійства, пожары, скотокрадство 83

ГЛАВА ПЯТАЯ. Бродяжество, его прошлое и дефиниція по дѣйствующему праву и Новому Уголовному Уложенію; ссылка бродягъ на Сахалинъ, причины, ее вызвавшія, и послѣдствія; возвращеніе бродягъ на материкъ Сибири и законъ 10 іюня 1900 г. объ отмѣнѣ ссылки; побѣги, статейные списки и фотографіи; выходъ въ Россію, веревочка и арестантскіе манифесты; уличка; значеніе пожизненнаго праволишенія и взглядъ на наказаніе проф. В. В. Есипова; преступность по мнѣнію г. Макса Нордау, факты и типы; итоги 102

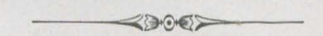
ГЛАВА ШЕСТАЯ. Заключеніе г. Саломона о Сахалинѣ и неотложность реформъ; Коммиссія 1892 г. и взглядъ ея на причины бѣгства ссыльныхъ съ острова; юрисдикція мѣстнаго начальства въ отношеніи сс.-поселенцевъ, ея законныя границы и дѣйствительныя очертанія; характеръ юрисдикціи на островѣ и материкѣ Сибири; обезпеченіе населенію безопасности, прекращеніе ссылки на островъ и упраздненіе «естественной» тюрьмы. — Существующая общественная организація; крестьянское самоуправленіе, волостной судъ и полицейская служба; характеръ будущей организаціи самоуправленія; колонизація, доводы за и противъ; инородческій вопросъ; пожизненное праволишеніе и реабилитація; поселенческій вопросъ въ законодательствѣ и жизни 138

стр.

Нѣкоторыя свѣдѣнія о размѣщеніи, хозяйственномъ и семейномъ состояніи лицъ свободнаго состоянія, ссыльно-крестьянъ, ссыльно-поселенцевъ и ссыльно-каторжныхъ (свѣдѣнія относятся къ концу декабря 1901 г.) . . 168

Перечень селеній по даннымъ за 1901 г. 170

Автобіографія Федора Широколобова 173

ГЛАВНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ:

на страницѣ					напечатано:	слѣдуетъ:
11	въ	11	строкѣ	сверху	широкоствольное	высокоствольное
25	—	16	—	—	туда	—
72	—	15	—	—	Ноями	Нояси
84	—	24	—	—	рабочами	рабочими
92	—	28	—	—	насесеніе	населеніе
99	—	28	—	—	наровитъ	норовитъ
99	—	37	—	—	стойку	стайку
120	—	16	—	—	нили	ними
120	—	17	—	—	растройства	разстройства
128	—	28	—	—	удовольствоваться	довольствоваться
136	—	31	—	—	Гдѣ	гдѣ
146	—	22	—	—	негодная	невыгодная
147	—	23	—	—	нисшіе	низшіе
173	—	2	—	—	Ивана	Федора

2014149853